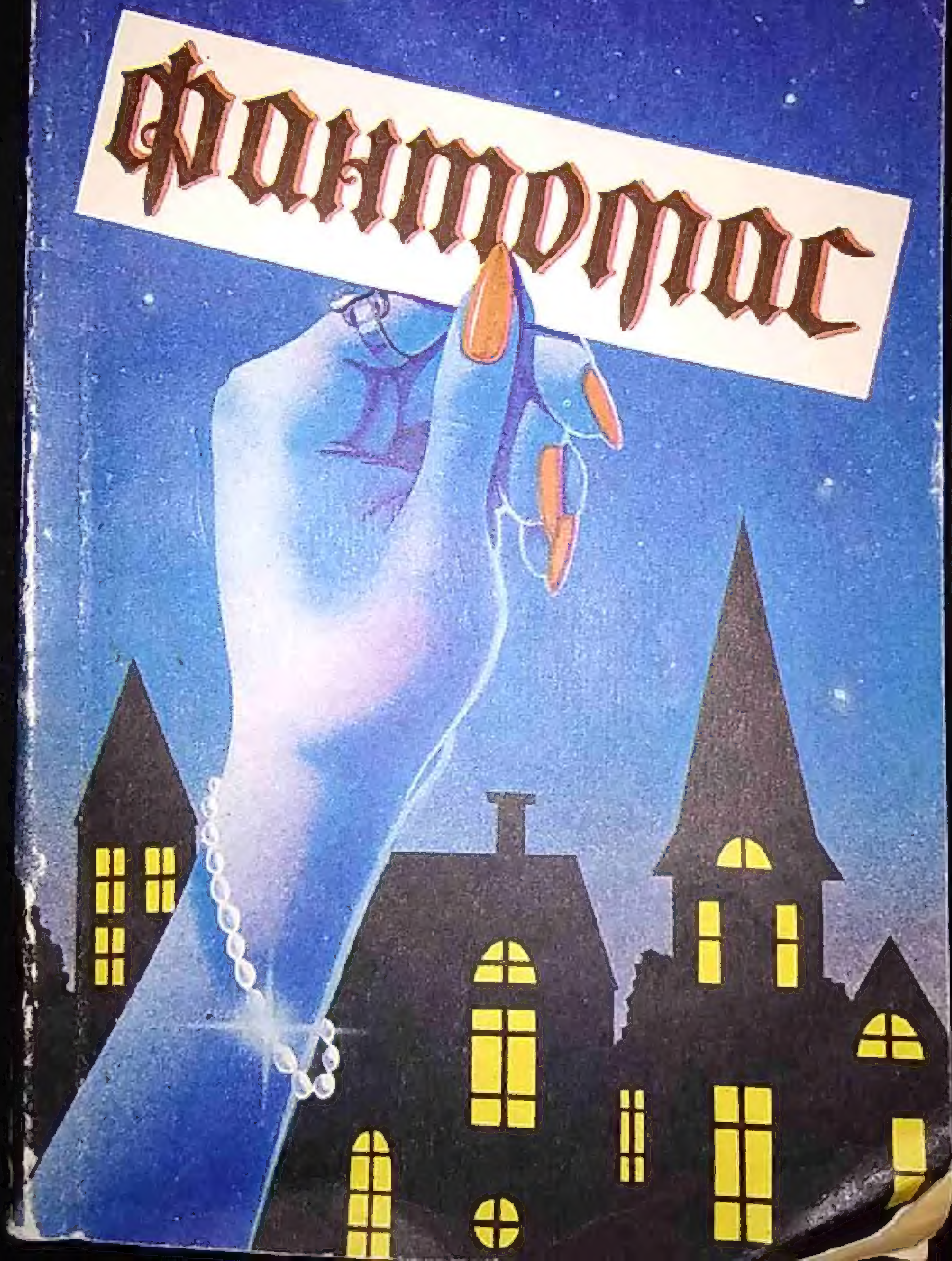
М. АЛЛЕН · П. СУВЕСТР

ПЬЕР СУВЕСТР,
МАРСЕЛЬ АЛЛЕН

ФАНТОМАС

ассоциация
«ЭСТИНПРЕСС» — ассоциация
«КАЗИНПРЕСС»

Таллинн — Алма-Ата
1991

I

ГЕНИЙ ЗЛОДЕЙСТВА

— Фантомас!
— Как вы сказали?
— Я говорю... Фантомас.
— Что это значит?
— Ничего...
— Так что это такое?
— Нечто или некто, кто вселяет страх!

Обед только что закончился, гости перешли в гостиную.

С давних времен в дни своего ежегодного пребывания в замке Больё, что расположен на севере департамента Лот, на границе с Каррэзом, по соседству с живописным Дордонь, маркиза де Лангрюн по средам устраивала званые обеды. Делала она это для того, чтобы скрасить свое одиночество и не портить отношений с ближайшими соседями.

Гостями были отставной судья Боннэ из Сен-Жори, аббат Сико, местный кюре, баронесса де Вибре, независимая и богатая молодая вдова, страстная поклонница автомобилей. Молодежь была представлена Шарлем Рамбером, милым восемнадцатилетним юношей, приехавшим в замок два дня тому назад, и Терезой Овернуа, внучкой мадам де Лангрюн, которая заменила девушке покойных родителей.

Странные и таинственные слова Боннэ, сказанные им во время обеда, имя Фантомаса заинтересовали собравшихся. Пока маленькая Тереза Овернуа изящно сервировала стол для кофе, остальные засыпали отставного судью вопросами.

— Если, дорогие друзья,— начал Боннэ,— мы обратимся к статистике, то увидим, что из общего числа ежедневно регистрируемых смертей, по меньшей мере треть является результатом преступлений. Вы не хуже меня знаете, что полиция раскрывает примерно половину из них, отнюдь не все преступники попадают в руки правосудия.

— Что вы хотите этим сказать? — полюбопытствовала маркиза де Лангрюн.

— А вот что,— отозвался отставной судья.— Если о каких-то прес-

туплениях мы даже и не подозреваем, то это не значит, что они не были совершены. Одни преступления явны и бесспорны, другие загадочны. Их трудно раскрыть, совершающие их ловки и умны. В нашей истории немало таинственных героев: Железная Маска, Калиостро... Думаете, сегодня у этих злодеев нет преемников?

Аббат Сико резонно возразил:

— Полиция в наше время работает гораздо лучше, чем прежде...

— Несомненно,— согласился Боннэ,— но сегодня ее роль сложнее, чем когда-либо! Современные преступники более изощренны в своих злодеяниях. Наука способствует прогрессу, и не исключено, что она станет пособницей и преступников. Шансы равны как с одной, так и с другой стороны!

— Месье, вы начали рассказывать о Фантомасе,— почти шепотом проговорил взволнованный Шарль Рамбер, который чрезвычайно внимательно слушал отставного судью.

— Как вы поняли, именно к нему я подвожу свои рассуждения. Нашей эпохе предстоит занести в свои анналы имя таинственного и опасного существа, прозванного отчаявшимися властями и народной молвой Фантомасом.

Фантомас! Точнее не скажешь, не определишь... Фантомас!

Он способен менять свое обличье, быть нигде и везде! Его тень ложится на самые таинственные события, его следы ведут к самым загадочным преступлениям...

— Молодежь,— ласково обратилась баронесса де Вибре к Шарлю и Терезе,— вам, наверное, скучно среди стариков. Идите погуляйте. Тереза, в библиотеке есть великолепная головоломка. Попробуйте разгадать ее вместе с Шарлем...

Баронесса де Вибре опять перевела разговор на Фантомаса:

— Месье Боннэ, вы заговорили об этом зловещем призраке в связи с исчезновением лорда Белтэма? — спросила она.— Увы, мы, женщины, знаем вас, мужчин. И знаем, на какие проделки вы способны. Может, и данный случай — банальный побег?

— Извините, баронесса, извините!.. Если бы исчезновение лорда Белтэма не было окружено столь таинственными обстоятельствами, я бы, очевидно, принял вашу точку зрения. Но есть один факт, который нельзя упустить из внимания. Газета «Капиталь» сообщила: леди Белтэм, обеспокоенная отсутствием супруга, на следующее утро после его исчезновения вспомнила, что накануне вечером, перед тем, как выйти из дома, он читал какое-то письмо. Квадратная форма листа удивила леди Белтэм. Она также заметила, что письмо было написано крупными буквами и черными чернилами. Когда же леди нашла письмо на бюро мужа, то оказалось, что текста на листе нет. Только едва заметные пятна свидетельствовали о том, что документ побывал в руках ее супруга. Леди Белтэм не обратила бы внимание на этот факт, если бы репортеру из «Капиталь» не пришло в голову посоветоваться по данному поводу с полицей-

еким Жювом, знаменитым инспектором из «Сюрте»,* на счету которого немало пойманных отъявленных преступников. Вид документа очень взволновал месье Жюва. Инспектор не скрыл от репортера, что считает все делом рук Фантомаса.

От последних слов месье Боннэ у слушателей пробежал мороз по коже.

— Кто такие лорд и леди Белтэм? — поинтересовалась маркиза де Лангрюн.

— Ах, моя дорогая,— ответила ей баронесса де Вибре.— Видно, эхо парижской жизни редко долетает до вас. Лорд и леди Белтэм известные люди. Лорд Белтэм был атташе при посольстве Англии в Париже, воевал в Трансваале. Во время войны леди Белтэм, сопровождавшая супруга, проявила свои лучшие качества: мужество и сострадание. Она возглавляла госпиталь. Потом лорд и леди Белтэм вернулись в Лондон, а затем обосновались в Париже. Они живут в очаровательном особняке на бульваре Инкерман в Нейи-сюр-Сен, где частенько устраивают изысканные приемы. Мне приходилось бывать в гостях у леди Белтэм, этой пленительнейшей из женщин, утонченной, наделенной тем особым очарованием, которое присуще женщинам севера...

Пробило 10 часов.

— Тереза,— позвала мадам де Лангрюн. Будучи хозяйкой светского дома, маркиза не забывала и о том, что она бабушка.— Тереза, девочка моя, пора спать. Уже поздно.

Девушка, отложив головоломки, вежливо попрощалась с баронессой де Вибре, председателем Боннэ и старым кюре, который по-отечески поинтересовался:

— Тереза, мы увидим тебя на мессе в 7 часов?

Та повернулась к маркизе:

— Бабушка, вы разрешите мне завтра утром поехать на вокзал с месье Шарлем? А на мессу я пойду к 8 часам, когда вернусь...

— Милый Шарль, ваш отец приезжает в Веррьер в 6.55? — спросила маркиза.

— Да, мадам...

Минуту поколебавшись, мадам де Лангрюн сказала Терезе:

— Мне кажется, детка, что нашему другу лучше одному встретить отца.

Но тут запротестовал Шарль:

— О, мадам, я уверен, что отцу будет приятно увидеть со мной Терезу...

— В таком случае, дети мои, делайте так, как хотите. Тереза, предупреди управляющего Доллона, чтобы он распорядился заложить экипаж к 6 часам. До вокзала далеко...

— Хорошо, бабушка.

Молодые люди покинули гостиную.

— Кто этот юный Шарль Рамбер? — спросил кюре.— Кажется позав-

---

* «Сюрте» — сыскная полиция.

черя я видел его с вашим управляющим Доллоном, но сегодня с большим трудом узнал юношу.

— Неудивительно,— улыбнулась в ответ маркиза,— Шарля вы не знаете, но возможно, когда-нибудь слышали о господине Этьене Рамбе, ре, моем давнем друге. Мы долго не виделись, но два года назад я случай, но встретила его в Париже на празднике милосердия. У этого бедняги беспокойная жизнь. Двадцать лет прошло с тех пор, как он женился на очаровательной особе. Сейчас его жена больна, ужасно больна. Кажется, она лишилась рассудка... Этьену Рамберу недавно пришлось отправить ее в больницу.

— А как же его сын попал к вам? — поинтересовался председатель Боннэ.

— Представьте себе, недавно юный Шарль покинул частный пансион в Гамбурге, где совершенствовал свои знания в немецком языке. Из письма его отца я узнала, что мадам Рамбер помещена в психиатрическую больницу. Этьену необходимо было куда-то отлучиться, и я предложила приехать Шарлю сюда, в Больё, пока отец не вернется в Париж. И вот он здесь, с позавчерашнего дня.

— Месье Рмбер действительно приезжает завтра? — спросил кюре.

— Разумеется, потому...

Маркиза де Лангрюн хотела продолжить рассказ о своем юном протеже, но в это время в гостиную вернулся Шарль. Наступила пауза. По-юношески неловко он подошел к гостям и, неожиданно осмелев, обратился к председателю Боннэ:

— Итак, месьез..

— Что вы имеете в виду, мой юный друг? — удивился судья.

— Разве разговор шел не о Фантомасе? Это так занимательно

— Ну, я-то не считаю все эти криминальные истории занимательными как вы,— довольно сухо отозвался председатель Боннэ.

Но молодой человек, не обратив внимания на интонацию ответа, продолжал:

— Ведь это так интересно и так необычно, неужели в наше время могут быть таинственные личности вроде Фантомаса. Возможно ли, что бы один человек совершил столько злодеяний, чтобы он был неуловимым, мог без конца разрушать все замыслы полиции? Я нахожу, что...

— Молодой человек, я не понимаю вашего отношения к Фантомасу! — перебил его председатель еще более холодным тоном.— Вы слишком взволнованы.

И, повернувшись к аббату Сико, Боннэ добавил:

— Вот, господин кюре, образчик современного воспитания и состояния общества.

Шарль Рамбер не отступал:

— Господин председатель, это — жизнь, история, реальность!

Терпеливая маркиза де Лангрюн перестала улыбаться, и Шарль Рамбер понял, что зашел слишком далеко.

— Прошу прощения,— прошептал он,— я говорил сгоряча.

Его лицо выразило такую досаду, что судья утешил юношу:

— У вас богатое воображение, молодой человек, но это пройдет... Вы еще в том возрасте, когда говорят даже о том, чего не знают.

Прием явно затянулся. Гости стали спешно разъезжаться.

Шарль Рамбер, проводив маркизу де Лангрюн до дверей ее апартаментов, почтительно попрощался с нею. Но как только он повернулся, чтобы идти в свою комнату, которая находилась рядом, маркиза задержала его:

— Шарль, возьмите книгу, которую я вам обещала. Она должна быть на моем секретере.

Войдя в комнату, маркиза скользнула быстрым взглядом по столу:

— Книга, я думаю, в секретере. Очевидно, я заперла ее там.

— Не беспокойтесь, мадам,— попросил молодой человек.

— Ничего, ничего,— настаивала маркиза.— Я сейчас открою секретер. Мне все равно нужно проверить лотерейные билеты, которые я приготовила в подарок Терезе. Каково, Шарль! — продолжала мадам де Лангрюн, открывая бюро.— Вот будет удача, если моя маленькая Тереза получит большой выигрыш.

— Действительно, мадам,— улыбнулся Шарль.

Маркиза нашла книгу и протянула ее юноше. В другой руке она держала несколько разноцветных бумажек.

— Вот они, мои билеты,— воскликнула маркиза.— Но, боже мой, какая я глупая, что не запомнила номер счастливого билета, о котором сообщила «Капиталь».

— Мадам, хотите, я схожу за газетой,— предложил Шарль.

Маркиза покачала головой:

— Бесполезно. Ее там нет, дорогое дитя. Каждую среду кюре уносит недельную подборку... Ну, ничего, завтра будет день.

Погасив свет и задернув штору в своей комнате, Шарль Рамбер никак не мог заснуть. Молодой человек ворочался в постели. Как только он забывался на несколько мгновений, тотчас в его сознании, бесконечно варьируясь, возникал образ Фантомаса: то это был колосс с могучими плечами и лицом животного, то бледное, худое существо со странными горящими глазами, то нечто бесформенное, призрак... Фантомас!..

II
ТРАГИЧЕСКИЙ РАССВЕТ

Когда фиакр в конце моста Руайаль свернул на набережную, ведущую к вокзалу Орсэ, Этьен Рамбер посмотрел на часы и отметил про себя, что до отхода поезда оставалось еще четверть часа. Выйдя из экипажа, он подозвал носильщика, который взял его багаж — тяжелый чемодан и пакет с одеялами.

— Друг мой, где поезд на Люшон?

Носильщик что-то неразборчиво пробормотал и сделал непонятный жест. Этой информации пассажиру было явно недостаточно.

— Идите вперед,— сказал Этьен,— проводите меня.

Часы показывали полдевятого, на вокзале Орсэ царило то особое оживление, какое бывает перед отправлением поездов дальнего следования. Следуя за носильщиком, Этьен Рамбер ускорил шаг. У перрона носильщик повернулся к нему:

— Поедете на экспрессе, месье?

— На пассажирском.

— Хотите ехать в голове или в хвосте поезда?

— Предпочел бы в хвосте.

— В первом классе, не так ли?

— Да, в первом.

Носильщик, отдохнув минуту, снова взялся за тяжелый багаж, заметив при этом:

— Тогда выбора нет. В пассажирском только два вагона первого класса. В середине состава.

— Эти вагоны, я полагаю, проходные?

— Да, месье. В составах дальнего следования других нет.

Этьен Рамбер с трудом пробирался сквозь толпу за носильщиком, которому доверил свои вещи.

На вокзале Орсэ нет того порядка, как на других вокзалах. Здесь нет различия между пригородными линиями и линиями дальнего следования. Поэтому у одного перрона справа стоял поезд, который должен был увезти Этьена Рамбера в Веррьер, а состав слева следовал в Жювизи. В люшонский поезд пассажиров было мало. Большинство стремилось к пригородному составу.

Носильщик поставил багаж Рамбера на подножку вагона первого класса.

— Вагон пуст, месье,— заметил он.— Вы сами можете выбрать купе.

Этьен Рамбер последовал его совету.

Но едва он вошел в тамбур, как перед ним возник начальник поезда, явно жаждущий чаевых:

— Поезд отправляется в 8.50? Месье не ошибся составом?

— Нет,— ответил Рамбер.— Почему я должен ошибиться?

— Потому что,— продолжал начальник поезда,— многие пассажиры первого класса ошибаются, путают с поездом, который отправляется в 8.45...

— В 8.45 отправляется экспресс? — уточнил Рамбер.

— Да, он прямой и не останавливается, как наш, на всех станциях. Экспресс идет впереди и прибывает в Люшон на три с лишним часа раньше. Вот он — рядом. Впрочем, если месье захочет поехать в экспрессе, еще есть время; месье может выбирать, потому что у него билет первого класса.

— Нет, я предпочитаю этот поезд,— ответил Этьен.— Если поеду на экспрессе, то должен буду выйти в Брив, и мне придется еще 20 километров добираться до Сен-Жори.

Рамбер прошел в вагон, осмотрел купе, убедился, что они пусты, и обратился к начальнику поезда:

— Друг мой, я очень устал и хотел бы поспать этой ночью. Нельзя ли это сделать без попутчиков?

Начальник поезда понял с полуслова. Рамбер явно намекал на щедрые чаевые.

— Если месье очень хочет устроиться здесь, пусть сразу же опустит шторы. Думаю, что смогу разместить остальных пассажиров по другим купе.

— Вот и прекрасно,— сказал Рамбер, направляясь к указанному купе.— До отправления я еще успею выкурить сигару, а потом — сразу спать. И еще, друг мой, потрудитесь разбудить меня завтра утром перед Веррьером. Боюсь проспать.

. . . .

В замке Больё Шарль Рамбер уже заканчивал утренний туалет, когда кто-то тихонько постучал в дверь его комнаты.

— Без четверти пять, месье Шарль. Вставайте.

— Я уже встал, Тереза,— гордым тоном ответил Шарль.— Буду готов через две минуты.

За дверью вновь раздался голос девушки:

— Вы уже встали? Это чудесно. Мои поздравления! Как только оденетесь, спускайтесь.

— Договорились,— отозвался молодой человек.

Шарль оделся, затем, взяв лампу, осторожно, чтобы не шуметь, открыл дверь и на цыпочках спустился по лестнице в столовую.

Тереза была хорошей хозяйкой, Шарля уже ожидал легкий завтрак.

— Быстро поедим и в путь. Снега нет, может, дойдем до вокзала пешком? Время есть. Заодно и прогуляемся немного.

— Ходьба нас согреет,— согласился все еще полусонный Шарль Рамбер, уписывая за обе щеки стряпню Терезы.

– Знаете,— сказала она,— это достижение проснуться с такой точностью! Как вам удалось? Вчера вечером вы так боялись проспать...

— Тереза, я очень волновался при мысли, что отец приедет этим утром... и почти не спал.

После завтрака Тереза переспросила Шарля:

— Так пойдем пешком?

— Да!

Они спустились с крыльца в сад. Возле конюшни Шарль и Тереза встретили конюха, который готовил старинную двухместную коляску.

— Не торопитесь, Жан! — крикнула Тереза, здороваясь с конюхом.— Мы идем пешком. Приезжайте за нами на вокзал.

Конюх вежливо поклонился.

Молодые люди вышли из парка на большую проселочную дорогу.

— Вы, наверное, очень рады приезду отца,— спросила девушка.— Давно вы его видели?

— В последний раз — три года назад,— ответил Шарль.— И то всего несколько минут, когда он ненадолго приезжал из Америки и собирался вновь туда вернуться. Перед этим он много путешествовал по Испании.

— Он узнает вас?

— Об этом грустно говорить,— ответил молодой человек.— Мы с отцом так мало знаем друг друга.

— Бабушка рассказывала, что вас воспитывала мать.

Молодой Рамбер грустно кивнул:

— По правде сказать, меня никто не воспитывал. С тех пор, как я себя помню, все время думаю о родителях, как о чужих людях, которых вижу время от времени, которых очень люблю, но которые меня пугают. Так что с отцом, можно сказать, я познакомлюсь сегодня.

— Пока вы росли, он все время путешествовал?

— Да, он был то в Колумбии, на своих плантациях каучука, то в Испании, где у него много земли. Когда отец приезжал в Париж, он заходил в пансион, вызывал меня, наши встречи длились не более четверти часа.

— А мать?

— О, мама! Знаете, Тереза, все мое детство, по крайней мере, то время, что я помню, прошло для меня в пансионе.

— Но вы любили мать?

— Да, я любил ее,— ответил Шарль,— но я ее тоже мало знал.

Шарль заметил на лице девушки удивление и продолжил рассказ о своем одиноком детстве:

— Видите ли, Тереза, я повзрослел и теперь догадываюсь о многих вещах, о которых прежде и не подозревал. Родители плохо ладили друг с другом. Когда я был маленьким, всегда видел мать молчаливой, грустной-грустной, а отца наоборот — активным, веселым, громко разговаривающим... Думаю, что мать боялась его. Когда слуга привозил меня домой по четвергам, я шел к матери поздороваться. Она всегда полулежала в шезлонге. В ее комнате шторы всегда были опущены, царил

полумрак. Мать целовала меня, едва прикасаясь губами, задавала два-три вопроса, а потом меня уводили, я ее утомлял.

— Она была больна?

— Мама всегда была больна.

Помолчав, Тереза заметила:

— Вы были не очень счастливы...

— О! Я почувствовал себя несчастным только, когда повзрослел. Маленьким я не думал о грусти, которая приходит от сознания того, что у тебя фактически нет ни отца, ни матери.

Беседуя, молодые люди быстрым шагом преодолели половину пути до станции Веррьер. Наступал день, мрачный, как те бывают в декабре, с тяжелыми серыми тучами, повисшими, казалось, над самой землей.

— Я тоже не была счастлива,— призналась Тереза.— Отца я потеряла совсем маленькой. Даже не помню [illegible], должно быть, умерла...

Неопределенность фразы заинтр[illegible]:

— Как же, Тереза, вы не знаете, [illegible]?

— Бабушка мне рассказывала о [illegible] пыталась узнать подробности о ее смерти, б[illegible]. Я часто спрашиваю себя, не скрывают ли что [illegible]. Н[illegible] правда, что матери действительно [illegible].

Миновав несколько домов, они [illegible].

— Мы пришли слишком рано,— [illegible] на вокзальные часы.— Поезд, в котором [illegible] должен быть здесь в 6.55, а сейчас только 6.40. Нам [illegible] часа. Только бы поезд не опоздал.

Они вошли в пустой зал ожидания. Шарль Рамбер, довольный, что спрятался от утреннего холода, стал шумно притоптывать на месте. Это привлекло внимание служащего вокзала.

— Боже мой, кто здесь так шумит? — недовольно поинтересовался он, но, заметив Терезу, успокоился.— А, мадемуазель Тереза! Вы встали так рано? Пришли кого-нибудь встречать или уезжаете?

Расспрашивая Терезу, служащий с любопытством рассматривал Шарля Рамбера, приезд которого три дня назад произвел своего рода сенсацию.

— Нет,— ответила Тереза, — не уезжаю. Я сопровождаю месье Рамбера, который встречает своего отца.

— А, вы пришли встретить отца, месье! Издалека едет?

— Из Парижа. Скоро прибудет поезд?

— В вашем распоряжении двадцать минут. Сейчас в тоннеле ведутся ремонтные работы, и поезд запаздывает. А теперь мне пора, нужно идти работать, мадемуазель Тереза,— как бы извиняясь, откланялся служащий.

— Понимаю, как тянется для вас сейчас время,— повернулась девушка к Шарлю.— Хотите, пойдем посмотрим на прибытие поезда...

Они вышли из зала ожидания и стали прогуливаться по перрону.

Тереза поглядывала на стрелки часов и улыбалась Шарлю.

— Еще пять минут, и ваш отец будет здесь! Еще четыре минуты. Смотрите, а вот и поезд,— она показала рукой вдаль, где можно было различить маленькое облачко белого дыма, отчетливо выделявшееся на фоне гор.— Видите, это дым от паровоза, который выезжает из тоннеля.

Она не успела договорить, как дребезжащий станционный звонок огласил окрестности.

— Идите к середине перрона,— подсказал Терезе служащий.— Там останавливаются вагоны первого класса.

С прерывистым шипением паровоз замедлил ход, тяжелый состав, наконец, остановился.

На подножке вагона первого класса стоял осанистый пожилой высокий человек изысканной внешности. Это был Этьен Рамбер.

Заметив Шарля и Терезу, он подхватил свой багаж и спрыгнул на перрон. Бросив чемодан и пакет, он обнял Шарля за плечи.

— Мой малыш! Мой славный малыш!

Было видно, что Этьен пытался овладеть своими чувствами. Шарль тоже, как ни крепился, страшно побледнел и воскликнул дрожащим голосом:

— Отец, дорогой отец! Как я рад тебя видеть!

Тереза скромно стояла в стороне.

Господин Рамбер продолжал обнимать сына за плечи, потом отступил, чтобы лучше рассмотреть его, и сказал:

— Да ты у меня — мужчина! Как ты изменился, мой мальчик! Ты такой, каким я хотел видеть тебя,— высокий, сильный. В тебе моя кровь! Ты великолепно держишься! Но у тебя усталый вид, почему?

— Я плохо спал эту ночь,— говорил, улыбаясь, Шарль,— боялся проспать.

Повернувшись, Этьен Рамбер увидел Терезу и протянул ей руку.

— Здравствуй, моя маленькая Тереза. Ты тоже очень изменилась с тех пор, как я видел тебя в последний раз. Я уехал, когда ты была крошкой, я вернулся — передо мной красивая девушка.

Тереза сердечно пожала ему руку и сказала:

— Бабушка просила извинить ее за то, что не смогла встретить вас. Врач запретил ей вставать слишком рано.

— Твоя бабушка прощена, дитя мое! Я приехал, чтобы поблагодарить ее за гостеприимство, оказанное Шарлю.

В это время поезд тронулся, к господину Рамберу подошел служащий вокзала:

— Месье заберет свой багаж?

Этьен Рамбер посмотрел на чемодан, который держал носильщик.

— Боже мой...— начал он.

Но Тереза его опередила:

— Бабушка обещала, что позже пришлет за вашим багажом, а вы поедете с нами.

— Бабушка пришлет экипаж?

— Да, ведь Болье довольно далеко отсюда,— ответила Тереза, спросите у Шарля.

Втроем они вышли с вокзала. Тереза удивленно остановилась:

— Экипажа нет. В чем дело? Жан запрягал лошадей, когда мы еще были в замке.

Этьен Рамбер, опираясь на плечо сына и лаская его взглядом, улыбнулся Терезе:

— Возможно, он опаздывает, дитя мое. Знаете, что мы сделаем? Поскольку твоя бабушка все равно [illegible] за багажом, мне совсем не обязательно брать с собой чемодан. Мы все оставим в камере хранения, а сами пешком отправимся в замок. Насколько [illegible] помню, а память у меня хорошая, то в замок ведет только одна дорога. Следовательно, на ней мы и встретим экипаж Жана.

Через несколько минут они уже шли [illegible]

Этьен Рамбер с замиранием сердца [illegible] поворот дороги, открывающийся пейзаж.

— Надо же,— говорил он,— кто бы [illegible] я вернусь сюда в 60 лет, а рядом со мной будет 18 [illegible] будто это было вчера, прекрасные вечера [illegible] мы увидим фасад замка сразу, как выйдем [illegible]

— Да,— ответила [illegible] эти места, месье.

— Да, когда достигают [illegible] Рамбер доверительно,— то вспоминают счастливые [illegible]! — Он помолчал, как бы предаваясь грустным [illegible] продолжил разговор.— О, изменилась ограда в парке. Вот стена, которой раньше не было, была только изгородь.

— А я и не знала, что раньше была изгородь,— заметила Тереза.

— Теперь пойдем к главному входу в ограде.

— Пойдемте путем, каким мы ходим обычно,— предложила девушка.— А заодно и узнаем, почему за нами не приехал Жан.

Она открыла маленькую дверь, наполовину спрятанную под ковром из мха и плюща и, пропустив гостей вперед, удивленно заметила:

— Лошадей в конюшне нет. Жан уехал. Как же мы его не встретили?

Однако веселое настроение не покидало ее:

— Бедняга Жан такой рассеянный. Держу пари, что он ждал нас в Сен-Жори, как делает это по утрам, сопровождая меня в церковь!

Они подошли к замку.

Под окнами мадам де Ланглюи Тереза весело крикнула:

— Бабушка! А вот и мы!

Ей никто не ответил.

Появившийся в окне соседней комнаты Доллон сделал непонятный жест, будто призывал молчать.

Не успела Тереза сделать и нескольких шагов, как он сбежал с крыльца и кинулся к господину Рамберу.

Старый управляющий был взволнован. Обычно такой учтивый и предупредительный, Доллон почти силой увлек за руку Этьена Рамбера, отстранив Терезу и Шарля.

— Это жутко, месье, — прошептал он. — Это ужасно! Случилось несчастье. Мы только что нашли маркизу мертвой... Убита в своей комнате...

III

ОХОТА НА ЧЕЛОВЕКА

Господин де Прель, судебный следователь, направленный бривской прокуратурой в Больé, только что прибыл в замок.

— Месье Доллон, — обратился он к управляющему, — расскажите-ка мне со всеми подробностями, как вы узнали, что произошло убийство.

— Господин судебный следователь, — [illegible] управляющий, — сегодня — как всегда — я направился пожелать [illegible] мадам де Лангрюн и получить необходимые распоряжения. [illegible] в ее комнату, как это делаю обычно, но мадам не ответила. [illegible] сильнее... тишина. Сейчас спрашиваю себя, как это я открыл [illegible] того, чтобы уйти. Возможно, предчувствие? Ах, уверяю вас, [illegible] не забуду... вид моей бедной хозяйки, она лежала в изножье кровати [illegible] перерезанным горлом. Мне даже показалось, что у нее отрезана голова.

Жандарм подтвердил рассказ управляющего.

— Господин судебный следователь, — заметил он, — убийство совершено с варварской жестокостью... Раны ужасны.

— Раны нанесены ножом? — спросил господин де Прель.

— Трудно сказать, — выразил свои сомнения жандарм. — Посмотрите сами, господин судебный следователь.

В сопровождении управляющего господин де Прель прошел в покои маркизы, где предусмотрительный Доллон позаботился о том, чтобы никто ничего не трогал.

Просторная комната была обставлена старинной мебелью. Большая кровать маркизы стояла у стены на возвышении, покрытом ковром. Посередине комнаты был столик красного дерева, в углу на стене — большое распятие. Был еще маленький секретер. Он был полуоткрыт, ящики выдвинуты. Бумаги валялись на полу.

В комнату вела дверь, через которую вошел судебный следователь. Она выходила в главный коридор второго этажа. Другая дверь соединяла покои маркизы с туалетной комнатой.

Судебный следователь увидел полуодетый, сползший на пол труп маркизы. Руки распростерты, голова — к кровати. Глубокая рана шла через все горло.

Господин де Прель инстинктивно снял головной убор и склонился над убитой.

— Это ужасно, — прошептал он. — Какая жуткая рана!..

Осматривая труп, судебный следователь спросил старого управляющего Доллона:

— В комнате ничего не изменилось?

— Ничего, господин судебный следователь.

— А к нему никто не прикасался? — господин де Прель указал на секретер с выдвинутыми ящиками.

— Никто.

— Мадам де Лангрюн держала в нем свои ценности?

— У госпожи маркизы не было в замке больших сумм... Несколько тысяч франков на мелкие расходы.

— Вы считаете, это не ограбление? — спросил господин де Прель.

Управляющий пожал плечами:

— Возможно, убийца думал, что у мадам де Лангрюн были деньги. Во всяком случае, ему, очевидно, [illegible] он не взял кольца, которые маркиза [illegible] на [illegible] столик.

Не обращая внимания на [illegible] судебный следователь продолжал не спеша осма[illegible]:

— Это окно было откр[illegible]

— Маркиза всегда держа[illegible] кровоизлияния и любила свежий в[illegible]

— Убийца не мог проник[illegible]

— Это невозможно, [illegible]. Снаружи окна украшены решеткой, [illegible]

— Приоткрыв окно, господин де [illegible] что управляющий сказал правду. Продолжая [illegible] в том, что привычное расположение мебели не б[illegible] борьбы в комнате не было. Наконец, он подошел к двери, которая вела в коридор.

— Интересная деталь! — Он указал [illegible] на задвижку, которая была наполовину вырвана. Кто-то [illegible] сорвать ее. — Мадам де Лангрюн всегда закрывала дверь на задвижку?

— Да, — ответил Доллон. — Совершенно точно.

Господин де Прель больше ни о чем не [illegible]. Он еще раз обошел комнату, тщательно осмотрел каждый предмет и вызвал жандарма, ожидавшего его распоряжений на лестничной площадке.

— Друг мой, пригласите моего секретаря. Он ждет в экипаже. Скажите, чтобы он немедленно поднялся сюда. Месье Доллон, проводите меня в такое место, где есть стол и письменный прибор, одним словом, все, что нужно для первых допросов.

Управляющий провел судебного следователя в соседнюю комнату. Тем временем вернулся жандарм.

— Господин судебный следователь, секретарь ждет вас в библиотеке, все готово.

Господин де Прель едва сдержал раздражение: «Жюв опять своевольничает». И, повернувшись к управляющему, громко сказал:

— Хорошо! Присоединимся к нему!

Господин де Прель, судебный следователь из прокуратуры Брив, был полной противоположностью своему секретарю. Он был совсем молодой мужчина, элегантный, утонченный, светский человек.

Его секретарь Жигу был маленьким, веселым и общительным толстяком. Он воплощал в себе традиционный дух провинциальной магистратуры. Жигу любил длинные, пространные фразы, бумажную волокиту, бесконечные формальности.

По пути в Больё господин де Прель и его секретарь испытывали одинаковое волнение.

Разбуженные утром по приказу генерального прокурора Брив, оба думали о выгодах этого дела.

Секретарь, как добрый провинциал, видел в нем повод для поездки, расследование, многочисленные протоколы и другие процедуры. А господин де Прель думал о том, что расследование этого преступления прославит его и, возможно, продвинет по службе.

Но с момента приезда в Больё большая часть ожиданий секретаря была разрушена действиями господина де Преля. Да и сам судебный следователь скоро понял, что расследование убийства маркизы де Лангрю хоть и принесет ему славу, но кроме нее еще и массу забот. Расследование будет не таким легким, как он предполагал, отправляясь в замок Больё.

«Повезет ли мне с допросами?» — думал с тревогой господин де Прель, пока шел в сопровождении Доллона в библиотеку, где его деятельный секретарь уже приготовил все необходимое. Он сел за широкий стол и подозвал жандарма:

— Скажите, вы отнесли депешу на почту?

— Ту депешу, господин судебный следователь, которую вы просили отослать инспектору в Сюрте и которая была адресована в префектуру полиции Парижа?

— Да, ту!

— Я ее лично отнес на телеграф, господин судебный следователь.

Успокоенный таким ответом, господин де Прель повернулся к Доллону:

— Садитесь, пожалуйста,— предложил он.

И, нарушая порядок ведения допроса, когда нужно вначале спросить имя, возраст, род занятий свидетеля, господин де Прель, под неодобрительные взгляды своего секретаря, спросил старого управляющего:

— Каков точный план замка?

— Господин судебный следователь знает это теперь так же хорошо, как и я,— ответил управляющий.— Есть галерея. Она начинается у входной двери первого этажа и ведет к большой лестнице, по которой

мы поднимались на второй этаж. Там находятся покои маркизы и комнаты для гостей. В них никто сейчас не живет. Слева – покои маркизы, с туалетной комнатой. Далее следует еще одна туалетная комната и комната господина Шарля Рамбера, молодого человека, о котором я вам говорил.

— Хорошо. А что на другом этаже?

— На третьем? Он точно такой же, как и второй. Только там расположены комнаты прислуги.

— Кто из слуг ночует в замке?

— Обычно, господин судебный следователь, в замке ночуют две служанки: горничная Мария и кухарка Луиза. Затем еще метрдотель Эрве. Но вчера его не было. Попросил у маркизы позволения сходить в деревню. Она ему разрешила при условии, что Эрве вернется утром.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился судебный следователь.

— А то, господин де Прель, что маркиза была боязливой и не хотела, чтобы кто-то возвращался поздно в замок. Каждый вечер она сама запирала дверь главного входа [illegible] закрывала дверь кухни. Каждый вечер она обходила [illegible] убеждаясь, что все железные ставни закрыты и в дом [illegible] Эрве по вечерам уходил из замка, то он или оставался [illegible] и возвращался только на следующий день, как [illegible] оставить открытой дверь черного хода и [illegible], которая обычно пустует.

— Там, где живут остальные слуги?

— Да, господин судебный следователь.

Углубившись в свои размышления, господин де Прель помолчал несколько минут. В комнате слышался лишь раздражающий скрип гусиного пера, которым писал секретарь.

Наконец, господин де Прель продолжал:

— В ночь преступления в замке были мадам де Лангрон, ее внучка мадемуазель Тереза, месье Шарль Рамбер и две служанки, не так ли?

— Да, господин судебный следователь.

— В таком случае,— продолжал судебный следователь,— невероятно, чтобы преступление совершил кто-то из обитателей замка.

— Да, господин судебный следователь, и однако...

Управляющий Доллон остановился на полуслове, будто ужаснулся.

— «Однако»? – насторожился господин де Прель.

— Только у двоих был ключ от входной двери — у меня и у маркизы.

— Другими словами,– уточнил судебный следователь,– были соблюдены все предосторожности, и вы, месье Доллон, не понимаете, как посторонний проник в замок?

— Нет, господин судебный следователь. Впрочем, я не верю, что кто-то проник в замок.

Лицо следователя выразило недоумение:

— Разве невозможно войти в замок днем, спрятаться, а потом, с наступлением темноты, совершить преступление? Вспомните, месье Дол-

лон, засов в покоях маркизы был вырван. Стало быть, убийца вошел через эту дверь, и вошел силой.

Управляющий покачал головой:

— Нет, господин судебный следователь, днем никто не мог спрятаться в замке. На кухне всегда есть люди, так что вход с той стороны под присмотром. Вчера почти весь день садовники работали на лужайке перед главным входом и, если бы там появился чужой, его бы сразу заметили. Наконец, мадам де Лангрюн приказала мне, а я всегда выполняю ее приказы, следить за лестницей и входом в подвалы замка. Следовательно, убийца не мог укрыться в подвале. Где же он тогда прятался? А потом, как могло случиться, что огромная сторожевая собака, которая весь день была привязана у входа на лестницу, пропустила его? Одно из двух: или собака узнала посетителя, или он бросил ей кусок мяса... но остались бы следы, а их нет...

— Тогда, месье Доллон, это преступление необъяснимо! Ведь совершенно ясно, что мы не можем искать преступника среди достойных обитателей замка. Ведь вы сами мне сказали, что в замке находились только мадам де Лангрюн, двое почти детей — Шарль и Тереза, две служанки. С уверенностью можно сказать, что ни один из них не виновен... Стало быть, кто-то пришел извне. Подумайте, у вас нет никаких подозрений?

Управляющий подавленно махнул рукой.

— Нет, — наконец ответил он.— Я никого не подозреваю. Я не могу никого подозревать! Посудите сами, господин судебный следователь, я совершенно сбит с толку. Если убийцы нет среди тех, кто был этой ночью в замке, то он не мог прийти и снаружи. Это невозможно! Двери и окна были крепко заперты.

Господин де Прель был явно удивлен таким заключением управляющего.

— И все-таки, — сказал он, — раз кто-то совершил убийство, значит этот кто-то либо укрылся внутри замка до того, как мадам де Лангрюн закрыла двери, либо проник в замок ночью.

Управляющий помолчал в раздумье, потом убежденно ответил:

— Для меня это загадка, господин судебный следователь. Я вас уверяю, что никто не мог войти, и в то же время ни месье Шарль, ни мадемуазель Тереза, ни одна из служанок не могут быть убийцами!

Господин де Прель, подумав, попросил старого управляющего сходить за служанками.

— Возвращайтесь, — попросил он Доллона, когда тот выходил. — Возможно, вы мне еще понадобитесь.

НЕТ, Я НЕ СУМАСШЕДШИЙ

На следующее утро кухарка Луиза, все еще под впечатлением от трагедии, разыгравшейся в замке, спустилась на кухню и при свете керосиновой лампы — рассвет только-только забрезжил — принялась готовить завтрак для хозяев и слуг. Она двигалась [illegible] машинально, чем осознанно. Внезапный стук в дверь черного хода заставил ее вздрогнуть и отогнал остатки сна. Отворив дверь и увидев в полутьме треуголки жандармов, Луиза вскрикнула [illegible].

Вместе с ними были два типа [illegible] по званию жандарм, давний знакомый Луизы, шагнул через порог.

— Добрая женщина, — обратился [illegible] нас и этих бродяг. Мы задержали их [illegible] окрестности Больё.

Старая Луиза в испуге перебила [illegible]

— Боже мой, месье, вы привели [illegible] я их [illegible]?

— Пусть побудут на кухне. Так [illegible] в наручниках. Никуда не денутся. Мы будем с ними [illegible] судебного следователя.

— Судебного следователя? — [illegible] — Господина де Преля? Так он уже прие[illegible]!

— Не может быть,— удивился [illegible] жандарм.

— Я вам говорю: приехал, — повторила [illegible] с ним еще один невысокого роста.

— Вы хотите сказать, его секретарь месье Жиу[illegible]

— Может быть, и он,— проворчала кухарка.

— Моран, оставляю арестованных на вас, — распорядился старший жандарм.— Не спускайте с них глаз.

Задача, поставленная перед Мораном, не была сложной. Оба арестованных сидели в углу кухни и не собирались никуда удирать.

Внешне они очень отличались друг от друга. Один был высокий солидный, с грязными волосами, торчащими из-под маленькой жокейской шапочки, он молча покусывал пышные усы и бросал вокруг себя мрачные, беспокойные взгляды. Обут он был в башмаки на деревянной подошве, из рук не выпускал толстую палку.

Жандармам он назвался Франсуа Полем.

Его товарища по несчастью задержали, когда тот пытался укрыться в стоге сена, это был типичный сельский бродяга. Старая мятая шляпа была надвинута на лоб. Из-под нее торчали рыжие с проседью пряди волос, а лицо почти полностью заросло всклокоченной бородой. Виднелись лишь маленькие бегающие глазки. Он с интересом разглядывал по-

мещение, куда его привели. Тяжелая котомка за спиной была набита всякой всячиной. Он не переставал болтать, тогда как напарник его пребывал в суровом молчании. Время от времени, толкая мрачного типа локтем, бродяга тараторил полушепотом:

— Эй, а ты откуда идешь? Ты не местный. Я здесь тебя никогда не видел. Меня здесь знают все. Я — Бузиль! — Ища поддержки у жандарма, он обратился к нему:

— Правда, месье Моран, мы с вами старые знакомые? Вы меня задерживали уже раз пять или шесть.

Глаз Бузиля наконец-то взглянул на болтуна.

— Ты всегда такой надоедливый? — спросил он надменно.

— Бывает,— зачастил Бузиль.— Зависит от обстоятельств. Зимой в непогоду совсем неплохо посидеть в тюрьме. А летом я спокойный. Летом удача сама идет в руки. Все, что угодно можно найти не воруя. Крестьяне не очень осмотрительны в это время. Зимой совсем друугое дело. Нынче жандармы меня повязали исключительно из-за кролика мамаши Шикар.

Жандарм, с рассеянным видом слушавший всю эту болтовню, неожиданно вмешался в разговор.

— Так это ты, Бузиль, украл кролика?

— А почему вы об этом меня спрашиваете, месье Моран?

Напарник Бузиля пробурчал

— Есть еще более веский повод для ареста. Хозяйку замка, где мы находимся..

Его прервал вошедший старший жандарм

— Именуемый Франсуа Полем, на выход! С вами хочет говорить судебный следователь.

Арестованный поднялся и, заложив руки за спину, направился к жандарму. Бузиль, кинув на него лукавый взгляд, язвительно бросил

— Счастливо! Сегодня все пойдет быстро. Это же предварительное следствие. Впрочем, мне все равно. Если меня арестуют — будет крыша над головой. Будет, где спать. Тем более, что тюрьма в Брив хорошая...

Бузиль помолчал, а потом стал громко принюхиваться

— До чего же здесь замечательно пахнет. Мадам Луиза, не найдется ли чего-нибудь пожевать? — обратился он к кухарке

Она замахала руками.

— Не пугайтесь, мадам. Вы меня хорошо знаете. Я часто приходил сюда выпрашивать старые вещи, и вы мне всегда давали то старые башмаки месье Доллона, то кусок хлеба... Вы мне никогда не отказывали.

Кухарка заколебалась, растроганная воспоминаниями, посмотрела на бродягу, потом — на жандарма, ожидая его реакции. Моран пожал плечами и, свысока глядя на Бузиля, произнес:

— Покормите его, мадам Луиза. Я полагаю, не он нанес смертельный удар мадам де Лангрюн.

— Ах, месье Моран,— перебил его бродяга,— одно дело стянуть цыпленка или курицу. Это я не отрицаю. Но что касается остального...

Луиза протянула Бузилю большой кусок хлеба, который тотчас же

исчез в бездне его огромного мешка.

— Спасибо, добрая женщина!

И обращаясь к Морану, продолжил:

— Ну, о чем можно говорить с судебным следователем? Когда я вижу перед собой людей в черном, то на все их вопросы отвечаю: «Да, господин судья!» И они всегда мною довольны. Дольше двух месяцев их милостью никогда не сидел.

В кухню вернулся старший жандарм.

— Того отпустили. А что касается этого — Бузиля, то господин де Прель считает, что его не стоит даже слушать.

— Меня вышибают за дверь? [illegible] и бросил беспокойный взгляд в окно, за которым [illegible] дождь.

— Не совсем, Бузиль. Тебя [illegible] участок. Придется объясниться по поводу кролика. В [illegible] Моран.

Мрачный и грустный день [illegible]. Растерянный Шарль Рамбер с отцом бродили по [illegible] комнатам замка. Полдня они провели с Терезой и [illegible], надписывая на больших конвертах с черной [illegible] адреса родственников и знакомых покойной [illegible]. Похороны были назначены на послезавтра. [illegible] присутствовать на церемонии.

Напрасно баронесса де Вибре уговаривала [illegible] поехать ночевать в Кэрель. Девушка наотрез отказалась.

Просмотрев газеты, с подробн[illegible] о драмме в замке Больё, Этьен Рамбер обратился к [illegible]

— Пойдем, дитя мое, пора!

Возле комнаты Шарля Этьен Ра[illegible] раздумывал: входить — не входить. Приняв решение, он [illegible] в комнату сына.

Уставший Шарль начал раздеваться. [illegible] резким движением положил руки ему на плечи и неожиданно [illegible]

— Признавайся, несчастный! Признавайся отцу!

Мертвенно бледный Шарль прошептал:

— В чем?

— Это ты, ты убил!..

— Я? Убил? Кого убил? — простонал Шарль.— Вы обвиняете меня в смерти маркизы? Но это ложь, мерзость, ужас...

— Увы, да! Убил ты! — настаивал Этьен Рамбер.

Они тяжело дышали друг другу в лицо. Эмоции брали верх над разумом Шарля.

— Вы, мой отец, говорите мне об этом! — кричал он.

Слова отца настолько ошеломили его, что он не мог прийти в себя. Юноша совсем, казалось, обессилел.

Господин Рамбер взял стул и сел против сына.

— Давай успокоимся и подумаем, мое бедное дитя. Я не знаю, как это произошло. Вчера, когда я увидел тебя на вокзале, у меня возникло какое-то предчувствие... Ты был очень бледен. У тебя было усталое, осунувшееся лицо.

— Отец, я же вам говорил, что плохо спал.

— Черт побери! — воскликнул Этьен Рамбер.— Я это знаю! Но как ты объяснишь, что не спал и ничего не слышал?

— Тереза тоже ничего не слышала.

— Тереза живет в дальней комнате, тогда как твоя отделена от покоев маркизы лишь тонкой перегородкой. Ты должен был слышать...

— Вы — единственный, кто считает, что это ужасное преступление совершил я?

— Единственный,— прошептал Этьен Рамбер,— но только на данный момент. Знаешь ли ты, какое отвратительное впечатление произвел в тот вечер на друзей маркизы, когда председатель Бонно рассказывал вам о подробностях убийства в Париже...

— Они тоже меня подозревают? — спросил Шарль.— Ведь так не обвиняют. Нужны факты, доказательства.

— Доказательства? Увы, они против тебя. Вот послушай...

Господин Рамбер встал, приглашая Шарля сделать то же самое, и они снова оказались лицом к лицу.

— Послушай, Шарль, судебный следователь пришел к заключению, что никто не мог проникнуть в замок той роковой ночью. Ты был единственным мужчиной, кто ночевал здесь...

— Но может, кто-нибудь все же проник в замок?

— Никто! — настойчиво повторил Рамбер.— А потом, как ты это докажешь?

Ошеломленный словами отца, Шарль замолчал. Растерянный и оглушенный, он даже не мог шевельнуть рукой. Он стоял посередине комнаты и лишь взглядом следил за отцом, который, опустив голову, направился в туалетную.

— Идем,— приказал он.— Иди за мной.

Шарль не шелохнулся..

В туалетной комнате отец собрал беспорядочно валявшиеся в углу салфетки, взял самую мятую и вернулся к сыну.

— Смотри,— прошептал он, поднося ее к самому лицу Шарля.

Молодой человек увидел на ней пятна крови.

Он вздрогнул и хотел что-то возразить, но Этьен Рамбер властным жестом остановил его:

— И после этого ты будешь отрицать? Несчастный! Увы! Вот бесспорные доказательства твоего жуткого проступка. Эти пятна крови говорят обо всем. Как ты объяснишь наличие окровавленной салфетки в твоей комнате? Как?

— Я ничего не понимаю...

Шарль упал в кресло. Отец с нежным сочувствием посмотрел на него.

— Мой бедный, бедный мальчик,— прошептал несчастный Этьен Рамбер, будто, разговаривая сам с собой.— Может, ты и не совсем виноват, может быть, есть обстоятельства в твое оправдание...

— О, отец мой, вы действительно считаете меня убийцей?

Этьен Рамбер в отчаянии покачал головой.

— Как бы я хотел, ради чести нашей семьи, ради уважения всех тех, кто нас любит, обнаружить в твоем поступке признаки роковой наследственности, которые снимут с тебя вину. Ах, если бы можно было доказать, что ты — дитя больной женщины.

— Больной? — с тревогой спросил Шарль.— И что тогда?

— Больной,— продолжал Этьен Рамбер. У твоей матери странная и таинственная болезнь, перед которой бессильны врачи. Она безумна.

— О! — воскликнул в ужасе Шарль. О чем вы говорите, отец мой. Моя мать безумна? Но я ведь в здравом уме?

— Возможно,— ответил Этьен Рамбер, но может быть, какая-то страшная галлюцинация, момент затмения?

Но Шарль перебил его:

— Нет, отец, нет! Я не безумный!

Молодой человек больше не мог сдерживать себя. Он кричал в тишине ночи, уже не думая ни о чем.

— Если ты в своем уме, Шарль, то твое преступление непростительно! Убийца!.. Убийца!..

Неожиданно оба замолчали. Их [illegible] шум, доносившийся из коридора. Дверь [illegible] проеме они увидели фигуру в белом. О[illegible] девушку с распущенными волосами перед ними [illegible] выражал ужас, губы были бледны [illegible] Она [illegible] трудом подняла руку и указала на Шарля.

— Тереза, Тереза,— прошептал [illegible] отец встал на колени и, сложив руки в мольбе [illegible]

— Тереза, ты все слышала?

Губы девушки едва приоткрылись, [illegible]

— Слышала...

Качнувшись, без единого крика она упала навзничь.

V

«АРЕСТУЙТЕ МЕНЯ!..»

В двадцати километрах от Суйака железная дорога, ведущая из Брив в Каор, как бы вычертив большую дугу, пропадает в тоннеле. Обильные дожди, прошедшие в начале декабря, сильно размыли полотно на подступах к тоннелю. Сюда были вызваны главные специалисты железнодорожной компании. Те заключили, что дорога при выходе из тоннеля в направлении Суйака требует серьезного ремонта. Из-за него вот уже месяц на отрезке Брив — Каор экспрессы, пассажирские и товарные поезда останавливались на полчаса. По правилам безопасности машинисты, ведущие составы из Брив, тормозили за двести метров до выхода из тоннеля, а машинисты, ведущие их за Каора — за пятьсот метров до входа.

Серый декабрьский день только начинался, а группа рабочих во главе

со старшим мастером уже меняла старые рельсы на новые, привезенные накануне. Рабочие переговаривались.

Раздался гудок. В глубине гигантской пасти тоннеля показался свет двух фар. Соблюдая правила, машинист поезда, следующего в Каор, остановил состав.

Мастер построил рабочих по сторонам дороги, а сам пошел к небольшой будке, чтобы оттуда дать знак машинисту, что путь открыт.

В это время к домику путевого обходчика четырнадцатого участка дороги, который обслуживал четыре километра пути и 900 метров тоннеля, подошел мужчина.

— Этот поезд прибывает в Веррьер в шесть пятьдесят пять? — небрежно спросил он обходчика.

— Совершенно верно,— ответил тот.— Идет с опозданием.

Три красных огня на последнем вагоне растаяли в утреннем тумане.

Обходчик принялся за работу на насыпи, но его снова окликнул мужчина. Это был Франсуа Поль — бродяга, которого накануне, после короткого допроса, отпустил судебный следователь.

— Пассажиров немного, особенно в первом классе,— тихо сказал он.

— Неудивительно,— отозвался обходчик, положив кирку на землю.— Богатые люди предпочитают экспресс. Он прибывает в Брив в два часа пятьдесят минут.

— Я понимаю,— размышлял Франсуа Поль.— А как быть тем, кто хочет сойти в Гурдоне, Суйаке, в Веррьере, на других маленьких станциях, где экспресс не останавливается?

— Откуда мне знать,— ответил обходчик.— Думаю, тогда господам нужно сойти в Брив и пересесть на скорый дневной поезд. Или же доехать до Каора, а дальше — в экипаже до Брив, а оттуда — на пассажирском.

Франсуа Поль не стал расспрашивать о других вариантах.

— Сегодня не жарко,— перевел он разговор.

— Это точно. Дождь начнется.

Франсуа Поль поднял глаза, удивленный этими словами обходчика,— небо было чистым. Но тот продолжал:

— Дует западный ветер, а в этих местах он к дождю.

— Как и везде,— согласился удрученный Франсуа Поль.— Погода сегодня не из лучших.

— Видно, ты не богач. Хочешь подработать? Здесь не хватает людей.

— Правда?

— Истинная правда,— продолжал добрый обходчик.— Вот и старший мастер идет. Хочешь, я поговорю с ним?

— Минуточку,— остановил его Франсуа Поль.— Я, разумеется, не отказываюсь, но сначала надо посмотреть, какая работа, а вдруг она мне не подходит...

Бродяга медленно двинулся вдоль железнодорожной насыпи, внимательно ее осматривая. В это время у входа в тоннель старший мастер догнал обходчика.

— Как здоровье, папаша Мишю?

— Держимся пока, шеф. А как вы? Как дела? У меня, знаете ли, работы прибавилось. С тех пор, как поезда стали останавливаться на моем участке.

— Почему же? — поинтересовался мастер.

— Сейчас расскажу. Когда они останавливаются, машинисты, пользуясь случаем, выбрасывают золу. В тоннеле растут кучи грязи, а я обязан их убирать.

Мастер рассмеялся:

— Попросите компанию, чтобы вам дали людей в помощь.

— Откуда у нее люди,— заметил папаша Мишю.— Видите, вон идет по насыпи бродяга. Я ему предложил поработать, а он ответил, что еще посмотрит, подходит она ему или нет. Ушел. Ленив, наверное.

— Да, папаша Мишю, сейчас трудно встретить дельного человека. Впрочем, даже если этот парень и попросится ко мне на работу, я его прогоню. Ишь, гуляка. [illegible] за инструментом, а то таких, как он, тут много болтается.

— Да,— согласился [illegible] — даже преступники появились. Вы слышали об убийстве [illegible] Бельє?

— Еще бы, теперь [illegible] и говорят. Вы правы, папаша Мишю, пойду посмот[illegible] чужих, да и за этим бродягой пригляжу...

Мастер замолчал. Об[illegible] туда, куда вглядывался мастер. После недолгого молча[illegible] и улыбнулись. С насыпи было хорошо видно, как по [illegible] шествовал жандарм. Похоже, он кого-то искал.

— А вот и старший [illegible] — произнес папаша Мишю.— Он, наверное, как и вы [illegible] проверяет.

— Возможно,— согласился [illegible].

Прошло три дня, полицейские [illegible] с ног в поисках убийцы мадам де Лангрюн. Они арестовали более двадцати бродяг, но всех пришлось отпустить. У всех было алиби.

— Говорят,— размышля[illegible] папаша Мишю,— что убийство не мог совершить никто из местных жителей. Народ у нас спокойный. Маркизу все любили.

— Смотрите, смотрите,— перебил его мастер и показал на жандарма, который медленно подходил к насыпи.— Похоже, он направляется к тому бродяге, который ищет работу, не желая ее найти...

— Так и есть,— согласился папаша Мишю.— К тому же, у этого типа подозрительное лицо, он не местный.

Оба наблюдателя ждали, что же произойдет дальше. Бродяга Франсуа Поль медленно шел в сторону Веррьерского вокзала. Шаги за спиной заставили его обернуться. Заметив жандарма, Франсуа Поль нахмурил брови. Жандарм остановился и собирался уже козырнуть, но бродяга, опередив жест, вспылил:

— А сами говорили, что меня больше не будут беспокоить...

Жандарм шагнул к нему:

— Господин инспектор, простите, но для вас есть очень важное сообщение...

Франсуа Поль, которого жандарм почтительно назвал «инспектором», был некто иной, как агент сыскной полиции, присланный накануне в Больё префектурой Парижа.

Это был не рядовой агент, не простой полицейский. Господин Авар предчувствовал, что дело маркизы де Лангрюн будет запутанным и трудным. Для его расследования он и направил одного из самых опытных своих сыщиков — инспектора Жюва.

Жюв — а это был именно он — уже двое суток бродил вокруг замка Больё. Переодетый бродягой, он даже рискнул отсидеть под арестом вместе с Бузилем. У Жюва были собственные методы расследования, он предпочитал не мешать ходу событий, не выделяться среди окружающих. Неудивительно, что встреча с полицейским вызвала у него досаду.

— За нами наблюдают. Сделайте вид, что вы меня задержали — наденьте на меня наручники,— скороговоркой прошептал Жюв.

— Простите, господин инспектор. Я не смею...— мялся жандарм. Жюв решительно повернулся к нему спиной.

— Сейчас я сделаю два-три шага, будто намереваюсь бежать. Вы меня грубо схватите за плечо, я упаду на колени, и в этот момент вы наденете на меня наручники.

У входа в тоннель обходчик, мастер и рабочие с интересом наблюдали за жандармом и бродягой.

Они видели, как бродяга пытался сбежать и моментально был схвачен жандармом. Через несколько минут он, уже со связанными руками, медленно спускался с насыпи рядом с жандармом. Вскоре оба исчезли за деревьями.

Тем временем Жюв и жандарм быстро шли в Больё.

— Что случилось в замке? — спросил Жюв.

— Господин инспектор,— ответил жандарм,— убийца известен. Это — Тереза...

VI

ФАНТОМАС — ЭТО СМЕРТЬ!

Было восемь часов утра. Инспектор Жюв, освободившийся по дороге от наручников, быстрым шагом приближался к замку. У ограды парка он столкнулся с господином де Прелем.

— Как дела? — спросил его Жюв.— Новость знаете?

Следователь удивленно взглянул на полицейского.

— По лицу вижу, что не знаете, господин судебный следователь. Заготовьте ордер на арест. Будем брать Шарля Рамбера.

Господин де Прель поспешил за Жювом к замку.

— У вас есть доказательства?

— Более чем достаточно!

В нескольких словах Жюв пересказал судебному следователю то, что узнал от жандарма. Удивлению господина де Преля не было предела. Дверь замка распахнулась, на пороге стоял управляющий Доллон.

— Вы не встречали Рамбера? Оба пропали! — растерянно причитал старик.

Де Прель, ошеломленный догадкой Жюва, пытался выстроить логическую цепочку событий последнего времени. Инспектор Жюв сразу понял все и, повернувшись к жандарму, резюмировал:

— Птичка вылетела из клетки.

В холле замка Жюв и господин де Прель расспрашивали Доллона.

— Боже мой, господа! — лепетал старик. — Сегодня рано утром, придя в замок, я увидел, что обе служанки — Лиза и Мария — хлопочут вокруг нашей юной хозяйки. Девушке нездоровилось, она лежала в своей комнате. Примерно в половине седьмого мадемуазель Тереза, немного придя в себя, рассказала нам о том, что услышала этой ночью. Девушка оказалась невольной свидетельницей жуткого разговора между отцом и сыном Рамберами. Я очень разволновался, господин судебный следователь, и послал кучера Жана в Сен-Жорж за жандармом. Когда он приехал, я рассказал ему все, что знал, а затем проводил его к Терезе.

Де Прель повернулся к жандарму, чтобы о чем-то спросить его, но тот опередил его:

— Как только я узнал от Доллона о случившемся, то решил сразу же известить господина Жюва.

— Черт возьми! — перебил его де Прель. — Вы допустили большой промах, упустили Рамберов.

— Прошу прощения, господин судебный следователь, но я оставил Морана охранять вход в замок.

— А Моран видел, как они ушли?

На этот вопрос за жандарма ответил инспектор Жюв, который уже обо всем догадался.

— Не видел. Очевидно, они ушли еще ночью, сразу после ссоры. Надеюсь, господин судебный следователь отдаст приказ о поимке беглецов?

— Разумеется, — подтвердил господин де Прель. — Действуйте!

Жандарм повернулся и вышел из холла. Инспектор и следователь молчали. Доллон в замешательстве стоял поодаль.

— Где мадемуазель Тереза? — поинтересовался де Прель.

— Отдыхает, господин судебный следователь. Спит. Доктор дежурит у ее постели. Просил не будить мадемуазель, — ответил Доллон.

— Господин де Прель, поднимемся на второй этаж? — предложил Жюв.

Спустя несколько минут они устраивались в комнате, которую до них двое суток занимал Этьен Рамбер. Первым заговорил судебный следователь:

— Итак, дело закончено? Шарль Рамбер — убийца.

Инспектор Жюв наклонил голову:

— Шарль Рамбер? Возможно...

— Почему «возможно»? — поинтересовался следователь.

— Потому, что в глубине души я не верю в это.

— Но ваше расследование доказывает, что преступление совершил тот, кто находился в доме!

— Возможно.

— Объясните, пожалуйста.

— Не спешите, господин судебный следователь,— улыбнулся Жюв И предложил: — Пройдемте в комнату Шарля Рамбера.

Господин де Прель заторопился за инспектором.

Жюв семенил по комнате, бегло осматривая обстановку. Судебный следователь тем временем, удобно устроившись в глубоком кресле, с удовольствием закурил сигару.

— Что я хочу сказать в первую очередь? — заговорил Жюв.— Полагаю, в этом деле есть два момента, которые необходимо прояснить. Первый — характер преступления, второй — его побудительная причина. Сначала спросим самих себя: как юридически квалифицировать убийство маркизы де Лангрюн? У каждого, кто побывал на месте преступления и видел труп, невольно напрашивается мысль об убийстве с целью ограбления. Преступник постарался, нанося жертве удары. Судя по ним, преступник — это человек из низов, член воровской шайки, профессионал

— Что привело вас к таким выводам?

— Характер раны. Вы ее видели? Горло мадам де Лангрюн почти полностью перерезано лезвием ножа. Судя по ширине и глубине раны, ясно, что убийца нанес несколько ударов Это говорит о том, что он принадлежит к той разновидности людей, которые убивают без страха и малейшего волнения. Рана свидетельствует также о том, что убийца — физически сильный человек. Мы ведь знаем, что люди со слабо развитой мускулатурой предпочитают наносить колющие удары, а физически сильные оставляют резаные раны, широкие и ужасающие.

Де Прель согласился с инспектором.

— Ваши размышления точны, я, как и вы, склонен полагать, что мы имеем дело с преступлением, совершенным с целью ограбления. Есть ли у вас другие предположения?

— Остается только определить, с помощью какого оружия было совершено убийство,— сказал Жюв.— Пока мы его не обнаружили. Я приказал обыскать все окрестности замка. Убежден, что в руках преступника был нож со стопорным вырезом — обычное оружие бандитов. Маркиза де Лангрюн погибла не от удара благородным стилетом.

— Почему вы так считаете, инспектор?

— Из-за характера раны. Если бы убийца использовал оружие с острым наконечником, то рана была бы колотая. Удар направлен был бы в сердце. Короче, он воспользовался лезвием. Убийство совершено ножом, а не кинжалом...

— Что же из этого следует?

— А то, что Шарль Рамбер не мог совершить это преступление. Он воспитанный молодой человек, а его юный возраст не позволяет заподозрить в нем профессионала.

— Логично,— согласился следователь.

— Далее,— продолжал Жюв,— о побудительных причинах преступления. Почему преступник убил?

— Чтобы украсть,— предположил следователь.

— Украсть что? — спросил Жюв.— На ночном столике на виду лежат нетронутые кольца мадам де Лангрюн, бриллиантовая брошь, портмоне... В ящиках секретера были 510 франков золотом и серебром, три банковских билета по 50 франков в бумажнике. Как вы думаете, господин судебный следователь, почему бандит, пришедший грабить, не берет все это?

— Конечно, странно! Возможно, было что-то более важное, чем деньги и драгоценности? На этот вопрос мне трудно сейчас ответить. Может быть, это преступление совершено без причины, например, вследствие болезненного припадка — что бывает довольно часто, возможно, это преступление маньяка.

— И что тогда?

— В таком случае, отбросив предположение о виновности молодого Рамбера, я могу вернуться к варианту, согласно которому он... может быть косвенно виновным. Его мать душевно больная. Если считать младшего Рамбера истериком и больным человеком, то ему можно вменить в вину смерть маркизы де Лангрюн, не разрушая при этом версию об убийстве с целью ограбления. В припадке силы самого заурядного человека удесятеряются... Кроме того,— продолжал Жюв,— на днях у меня будут более точные данные о мускульной силе убийцы. Недавно господин Бертильон* изобрел чудесный динамометр, который позволяет точно определить силу взломщика.

— Действительно, это очень важно,— согласился господин де Прель.

— Если не принимать виновность Шарля Рамбера за очевидное, то можно допустить, что преступником мог быть любой обитатель замка.

— Мы можем,— перебил его Жюв,— пользуясь методом дедукции, проверить алиби каждого. Начнем?

— Мне не в чем подозревать двух старых служанок — Луизу и Марию. Что же касается бродяг, которых мы арестовали,— не считая вас, Жюв,— то все они слишком простоваты,— рассуждал следователь.

Инспектор кивнул головой в знак согласия. Следователь продолжил:

— Есть еще Доллон, но я, как, наверное и вы, думаю, что его алиби безупречно. До пяти утра управляющий был у своей больной жены вместе с доктором. Он вне подозрения.

— Тем более,— заключил Жюв,— судебный эксперт установил, что

преступление было совершено между тремя и четырьмя часами ночи. Остается Этьен Рамбер.

— Простите,— перебил следователь.— Месье Этьен Рамбер накануне преступления в девять часов вечера сел на вокзале Орсэ в пассажирский поезд, который прибывает в Веррьер в 6.55. Ночь он провел в вагоне, и это — лучшее алиби.

— Действительно,— подтвердил Жюв.— Остается только Шарль Рамбер.

И полицейский высказал главное подозрение против молодого человека.

— Преступление было совершено без малейшего шума. Убийца, стало быть, находился в доме. Он подошел к покоям маркизы, тихонько постучал. Маркиза ему открыла и не удивилась его появлению, потому что узнала его. Он вместе с ней прошел в комнату.

— О,— вновь вмешался господин де Прель,— да вы сочинили целый роман, господин Жюв. И забыли, что дверь комнаты маркизы была открыта силой. Замок сорван...

Жюв посмотрел на следователя и улыбнулся:

— Я так и знал, господин судебный следователь, что вы это скажете, но перед тем, как ответить, приглашаю вас на место преступления. Я вам покажу кое-что любопытное.

Оба отправились в покои маркизы.

— Посмотрите на замок, вас ничто не смущает? — спросил Жюв.

— Ничего,— ответил судебный следователь.

— Задвижка выдвинута, как будто засов был закрыт. Скоба, в которую должна входить эта задвижка, не повреждена. То есть, если засов действительно открывали силой, скоба вылетела бы...

— Действительно.

— А что вы думаете по поводу этих болтов? — спросил Жюв.

— Здесь есть царапины, и я полагаю, что они не вырваны, а вывинчены, следовательно...

— Следовательно,— подхватил Жюв,— это чистая маскировка, а значит: убийца хотел заставить нас поверить в то, что дверь взломали, тогда как маркиза сама ее открыла. Значит, она знала убийцу!

Жюв пригласил следователя в покои Шарля Рамбера. Войдя в туалетную комнату, он опустился на колени и указал пальцем на середину клеенки, которой был застлан пол:

— Посмотрите, господин судебный следователь.

Господин де Прель через монокль разглядывал место, которое указывал полицейский. На нем было небольшое темное пятно.

— Кровь? — спросил он.

— Кровь,— подтвердил Жюв.— Значит те окровавленные салфетки, которые обнаружил Рамбер-отец в туалетной своего сына и которые произвели такое сильное впечатление на мадемуазель Терезу,— реальность. Они действительно были и являются самой веской уликой против молодого человека.

-- Итак, вина Шарля Рамбера бесспорна,— подытожил де Прель.

-- Отнюдь,— помолчав, возразил Жюв.

-- Как же так? — воскликнул изумленный следователь.— Что вам мешает признать вину Шарля Рамбера?

-- А вот что. До сих пор мы исходили из того, что убийство совершено кем-то из обитателей замка. В таком случае убийцей может быть только Шарль Рамбер. Но есть вариант: убийца пришел извне...

-- Но ведь дверь была заперта?

-- О,— улыбнулся Жюв,— этот аргумент не имеет никакого значения! Поверьте, любой замок можно открыть без ключа. Вот если бы на двери были установлены простые стопоры, добрые старинные стопоры, я бы вам сказал: сюда никто не мог войти, поскольку в таком случае ее можно открыть только сломав. А здесь замок, который открывался ключом, а значит, открыть такую дверь — дело совсем простое. Убийца прекрасно мог иметь дубликат ключа.

Тут следователь возразил:

— Но, если убийца пришел извне, он [illegible] был оставить какие-то следы в окрестностях замка, а мы ничего не обнаружили.

— Следы есть,— поправил его инспектор.— Прежде всего — это обрывок карты Тарида,— и Жюв вытащил его из кармана.— Я нашел его вчера между замком и железной дорогой. По странному совпадению на этом обрывке изображены окрестности замка [illegible].

— Это еще ни о чем не говорит,— перебил его удивленный следователь.— Найти в нашем районе кусок карты «нашего района» — ничего странного... Если бы вы обнаружили у кого-то [illegible] недостающую часть карты, то...

— Не сомневайтесь,— вставил Жюв,— я сохраню обрывок. Кроме того, у меня есть еще кое-что в пользу моего предположения. Сегодня утром, прогуливаясь вдоль железной дороги, я обнаружил подозрительные следы...

— Ну и что? — сказал следователь. Это открытие не произвело на него никакого впечатления.

— Давайте рассмотрим еще несколько версий? — предложил Жюв.— Например, преступник был в замке до убийства и ушел сразу после него, сел в проходящий поезд в том месте, где я обнаружил следы.

— На это скажу только то, что в поезд, как в трамвай, на ходу не садятся,— прокомментировал де Прель.

— Хорошо,— согласился Жюв.— Только не забывайте, что в связи с ремонтными работами уже в течение месяца перед туннелем останавливаются все поезда.

Следователь собрался было уступить доводам инспектора, как вспомнил:

— Но ведь мы не обнаружили никаких следов в окрестностях замка?

— Совершенно верно,— согласился Жюв,— но на лужайке, прямо под окнами комнаты, в которой совершено преступление, примята земля. Кто-то там был.

— На эти следы я хотел бы взглянуть,— заявил господин де Прель.

— Пожалуйста.

Мужчины быстро спустились по лестнице, пересекли холл и вышли из замка. На лужайке судебный следователь никаких следов не заметил.

— Ничего удивительного, убийца шел по газону ночью, когда выпала роса, а утром, когда роса подсохла, трава, примятая ночью, выпрямилась, скрыв все следы.

Неподалеку от газона рос пышный куст ревеня. Он-то и привлек внимание Жюва. Инспектор не удержался от радостного крика:

— Вот это находка!

— Что там? — спросил следователь.

— Глядите,— ответил Жюв, указывая господину де Прелю на маленькие черные комочки, усыпавшие широкие листья ревеня.

— Что это? — заинтересовался следователь.

— Это земля, обыкновенная земля, такая же, как на газоне. Сама собой попасть сюда она не могла.

Де Прель молчал, а Жюв продолжал:

— Очевидно, тот кто пытался уничтожить следы на газоне, разравнивал землю руками. Руки запачкались, и он машинально стряхнул с них землю, комочки попали на листья ревеня. А мы их обнаружили. Выходит, что преступник, если даже не проникал в замок извне, после убийства бежал.

— Получается, что это не Шарль Рамбер,— сделал вывод следователь.

Жюв загадочно пожал плечами.

Оба помолчали. Де Прель, раздосадованный загадками Жюва, думал над происшедшим, когда инспектор проговорил:

— Есть еще одна гипотеза, о которой я обязан сказать,— начал Жюв.— Она неожиданна, но загадочность и таинственность преступления подсказывают именно ее. Убийство в Больё дело рук... Фантомаса.

Де Прель пожал плечами:

— Господин Жюв, я даже не предполагал такого. Вы не хуже меня знаете, что все это выдумки... Фантомас — миф.

Жюв вздрогнул. Затем, после тягостного молчания, возразил:

— Месье,— в его словах чувствовалась убежденность в своей правоте,— вы напрасно сомневаетесь. Напрасно! Разумеется, вы судебный следователь, а я — всего лишь скромный инспектор сыскной полиции, но у меня за плечами — пятнадцать лет практики. Я уверен, что Фантомас существует. И мне не до смеха, когда я вижу, что в деле замешан Фантомас! Никто не может упрекнуть меня в трусости, господин де Прель. Я смотрел смерти в глаза. Банды приговаривали меня к смерти. Мне грозили местью. Я не боюсь. Но, когда речь заходит о Фантомасе, этом гении, то мне становится не до шуток. Мне, Жюву, становится страшно. Фантомас — это существо, против которого нельзя бороться обычными методами. Он отважен и силен. Все, кто вступал с ним в единоборство, все потерпели неудачу.

Фантомас существует, я убежден. Но кто он? Невидимый противник особо опасен...

Следователь прервал его:

— Но Фантомас не дьявол... Он такой же человек, как и мы!

— Да, вы правы, господин судебный следователь, это человек, как и мы... но он, повторяю вам, гений! Он убивает, не оставляя ни единого следа... Его не видят, о нем лишь догадываются... Его не слышат, но предчувствуют... И если Фантомас замешан в нашем деле, я не знаю, сможем ли мы когда-нибудь его раскрыть!

— Надеюсь, Жюв, вы не собираетесь прекратить расследование?

Полицейский криво усмехнулся:

— Что вы, месье! Если я сказал, что боюсь Фантомаса, то это вовсе не значит, что я трус! Будьте уверены, я выполню свой долг до конца!

Шум торопливых шагов заставил обоих обернуться. К ним спешил запыхавшийся пачтальон.

— Господа, вы знаете месье Жюва?

— Это я,— ответил инспектор и принял из рук почтальона депешу. Прочитав ее, Жюв протянул телеграмму судебному следователю:

— Читайте, господин следователь.

Депеша была из Сюрте.

«Срочно возвращайтесь в Париж. [illegible] что исчезновение лорда Белтэма — событие чрезвычайное. [illegible] подозреваем вмешательство Фантомаса».

VII

СЫСКНАЯ ПОЛИЦИЯ

— Месье Гурн дома?

Консьержка дома № 147 по улице Левер мадам Дуленк внимательно посмотрела на спрашивающего. Перед ней стоял высокий брюнет с пышными усами, в мягкой шляпе и наглухо застегнутом пальто с высоко поднятым воротником.

Посетитель повторил вопрос:

— Месье Гурн дома?

— Его нет, месье,— ответила консьержка,— и уже довольно давно.

— Мадам, я хотел бы подняться в его квартиру. Проводите меня...

Мужчина порылся в карманах, пытаясь найти визитную карточку, но консьержка опередила его:

— Вы, вероятно, тот, кто должен был прийти за багажом? От компании... Подождите, как же она называется? Такое странное название... Кажется, английское...

Она отошла вглубь комнаты и в ящиках, куда обычно складывала

почту жильцов, отыскала изрядно потрепанный проспект на имя месье Гурна. Старуха нацепила очки, чтобы прочесть название, но в это время посетитель, мельком заглянув в проспект, быстро нашел то, что она искала:

— Да-да, я представитель. «South Steamship Co».

— А вы нерасторопны. Я уже три недели жду, когда придут за багажом. Месье Гурн обещал, что за ним придут через несколько дней после его отъезда,— упрекнула консьержка.

Мадам Дуленк машинально выглянула в окно своей комнаты, выходившее на улицу, еще раз осмотрела с ног до головы посетителя, который был слишком хорошо одет для агента или рассыльного:

— Вы без тележки? Неужели понесете вещи на себе?

Незнакомец невозмутимо ответил:

— Действительно, мадам, у меня нет ни тележки, ни подводы, я не собираюсь выносить вещи месье Гурна. Я пришел, чтобы осмотреть багаж. Покажете?

Консьержка разочарованно вздохнула:

— Ну, раз так, надо идти на шестой этаж...

Поднимаясь по лестнице, она ворчала:

— Жаль, что вы не пришли раньше, когда я там убирала, мне так трудно подниматься на такую высоту.

На шестом этаже она достала ключ и открыла дверь.

Жилище месье Гурна было скромно, но не без кокетства. И в гостиной и в спальне были широкие окна с видом на обширные сады. Жилье имело то преимущество, что по соседству не было других домов, и постояльцы могли делать все, что угодно: приходить, уходить и не закрывать при этом окна от любопытных соседей.

— Надо проветрить, а то господин Гурн будет недоволен, когда вернется,— бормотала старуха.

— Он что, не живет здесь постоянно? — поинтересовался незнакомец.

— Да нет, месье,— отвечала консьержка.— Господин Гурн говорит, что он — коммерсант и часто отлучается по делам, иногда надолго. Конечно, не очень удобно столько разъезжать, но, очевидно, это выгодно. Месье Гурн не считает деньги.

— А! — протянул мужчина в мягкой шляпе.— Так он мот?

— Нет, месье!

И болтливая старуха принялась рассказывать о каких-то запутанных денежных делах. В это время ее собеседник обратил внимание на фотографию молодой женщины, стоящую на камине:

— Мадам Гурн?

— Месье Гурн — холостяк,— ответила мадам Дуленк.

Мужчина в мягкой шляпе подмигнул ей и с многозначительной улыбкой поинтересовался:

— Подружка?

Консьержка покачала головой:

— Вовсе нет, это не ее фотография...

— Так вы знаете его подругу?

— Знаю, но незнакома с ней. Когда месье Гури бывает в Париже, к нему часто заходит одна дама, обычно в послеобеденное время. Такая элегантная! В нашем квартале Бельвиль так не одеваются. Дама, которая приходит,— светская дама. Лицо всегда под вуалью, проходит мимо меня быстро, никогда со мной не разговаривает... Но щедрая. Редко бывает, чтобы она не дала мне сотню су.

Казалось, незнакомца заинтересовали откровения старухи, но громкий голос снизу позвал:

— Консьержка!

Мадам Дуленк выбежала на лестницу:

— Я на шестом этаже, что нужно?

— Здесь живет месье Гури?

— Поднимайтесь, я как раз у него...

Вернувшись в квартиру, она не смогла скрыть удивления:

— Кто-то еще спрашивает господина Гури! Он нужен всем.

Незнакомец тотчас поинтересовался:

— У него много визитеров?

— Отнюдь, месье. Поэтому я и удивлена.

Появились двое мужчин. По одежде можно было догадаться, что это грузчики. Один из них собрался что-то сказать, но консьержка опередила его и, адресуясь к мужчине в мягкой шляпе, произнесла.

— Мир тесен, вот и ваши служащие пришли.

Незнакомец поморщился, но промолчал. Заговорил один из грузчиков:

— Мы из «Stouth Steamship Co». Где тут четыре пакета месье Гури? Два чемодана и два небольших ящика стояли в углу комнаты.

— А разве вы не вместе, не втроем? — удивилась консьержка.

— Нет, мы не с месье...

Повернувшись к напарнику он скомандовал:

— Пошевеливайся!

Но консьержка и человек в мягкой шляпе стояли между ними и багажом.

— Прошу ничего не трогать, — сказал незнакомец вежливым, но властным голосом.

Вместо ответа один из грузчиков вытащил из кармана измятый засаленный блокнот, полистал его. Внимательно перечитал запись и сказал:

— Никакой ошибки нет. Заказывали здесь.

Мадам Дуленк, заподозрив неладное, стремглав бросилась на лестницу и завопила:

— Мадам Аврора! Мадам Аврора!

Человек в мягкой шляпе поспешил за ней, схватил за руку и вернул в комнату.

— Прошу вас, мадам, не шумите! Не кричите!

Но консьержка, которую странное поведение мужчин привело в полную растерянность, продолжала громко причитать:

— Я ничего не понимаю! Кто вы такие? Не трогайте меня! Зачем вы сюда пришли?

— Я же сказал, вот заявка,— проворчал один из грузчиков.— Читайте бумагу! Видите знак компании? А если месье,— он кивнул на незнакомца,— утверждает, что он тоже из компании, то он лжет...

Незнакомец не пошевелился. Напуганная консьержка опять стала звать мадам Аврору.

Незнакомец попытался успокоить ее, но старуха просто зашлась от ужаса:

— На помощь! На помощь!

Раздраженный грузчик не выдержал:

— Глупо, черт возьми, принимать нас за грабителей. Вызывайте полицию.— И повернувшись к напарнику, велел ему:

— Огюст, беги на угол за полицейским. Пусть месье объясняется с ним.

Огюст бросился на улицу.

Минуты тянулись в томительном молчании. Дрожащая консьержка стояла в прихожей. Грузчик с блокнотом в руках подозрительно поглядывал на человека в мягкой шляпе. Тот, казалось, был совершенно спокоен и неторопливо оглядывался вокруг. Раздались тяжелые шаги. Это шли Огюст с полицейским.

— Что произошло? — спросил вошедший сержант.

При виде его присутствующие преобразились: консьержка перестала дрожать, с лица грузчика исчезла гримаса подозрительности. Они наперебой бросились объяснять представителю власти, что случилось. Но человек в мягкой шляпе жестом остановил их и представился сержанту:

— Сыскная полиция. Инспектор Жюв.

Полицейский от неожиданности попятился, затем откозырял и с почтительным видом произнес:

— Извините, господин инспектор. Я не узнал вас, месье Жюв! Давненько не бывали в нашем квартале.

— Подойдите сюда. Без лишнего шума! — приказал сержант старшему грузчику.

Инспектор сыскной полиции Жюв поняв, что полицейский принял за вора служащего из «Stouth Steamship Co», остановил его:

— Все нормально,— сказал инспектор.— Оставьте его в покое. Он ни в чем не виноват...

— Кого же я должен арестовать? — поинтересовался сержант.

Инспектор Жюв улыбнулся и, обращаясь к ошеломленным грузчикам, распорядился:

— Ступайте в бюро компании.

Грузчики было запротестовали, потому что у них были и другие заказы, но Жюв жестом остановил их:

— Все дела приостанавливаются. Предупредите шефа бюро... Кстати, как его зовут?

— Господин Вуленд,— ответил один из грузчиков.

— Предупредите господина Вуленда, что я жду его здесь. Пусть придет вместе с документами, имеющими отношение к заказу господина Гурна. Понятно?

— Понятно,— ответил грузчик.

— Вам все компенсируют,— пообещал инспектор Жюв.— И никому ни слова. Передайте мое поручение вашему шефу, и все.

Прошла четверть часа с тех пор, как грузчики ушли. Жюв вытаскивал ящики, осматривал мебель и слушал консьержку, которая рассказывала ему о господине Гурне.

— Господин Гурн,— частила женщина,— блондин, среднего роста, крепкого телосложения. Он всегда гладко выбрит на английский манер. В облике нет ничего примечательного.

Инспектор приказал сержанту вскрыть чемодан и, обратившись к мадам Дуленк, которая вдруг умолкла, спросил:

— Вы говорили, что у месье Гурна была любовница? Когда он встречался с этой женщиной?

— Боже мой, месье, довольно часто, когда находился в Париже, и всегда в послеобеденное время.

— Они вместе ходили куда-нибудь?

— Нет, месье...

— Эта дама оставалась у него ночевать?

— Никогда, месье.

— Очевидно, это была замужняя женщина!

Мадам Дуленк неопределенно пожала плечами.

— Хорошо,— сказал Жюв,— подайте, пожалуйста, одежду, которая висит за вами.

Консьержка сняла с вешалки и протянула Жюву куртку. Он быстро осмотрел ее, затем взглянул на этикетку на внутренней стороне воротника и прочитал: «Pretoria».

— Так и есть,— заключил он вполголоса,— так я и предполагал.

Он смотрел пуговицы. На них с обратной стороны была вырезана фамилия изготовителя.

Сержант, догадавшись, что именно ищет инспектор, тоже стал осматривать одежду, лежащую в одном из чемоданов.

— Господин инспектор,— заявил он,— а вот на этих вещах нет отметки изготовителя.

— Ладно, перебил его Жюв,— вскройте второй чемодан.

Пока полицейский возился с замком, Жюв вышел на кухню, взял довольно увесистый медный молоток с железной рукояткой и стал с любопытством разглядывать его, взвешивая на ладони. Крик ужаса, вырвавшийся из уст сержанта, заставил его вернуться в комнату.

Несмотря на свою профессиональную выдержку, Жюв содрогнулся: в раскрытом чемодане был труп.

Мадам Дуленк в полуобморочном состоянии упала в кресло. Сержант поспешил к ней на помощь.

Овладев собой, Жюв скомандовал:

лестницу и в комнату.

— Закрыть двери на лестницу и в комнату.

Полицейский выполнил приказ инспектора.

Простолюдинки редко падают в обморок. Мадам Дуленк быстро пришла в себя, но была до такой степени потрясена, что не могла подняться с места. Она растерянно смотрела на труп.

Это было тело мужчины лет пятидесяти с резкими чертами лица, высоким лбом, казавшимся еще больше из-за залысин.

Убитый был одет изыскано, что наводило на мысль о его благородном происхождении. Раны на теле не было видно.

— Сколько времени вы не видели господина Гурна? — спросил Жюв у консьержки.

— Недели три, месье...— пробормотала мадам Дуленк.— Три недели. Сюда никто не приходил, могу поклясться...

Жюв сделал знак полицейскому, и тот сразу понял, что имеет в виду инспектор. Наклонясь, он ощупал труп:

— Окоченение полное.— констатировал он.— Но странно, признаков разложения нет. Может быть, холод...

Жюв покачал головой:

— Даже самый суровый холод не поможет сохранить труп в таком состоянии на протяжении трех недель. Что-то тут не так...

Внимание инспектора привлекло маленькое желтоватое пятнышко, видневшееся на худой шее жертвы.

Сержант хотел о чем-то спросить инспектора, но в это время Жюв, взяв труп под мышки, осторожно приподнял его. На затылке был кровоподтек, похожий на черную шишку величиной с пятифранковую монету.

— Вот объяснение!

Быстрыми и ловкими движениями он обыскал одежду мертвого и обнаружил часы. В кармане жилета было полно денег. Но Жюв напрасно искал бумажник, который убитый, вероятно, как и любой мужчина, должен был иметь при себе. Бумажник, в котором, кроме ценностей, должны были быть и документы.

— У месье Гурна был автомобиль? — обратился он к консьержке.

— Нет, месье, но... почему вы об этом спрашиваете? — полюбопытствовала мадам Дуленк.

— Да так,— ответил инспектор после небольшой паузы, продолжая рассматривать лежащий на полочке большой никелированный шприц, похожий на те, которыми пользуются шоферы, когда заливают или выливают горючее в мотор.

— Поищите кровоподтеки на запястьях, икрах и животе убитого,— приказал Жюв сержанту.

— Кто здесь убирает? — обратился он к женщине.

— Я, месье...

— Отлично, вы очень чистоплотны и старательны... Но скажите,— продолжал он, указывая на брахатный занавес, который скрывал лест... отделяющую прихожую от небольшого салона, в котором они находились.— Скажите, почему портьера отвязана сверху?

— Месье, я впервые вижу, что она сорвана. Месье Гурн редко бывает здесь, и я не часто делаю генеральную уборку...

— Когда вы убирались в последний раз?

— Около месяца назад.

— То есть месье Гурн уехал через неделю после вашей последней уборки?

— Да, месье.

— Скажите, мадам,— изменил он тему разговора,— вы не знаете этого человека? — Жюв указал на труп.

Консьержка, превозмогая себя, взглянула на труп и ответила:

— Я никогда не видела этого господина.

— Значит, вы не видели, как этот господин поднялся сюда?

— Нет, не видела,— подтвердила консьержка.

— Удивительно. Значит неизвестный поднялся в квартиру тайком. Раздался звонок в дверь.

— Откройте,— приказал Жюв.

На пороге стоял молодой человек лет двадцати пяти. Судя по внешности это был англичанин. С сильным акцентом он представился:

— Я — Вуленд, директор «South S[illegible] Co». Мне передали, что я должен по распоряжению полиции явиться к господину Гурну?

— Благодарю вас, месье. Позвольте представиться: я — Жюв, инспектор сыскной полиции. Входите, пожалуйста.

Господин Вуленд с невозмутимым и торжественным видом проследовал в комнату. Оглядевшись, он увидел раскрытый чемодан и труп. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Господин Вуленд был хорошо воспитан и обладал тем беспримерным хладнокровием, которое характерно для могущественной англо-саксонской нации.

— Месье,— попросил Жюв,— будьте любезны, покажите мне документы, относящиеся к багажу, который сегодня утром вы хотели взять у месье Гурна.

— Пожалуйста, господин инспектор... Четыре дня назад, то есть 14 декабря, это точно, с лондонской почтой к нам поступило письмо, в котором лорд Белтэм попросил нас забрать 17 декабря четыре пакета, помеченных буквами H. K., находящиеся у господина Гурна. Наш клиент сообщил, что консьержке даны соответствующие распоряжения.

— Куда вы должны были отправить багаж?

— Наш клиент,— продолжал господин Вуленд,— в письме просил, чтобы мы погрузили багаж на первый пароход, отправляющийся в Трансвааль, и направили его в Йоганнсбург, где груз ждут. Все отправки должны быть подтверждены депешами. Одна из них должна быть отправлена в Лондон, до востребования, в бюро на Чэринг кросс, 23.

В своей записной книжке Жюв пометил: «Бюро, Черинг кросс, 23».

— А кто получатель телеграммы?

— Белтэм.

— Других документов у вас нет?

— Нет,— ответил господин Вуленд.

— Месье, вы наверное, знаете, что в Париже ходят разные слухи о Белтэме. Он неожиданно исчез. Вы не удивились, получив четыре дня назад письмо за подписью лорда Белтэма?

— Я слышал об исчезновении лорда Белтэма,— ответил господин Вуленд,— но не поверил в это. Не мне судить об обстоятельствах его исчезновения. Я получил письмо и выполняю распоряжения клиента.

— Вы уверены, что распоряжение исходит от лорда Белтэма?

— Лорд Белтэм наш давний клиент. Мы много раз выполняли его заказы. Никаких подозрений не было: бумага и текст походили на то, что мы привыкли получать от него. Я могу быть вам чем-то еще полезен? — закончил господин Вуленд.

— Нет, месье, благодарю вас! — сказал Жюв, но тут же спохватился:

— Господин Вуленд, вы знали лорда Белтэма лично?

— Нет, месье... Лорд Белтэм всегда отдавал только письменные распоряжения. Звонил два или три раза, но сам никогда не заходил в наше агентство.

— Благодарю вас,— закончил ра[illegible] Жюв.

Инспектор тщательно расставил по местам те несколько предметов, которые сдвинул, обследуя комнаты, осторожно закрыл крышку чемодана, застегнул пуговицы на своем пальто и обратился к полицейскому:

— Вы из какого комиссариата?

— Из 20-го. Дом 46 по улице Рапионно,— ответил сержант,— пост совсем рядом.

— Оставайтесь здесь, пока я не пришлю вам смену.

Жюв ушел.

Ошибки не было. В чемодане был труп лорда Белтэма. Жюв узнал его. Но кто убийца?

«Обстоятельства,— думал он,— складываются не в пользу Гурна. Неужели он мог убить так дерзко и жестоко?! Нет, похоже тут действовал безжалостный профессионал.

В этом убийстве, совершенном в центре Парижа, есть особая дерзость и логика. Как тщательно продуманы эти многочисленные меры предосторожности... как это похоже на манеру... Фантомаса!»

VIII

УЖАСНОЕ ПРИЗНАНИЕ

В то время, как инспектор Жюв с удивительной находчивостью вел расследование по новому делу, о котором Сюрте известила его депешей, в окрестностях замка маркизы де Лангрюн события развертывались следующим образом.

Поиски Шарля Рамбера не прекращались.

К хижине мамаши Шикар на «автомобиле» с шумом подъехал Бузиль.

Мамаша Шикар, догадавшись, откуда этот шум, несмотря на свои 83 года, вышла на порог с метлой в руках:

— Это ты, бандит, злодей, ворюга! От тебя одни только беды. Чего тебе надо здесь?

Бузиль, виновато опустив голову, подошел к ней.

— Не средитесь,— начал он, как только удалось вставить слово между ее причитаниями.— Я пришел, чтобы уладить с вами дела.

— Очень-то мне охота иметь с тобой дело!

Старуха с недоверием глянула на бродягу и, поскольку в этот непогожий день ей совсем не хотелось мерзнуть на улице, вернулась в дом. Бузиль решительно последовал за ней, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Чертова погода, мамаша Шикар,— воскликнул он.

Но та не собиралась менять тему:

— Ты украл у меня лучшего кролика из всех!

— О! — воскликнул бродяга,— вы имеете в виду ту драную кошку! Успокойтесь, я предлагаю вам...

Старуха быстро угомонилась и села на скамейку. Бузиль устроился за столом напротив.

— Говори!

— Предположим,— сказал Бузиль,— ты продала своего кролика на рынке за два с половиной франка. Я же принес вам двух кур по 40 су каждая. И если в полдень вы накормите меня супом, я сделаю за вас все дела по дому.

После этих слов мамаше Шикар захотелось взглянуть, целы ли ее куры.

Те, что принес Бузиль, имели плачевный вид.

— Где ты их взял? — для проформы поинтересовалась старуха, хотя не сомневалась, что они краденые.

Бузиль неопределенно махнул рукой.

— Ну как, идет? — настаивал бродяга.

— Идет! Сначала наколи дров...

Бузиль, довольный перемирем, важно заявил:

— Позвольте, мадам, я поставлю свой автомобиль у сарая.

Через мгновение Бузиль появился во дворе в таком экстравагантном

экипаже, что мамаша Шикар не могла сдержать смеха. Это было трехколесное сооружение допотопного вида. Два больших колеса стали соединялись с маленьким спереди цепью. Конструкцию венчал никелированный руль.

Это был уже не первый «автомобиль» Бузиля. Раньше у него была «машина», по своему виду напоминавшая детскую коляску, в которой матери семейств прогуливают детей: «машина» всегда была набита тряпками, которые Бузиль добывал во время своих странствий.

Следующее «изобретение» было на четырех деревянных колесах. Его основу составлял ящих из-под мыла. В эту тележку Бузиль складывал продкуты: хлеб, жир, овощи, а также бутылки.

Его Бузиль торжественно величал «локомотивом». Третий «автомобиль» был настоящий вагон-ресторан.

— Бузиль, мне говорили, ты сидел в тюрьме за кражу моего кролика и по делу в замке де Больё? — полюбопытствовала старуха.

— Ах, мамаша Шикар, не надо мешать эти две истории. Что касается «дела в замке», то я, ей-богу никакого отношения к нему не имел.

— А кролик?

— Что касается кролика, то дело это улажено!

Продолжая болтать с хозяйкой, Бузиль хлопотал по дому. Старуха, в свою очередь, почистила несколько картофелин и собиралась варить суп.

— Я разведу огонь, мамаша Шикар, а то очень уж есть хочется! — предложил Бузиль.

— Давай,— отозвалась старуха. — Скоро половина двенадцатого. Работу потом закончишь.

Примирение со старухой сделало Бузиля разговорчивым. Он решил поделиться своими планами на весну.

— Хочу совершить дальнюю поездку...

— В Тулузу?

— Еще дальше!

— Куда же? В Авиньон, в Бордо?

Бузиль помолчал и торжественно произнес:

— В Париж, мамаша Шикар!

Старуха остолбенела.

— Я всегда мечтал увидеть Эйфелеву башню. Она не идет у меня из головы вот уже пятнадцать лет. Я осуществлю свою мечту.

— Как долго ехать до Парижа? — поинтересовалась мамаша Шикар.

— С моим транспортом нужно рассчитывать месяца на три.

Они закончили трапезу, хозяйка тщательно вымыла посуду. Бузиль отправился на берег реки собирать камыш.

— Мамаша Шикар,— донесся до старухи голос Бузиля,— скорее идите сюда!

Мамаша Шикар не расслышала, о чем точно кричал бродяга, и пошла на голос посмотреть, что случилось.

Бузиль стоял по пояс в воде и длинной палкой пытался вылови-

какой-то сверток, который уносило течением. Через несколько минут Бузиль с добычей выбрался из воды.

Мамаша Шикар подошла, но тут же стремительно отпрянула, закричав от ужаса: Бузиль вытащил труп.

Вид утопленника был ужасен. Это был молодой человек, почти ребенок: руки и ноги худые, лицо распухшее и разбитое до неузнаваемости. Бузиль был не робкого десятка.

— Мне кажется,— сказал Бузиль,— что он попал под мельничное колесо и, наверное, погиб таким образом, в ранах застряли щепки трухлявого дерева.

Мамаша Шикар обеспокоенно произнесла:

— Скверно, если тут злодейство.

— Это не деревенский парень,— заключил Бузиль.

— Конечно, нет,— согласилась старуха.— Одет, как господин!

Бродяга и мамаша Шикар замолчали. Бузиль размышлял, что делать дальше: возможная награда жандармерии привлекала его, но, с другой стороны его настораживала вероятность преступления. Если в их районе совершено второе убийство, то у полиции будет совсем другое настроение, а это Бузилю ни к чему.

— Я сброшу его в воду,— решил он.

Но ему помешала мамаша Шикар.

— Не надо,— сказала она.— Ей [illegible], быть [illegible] ностям!

Через полчаса бродяга, решив [illegible] гражданский долг, привел в движение свой [illegible] и направился в Сен-Жори.

Люди, профессиональные обязанности [illegible] работают [illegible] праздника 1 января, чувствуют себя в этот день [illegible]

Инспектор Жюв был дома. Удобно устроившись в своем рабочем кабинете, он перебирал в уме все, что произошло за последнее время.

Было 1 января, 4 часа.

Вот уже месяц Жюв был занят чрезвычайно таинственными происшествиями, следующими друг за другом. Он должен их раскрыть.

Дело Белтэма.

Дело Лангрюн.

Фантомас.

Интересно, чем сейчас занимается Фантомас? Чем он мог заниматься сегодня, 1 января? Жюв углубился в размышления. В кабинете было тепло и уютно.

Жюв рассеянно следил за голубоватым дымком своей сигареты. Неожиданно раздался звонок в дверь. Инспектор вскочил с кресла и, опередив слугу, принял из рук телеграфиста депешу.

Поднеся ее ближе к лампе, он прочитал:

«В реке Дордонь обнаружен труп молодого человека. Лицо неузнаваемо. Предполагаем, что это Шарль Рамбер. Подумайте и телеграфируйте о вашем решении».

Депеша была отправлена из Брив и подписана судебным следователем

«Неузнаваемый труп... утопленник в реке Дордонь. Действительно ли это Шарль Рамбер?»

После странного исчезновения господина Рамбера и его сына инспектор строил по этому поводу различные гипотезы и каждый раз не находил достаточно аргументов для того, чтобы утвердиться в чем-то окончательно...

Пока инспектор раздумывал над телеграммой де Преля, раздался еще один звонок.

Жюв слышал, как слуга сказал:

— Месье не принимает!

Жюв строго следовал своим принципам и никого не принимал у себя дома. Для визитов он отводил часы в Сюрте.

Однако посетитель был настойчив, слуга вынужден был принять у него визитную карточку, хотя знал, как Жюв не любит такие посещения.

К его изумлению, Жюв, глянув на визитку, приказал звать гостя немедленно.

Через мгновение перед ним стоял Этьен Рамбер!

Его усталое лицо выражало тревогу. В руке он держал смятую вечернюю газету.

— Месье,— прошептал он слабым голосом,— скажите, это правда? Я только что прочитал...

Жюв пригласил посетителя сесть, взял газету и пробежал заметку, почти аналогичную по содержанию телеграмме, полученной из прокуратуры Брив.

Посмотрев на Этьена Рамбера, Жюв спокойным голосом, по интонации которого никогда нельзя было догадаться о том, что у инспектора на уме, спросил:

— Но почему вы пришли ко мне, месье?

— Чтобы узнать!

— Узнать что?

Посетитель продолжал, дрожа от волнения:

— Этот труп, этот утопленник... это мой сын? Мой бедный Шарль!

— Об том нужно спросить у вас, месье...

Наступило тягостное молчание. Этьен Рамбер, превозмогая волнение, о чем-то напряженно думал. Приняв решение, он заговорил:

— Пожалейте, месье, отчаявшегося отца! Выслушайте меня. Я должен сделать вам ужасное признание...

IX

ВСЕ РАДИ ЧЕСТИ

Орас Элуа, охранник Дворца правосудия в Каоре, был изумлен... Никогда в жизни он не видел столько людей, такого количества автомобилей и экипажей, съехавшихся на маленькую городскую площадь.

На все воля Божья[1] — решил Орас Элуа.— Если столько людей из общества заинтересовались этим процессом, значит будет что-то необычное.

И он был прав.

Действительно, весь цвет общества собрался в этот день во Дворце правосудия, где открывалось судебное заседание.

Провинция не отставала от Парижа в своем любопытстве, когда дело касалось какой-нибудь важной персоны. Зал Дворца правосудия в Каоре был полон. Но в отличие от Парижа, здесь разговаривали вполголоса, приветствовали друг друга сдержанно. И разговоры по преимуществу были грустные и печальные...

Всех интересовало главное действующее лицо этого процесса:

— Молодая Тереза Оверпуа! Вы видите, вон она там! На первой скамье. Господин председатель суда посадил ее туда... я это знаю от почтальона, который был в замке Кэрель.

— Вы говорите о замке, где живет мадам де Вибре?

— Да, красивая женщина в сер[illegible]... [illegible] сидит рядом с Терезой... После смерти мадам де Лангрюн [illegible], чтобы девушка оставалась в замке Бочье, так как [illegible] жестоким по отношению к ней...

— Значит, Тереза живет у мадам де Вибре?

— Да, конечно. На семейном совете было решено временно назначить опекуном председателя Бонне. Видите его? Высокий худой человек, который беседует с управляющим Доллоном...

— Вы знаете управляющего Доллона?

— Конечно, я его часто видел у мадам де Лангрюн.

— Да, бедная маркиза! Какая ужасная смерть!

...Мало-помалу в зале воцарилась тишина.

— Моя маленькая Тереза,— наклоняясь к страшно бледной девушке в траурной одежде, шептала баронесса де Вибре.— Ты не очень устала? Не хочешь выйти?

— Нет-нет, дорогая крестная,— отвечала Тереза,— не беспокойтесь, я буду сильной!

Баронесса де Вибре, которая не могла помолчать и двух минут, продолжала.

— Я очень беспокоюсь! Ты так слаба, больна. Зачем тебе присутствовать на этом злополучном процессе!

— Это мой долг,— тихо покачала головой Тереза,— я никогда ничего не пропущу, что касается убийства моей дорогой бабушки. Я хочу знать все!

В разговор вмешался сидящий рядом с женщинами председатель Боннэ.

Ему не терпелось продемонстрировать свою осведомленность о происходящем.

— Суд,— сказал он,— состоит из нескольких судей. Здесь, как и в большинстве провинциальных городов, в него входят советник апелляционного суда, это господин де Сен-Калэ, далее, председатель гражданского суда Каора и, наконец, наш старейший судья господин Можуть.

Хотя ни Тереза, ни мадам де Вибре не проявляли к этим подробностям никакого интереса, председатель Боннэ продолжал:

— Небольшой письменный стол справа предназначен для секретаря суда, он обязан зачитывать, а также составлять документы, прямо перед ним будет находиться господин генеральный прокурор, красноречие которого вас непременно очарует. На тех скамьях сядут присяжные. Им предстоит обсуждать дело, а суд определит меру наказания...

Председатель Боннэ увлекся. Сидевшие рядом стали заинтересованно прислушиваться. Исключение составил лишь человек в очках с темными стеклами. Похоже, его явно раздражали пояснения председателя Боннэ.

Жюв, а это был он, слишком хорошо сам знал судебную структуру, чтобы выслушивать чужие комментарии.

Неожиданно, словно над собравшимися в зале пронесся электрический разряд, беседы прекратились, воцарилась мертвая тишина и только одно слово, произнесенное шепотом, летело от ряда к ряду:

— Обвиняемый!

Вошел Этьен Рамбер.

Он двигался по проходу к предназначенному для него месту возле барьера, за которым находились свидетели. Напротив уже расположился один из самых старых адвокатов Каора, мэтр Дарель.

Однако у присутствующих было мало времени, чтобы рассмотреть обвиняемого.

Едва Этьен Рамбер успел дойти до места, как дверь, соединяющая зал заседаний с совещательной комнатой, открылась. Один за другим члены суда проследовали к своим креслам. Одетый в черное судебный исполнитель вышел вперед и визгливым голосом огласил традиционное:

— Тихо, господа! Встать! Обнажить головы! Суд идет!

Не спеша и торжественно, размеренным шагом проследовали судьи. Заседание началось.

Секретарь суда, приступил к чтению обвинительного заключения.

Секретарь суда в Каоре был добрейший человек, чем-то похожий на

секретаря Жигу, который сопровождал господина де Преля, судебного следователя по делу Ланрюн.

Но тогда как Жигу был озабочен прежде всего тем, чтобы показать себя, усложнить судебные формальности, секрерать суда в Каоре был скромен, старался быть незаметным.

Судебные заседения были в Каоре редкостью: здесь нечасто приходилось слышать обвинительные акты столь трагического содержания. Поэтому секретарь суда очень волновался. Как прилежный чиновник, он наизусть знал начало обвинительного заключения, которое должен был огласить. Но после первых же фраз память ему изменила, и он начал бормотать что-то невнятное.

Аудитория была разочарована.

Никто ничего не слышал, никто не мог понять слов, произносимых скромным судебным служащим.

Этьен Рамбер сидел, подперев голову руками, словно придавленный грузом воспоминаний, вызванных только что прозвучавшим обвинением. Резкий голос председателя суда прервал ход его мыслей:

— Обвиняемый, встаньте!

Этьен Рамбер, бледный как мертвец, встал и, скрестив руки на груди, казалось, на несколько секунд обрел силы.

— Ваше имя? — спросил председатель.

— Эрве-Поль-Этьен Рамбер.

— Род занятий?

— Коммерсант... Я владею каучуковыми плантациями в Южной Америке.

— Возраст?

— 59 лет.

Этьен Рамбер на все вопросы отвечал громким, но несколько хрипловатым голосом.

После паузы, во время которой председатель нацепил на свой огромный нос очки в золоченой оправе, допрос был продолжен:

— Вы богаты, образованны. Будет излишне спрашивать у вас, поняли ли вы все, что содержится в обвинительном заключении.

— Я следил за ним, месье, — ответил Этьен Рамбер, — но я решительно протестую против некоторых утверждений и обвинений, которые бросают тень на мою честь, на меня, как отца...

Председатель суда с раздражением перебил его:

— Не будем спорить. Впереди допрос. Тогда мы сможем все уточнить.

Суровая сухость председателя охладила Этьена Рамбера.

— Допрашивайте, — сказал он подавленным голосом, — я вам отвечу, месье...

Судья продолжал:

— Надеюсь! К вам и так отнеслись благосклонно, оставив на свободе, вместо того, чтобы сразу посадить в тюрьму. Вы обязаны рассказать суду присяжных все.

Обвиняемый, казалось, не заметил бестактной категоричности судьи. Тот уверенно нанизывал слова:

— Итак, вы слышали обвинительное заключение. Вам вменяется в вину то, что вы способствовали побегу вашего сына, которому следствие инкриминирует убийство мадам маркизы де Лашрюи. Затем вы обвиняетесь в том, что во избежание публичного презрения убили собственного сына, тело которого найдено на берегу реки Дордонь.

Подобное изложение фактов вызвало у Этьена Рамбера крайнее негодование:

— Господин председатель,— заявил он,— существуют определенные формы изложения фактов. Я не отрицаю сути обвинительного заключения, но я протестую против того, каким образом вы ее излагаете. Обвинительное заключение должно подчеркнуть только одно: я расправился с преступником, который внушал мне ужас, но которого я не мог отдать в руки палача.

Председатель оторопел от изумления.

— Сейчас мы обсуждаем,— сказал он,— имели ли вы право на самосуд. Но есть еще обстоятельства, по которым вам надлежит объясниться перед судом. Прежде всего, почему вы наотрез отказались говорить со следователем?

Этьен Рамбер неторопливо пояснил:

— Господин председатель, я вообще не должен был слышать подобных вопросов. Но если вас интересует, почему я молчал, я отвечу, что мне нечего было сказать судебному следователю.

Я сижу на этой скамье бесчестья, и я поднялся, когда вы назвали меня «обвиняемый» только лишь из простого уважения к правосудию моей страны! Но я не допущу ни того, чтобы меня обвинили, ни того, чтобы упрекнули в нарушении кодекса законов.

Обвиняемый зарыдал.

Некоторые дамы в зале тоже прослезились и промокнули глаза платочками. Не сдерживаясь более, рыдала мадам де Вибре. Тереза была возбуждена. Крупные слезы катились по ее щекам. Более стойкие дамы силились удержаться и поджимали губы, мужчины покашливали. Судьи хранили полное спокойствие.

Председатель Боннэ наклонился к Доллону.

— Знаете,— сказал он,— я привык к заседаниям! Но столь суровое осуждение — это уж слишком.

После паузы председатель суда обратился к обвиняемому. В его голосе сквозила ирония:

— Так вот почему, месье, вы упорно молчали в течение всего следствия! Любопытно! Я восхищаюсь тем, как вы понимаете долг чести. Забавно!

Этьен Рамбер прервал это издевательство.

— Я уверен,— сказал он,— господин председатель, что здесь много людей, которые меня поняли и одобрили...

Но председатель возразил:

— Люди честные меня тоже поймут, когда я уточню вашу роль, Рамбер... Ведь в тот момент, когда вы поверили, что ваш сын убийца, в тот момент, когда вы обнаружили окровавленные салфетки, то есть действенное доказательство его виновности, вы не колебались ни минуты, вы, человек чести! Вы не подумали передать виновного в руки жандармов, которые находились во дворе замка. Вы позволили ему бежать! Этого вы не отрицаете?

Этьена Рамбера била сильная дрожь.

— Господин председатель, если вы считаете, что я участвовал в заговоре, то я этого не отрицаю. Я об этом просто кричу! Долг отца [illegible] никогда не предавать свое дитя!

По залу пробежал одобрительный шепот. Председатель суда пожал плечами:

— Оставим высокопарные фразы, Рамбер, у вас в запасе много пространных тирад для оправдания вашего поведения. Но мне кажется более полезным уточнить некоторые детали. Соблаговолите же ответить на мои вопросы.

— Слушаю вас, господин председатель.

— Прежде всего,— уточнил судья,— признался ли ваш сын в убийстве мадам де Лангрюн в ночь побега [illegible]? Я не очень рассчитываю на вашу откровенность, но хочу понять [illegible]. Итак, когда признался ваш сын?

— Господин председатель, мне нечего вам ответить! Мой сын был безумным! Ведь у него не было никаких мотивов для преступления.. Его мать находится в психиатрической больнице! Вот и все объяснение! Если он и убил, то в момент душевного расстройства!

— Иначе говоря,— вставил председатель,— Шарль Рамбер признался вам, но вы не желаете это подтвердить?

— Я вовсе не говорил, что он признался .

— Но вы дали это понять. .

Председатель сделал небольшую паузу. Этьен Рамбер явно избегал ответа.

— Продолжим,— сказал председатель.— Что вы делали после того как покинули замок?

— Что обычно делают, господин председатель, когда убегают? Мы печально бродили в полях, лесах, пережили ужасные часы, которые только может пережить человек!

— Сколько же это продолжалось?

— Наш побег длился четыре дня, господин председатель...

— Стало быть, вы убили его на четвертый день!

— Господин председатель, сжальтесь надо мною! Вы меня мучаете! Я не убивал сына. Ведь со мной был убийца! Убийца, которого разыскивала полиция, которого ждала гильотина!

Председатель, равнодушный к причитаниям несчастного Этьена Рамбера, снова пожал плечами:

— Ну, если вы так хотите, это был убийца! Но вы не имели права

становиться палачом! Вы признаете, что убили сына?

— Не признаю!

— Вы отрицаете, что убили его?

— Я сделал то, что предписывал мне долг!

Председатель с силой ударил кулаком по столу:

— Все время одно и то же! Вы отказываетесь отвечать?

Жестом председатель восстановил тишину в зале суда, где присутствующие, потрясенные ужасной драмой, не могли сдержать волнения. Прозвучал короткий ответ Этьена Рамбера:

— Господа судьи решат!

— Значит, вы не желаете отвечать на один из главных вопросов процесса? Смогли бы вы, например, сообщить нам хотя бы один из советов, которые давали сыну?

На этот раз Этьен Рамбер говорил более спокойно:

— Месье, я не мог выдать сына, я желал только одного: забвения, а если это невозможно, то смерти... Я советовал ему подумать о той жизни, которая ждет его отныне, о постыдном будущем... Я его умолял сделать так, чтобы исчезнуть навсегда...

— Вы ему советовали покончить жизнь самоубийством?

— Я хочу сказать, что желал его отъезда за границу...

Председатель для того, чтобы предоставить суду время оценить важность последней фразы, которую он только что «вырвал» у Этьена Рамбера, прекратил на несколько минут свой допрос и начал листать досье этого уголовного дела.

Спустя время, не поднимая головы, он спросил:

— Вас удивило сообщение о его смерти?

— Нет! — глухо ответил Рамбер.

— Как вы расстались?

— В последнюю ночь мы спали в поле, недалеко от мельницы, полумертвые от усталости. Это было на берегу реки Дордонь. На следующее утро я проснулся в одиночестве... сын исчез... Я больше ничего не знаю.

Но на этот раз у председателя, казалось, появился шанс поймать несчастного на противоречиях.

— И что же? — сказал он, еще раз угрожающим взглядом укрощая волнение зала. — Если вы ничего не знали в тот момент, то почему же через несколько дней отправились к инспектору Жюву и спросили его, что он знает о трупе вашего сына? Вы, Рамбер, не сомневались, что был обнаружен труп вашего сына. Почему?

Председатель суда как бы подчеркнул одно из самых важных обстоятельств, которое могло подтвердить причастность Этьена Рамбера к убийству.

Это понял обвиняемый и, повернувшись к суду, будто отныне доверял только членам суда, заявил:

— Господа, этот допрос — мука. Я не могу ее больше выносить. Я не в состоянии отвечать... вы уже знаете достаточно, чтобы меня о-

дить... Судите меня! Скажите, что у меня нет чести, что я изменил долгу отца! Я не могу больше отвечать...

Несчастный в изнеможении упал на скамью.

Председатель с видом охотника, загнавшего дичь, тоже повернулся к судьям и резким голосом объявил:

— Решение не отвечать на мои вопросы является косвенным признанием виновности!

Его слова вызвали сочувствие у зала, и председатель тоном, каким обычно говорят о чем-то несущественном, продолжил:

— Переходим к слушанию свидетелей. Должен заметить, что наибольший интерес среди них представляет Бузиль — бродяга, который выловил труп Шарля Рамбера; к сожалению, этот тип не имеет постоянного местожительства и его трудно найти, чтобы пригласить в суд.

Председатель начал вызывать свидетелей обвинения, которым, казалось, не было конца. Это были крестьяне, которые встречали отца и сына Рамберов после того, как они сбежали из замка; это были булочники, которые продавали хлеб несчастному Этьену Рамберу, когда он осмеливался заходить в деревни. Были также и шлюзовые смотрители, которые заметили, но не выловили труп молодого Рамбера.

Показания свидетелей не внесли никакой ясности, и присутствовавшие в зале уже догадывались о приговоре.

— Вот увидите, — говорил сидевший в последних рядах толстяк, — увидите, что все изменится после того, как заслушают свидетелей защиты... До сих пор суд слушал только то, что говорили враги несчастного Этьена Рамбера.

— Нет, друг мой, — возразил сосед, — вы заблуждаетесь: мне из достоверных источников известно, что у него нет. Этьен Рамбер слишком горд для того, чтобы защищаться. Он не пожелал, чтобы заслушали хотя бы одного свидетеля защиты.

— Какая неосторожность!

— Нет, какой прекрасный вызов! Этот человек выполнил свой долг. Он совсем не хочет разжалобить судей.

— А речь адвоката?

— Мне сказали, что метр Дарен будет говорить только для того, чтобы соблюсти судебные формальности.

Председатель, повернувшись к суду, объявил:

— Вам, господа, хотелось бы заслушать инспектора Жюва, но он не может сообщить вам ничего иного, кроме того, что изложено в протоколе следствия. Вы с ними знакомы. Но я вижу в зале мадемуазель Терезу Овернуа, внучку мадам де Лангрюн. Эта девушка, как вы знаете, слышала, как обвиняемый пытался добиться признания у своего сына в ночь побега. Девушку еще не слушали как свидетельницу. Жестоко будить в ней тягостные воспоминания. Но поскольку она присутствует на этом процессе, мы могли бы уточнить кое-что неясное в данном деле.

Судебный исполнитель подошел к девушке; бедная Тереза, удивленная

неожиданным поворотом событий, вышла на середину зала к барьеру и замерла в ожидании вопросов председателя.

— Вы слышали разговор Этьена Рамбера с молодым Шарлем Рамбером в ту субботнюю ночь в замке Больё.

— Да, месье.

— Не соблаговолите ли вы сообщить нам, что вы знаете в связи с обвинением, предъявленным господину Этьену Рамберу?

Тереза, сделав видимое усилие, ответила:

— Я могу сказать, господин председатель, что господин Рамбер говорил со своим сыном, находясь в ужасном волнении. Я [illegible] как сильно он страдал!

Председатель, рассчитывавший услышать от Терезы суровое осуждение преступления, понял, что она не сделает этого. Ее свидетельское показание обещало быть благоприятным для обвиняемого.

— Хорошо, мадемуазель. Достаточно, благодарю вас.

Тереза вернулась на место, а председатель обратился к суду:

— У нас нет больше свидетелей. Слово господину прокурору для обвинительной речи.

Прокурор поднялся и начал свою речь, больше апеллирующую к правде, чем к фактам. Он отметил противоречия в доводах Этьена Рамбера, посвятил немало времени тому, чтобы доказать, путаясь в словах, что Этьен Рамбер виноват, совершив самосуд над сыном.

Выступление прокурора хоть и было многословным, но ничем [illegible] не порадовало.

Поднялся адвокат обвиняемого.

— Господа! Вы слышали допрос господина Этьена Рамбера. Вы знаете, в чем его обвиняют. Мой клиент обязал меня сообщить вам только, что вверяет себя вашей совести. Решайте сами: нашел ли он как отец безумного и преступного сына средство примирить требования чести и родительские чувства? Я не буду навязывать вам приговор, который, по моему мнению, должен быть вынесен. Я прошу вас судить без снисхождения, беспристрастно — так, как это делают люди чести!

В абсолютной тишине председатель и заседатели удалились в совещательную комнату, чтобы вынести приговор.

Этьена Рамбера увели, в публике начались разговоры.

В целом она сочувствовала обвиняемому.

Страдания отца взволновали даже скептиков и равнодушных. Все строили догадки о приговоре.

— Нет сомнения, что он убил своего ребенка,— гудел краснолицый виноградарь.

— Да,— вторила какая-то женщина,— а если не убил, то толкнул на самоубийство. Он не мог его выдать!

Вмешался толстяк:

— Ситуация безвыходная! Этьен Рамбер, как бы ни любил своего сына, мог желать только одного: чтобы сын убил себя. Я понимаю Этьена Рамбера!

Словоохотливый председатель Боннэ толковал:

— Если суд присяжных захочет оправдать Этьена Рамбера, то для этого есть только одно средство, — объявить, что он невиновен в убийстве своего сына, а, следовательно, ответить «нет» на все вопросы. Если он ответит «да» на один из них, то учитывая строгость господина председателя, нужно ждать сурового приговора, возможно даже смертной казни.

Звонок, известивший о возвращении присяжных, перебил его. Они прошли на свои места. Вернулись судьи. В наступившей тишине раздался голос председателя:

— Перед богом и перед людьми, — объявил он по форме, — на моей чести и на моей совести единодушный ответ суда присяжных — «нет» на все вопросы.

Это было оправдание!

X

АПАРТАМЕНТЫ КНЯГИНИ СОНИ ДАНИДОФФ

Прошло четыре месяца после [illegible] оправдания Этьена Рамбера.

Общественное мнение, прис[illegible] за нашумевшим делом, начало уже забывать о нем, [illegible] забыло о нераскрытом убийстве лорда Белтэма.

Один только Жюв, в [illegible], не забывал об этом. Он продолжал следить за [illegible] «Фантомом», его чуть ли не ежедневными кровавыми [illegible].

Бездействие Жюва было кажу[illegible]. Как [illegible] охотник он выжидал мгновения, когда загнанный зверь сам попадет в капкан.

Был конец июня, время, когда много[illegible] Париж начинает пустеть.

В отеле «Руайаль-Палас» было ожи[illegible]. Обслуживающий персонал сновал в салонах и просторных холлах первого этажа.

В этот час постояльцы «Руайаль-Паласа» возвращались с приемов и спектаклей, и в вестибюлях этого огромного отеля было полно мужчин во фраках, молодых людей в смокингах, элегантных женщин в вечерних туалетах.

У колоннады фасада остановился шикарный автомобиль.

Старший портье месье Луис почтительно поклонился, как он всегда делал это перед знатными постояльцами.

— Княгиня уже вернулась? — спросил он почтительно.

Княгиня любезно кивнула в ответ. Портье подозвал слугу и распорядился:

— Лифт для княгини Сони Данидофф.

Дама пересекла холл и исчезла в кабине лифта, который тотчас поднял ее к апартаментам.

Княгиня Соня Данидофф была важной клиенткой «Руайаль-Палас». Она занимала апартаменты из четырх комнат на четвертом этаже.

Действительно, княгиня имела двойное право на эту роскошь. Во-первых, благодаря огромному состоянию, во-вторых, благодаря замужеству. Брак с князем Данидофф связал ее родством с российской императорской фамилией.

Княгине только что исполнилось 30 лет. Голубые глаза и черные косы придавали особый шарм ее облику.

Следуя правилам светской жизни, княгиня проводила по полгода в Париже, останавливалась по американской моде в «Руайаль-Палас». Принимать ее считали за честь в лучших домах Парижа.

Репутация княгини была безупречна; даже злые языки, не имея поводов, связывали ее парижские приезды с тайнами политики.

Княгиня Соня Данидофф прошла через салон в спальню. Она повернула выключатель, и яркий свет залил комнату.

— Надин! — позвала она.

С диванчика в углу комнаты тотчас спрыгнула заспанная девушка.

— Надин! Помоги мне раздеться. Я устала.

Служанка послушно выполнила приказание.

Надин была маленькой черкешенкой — тоненькая, легкая, смуглая, с бездонными горящими глазами. Со сна она была неловка и княгиня раза два-три прикрикнула на нее:

— Будь же внимательней!

Очередная оплошность служанки вконец ее разозлила. Княгиня в сердцах ударила служанку по щеке.

Надин зарделась и с возмущением глянула на хозяйку.

— Не смейте меня бить! — крикнула она.

— На колени! Надин! — в гневе приказала княгиня.— Проси прощения или я выгоню тебя!

Черкешенка в раскаяньи рухнула на колени. Соня Данидофф, сменив гнев на милость, подняла ее.

— Я больше на тебя не сержусь. Ты свободна.

Но Надин, все еще стыдясь своего проступка, умоляла:

— Позвольте помочь вам...

В усталой рассеянности, проведя рукой по лбу, как бы снимая надоевшую невралгию, княгиня милостиво разрешила:

— Поди приготовь мне ванну, я думаю, она поможет снять усталость.

Минут через десять Надин вернулась и, поцеловав кончики пальцев хозяйки, прошептала:

— Ванна готова.

Соня Данидофф вошла в туалетную комнату, но тотчас же вызвала:

— Надин! — позвала она.— Ты здесь?

Ответа не было. Черкешенка, видимо, поднялась к себе в мансарду

— Наверное мне показалось, что по комнате кто-то ходит,— подумала княгиня.

Она быстро осмотрела спальню, заглянула в ярко освещенный салон, вернулась к кровати, удостоверилась, что панель с кнопками звонков для вызова служащих и собственных слуг в полном порядке. После этого княгиня уверенно направилась в туалетную, разделась и погрузилась в благоухающую воду.

В залитой матовым электрическим светом ванной Соня Данидофф испытывала несказанное удовольствие, вода возвращала телу бодрость. Новый шорох заставил княгиню вздрогнуть. Она огляделась: никого...

— Нервы! — сказала она себе.

Княгиня раскрыла книгу, как вдруг над самым ее ухом раздался чей-то язвительный голос: кто-то, заглядывая ей через плечо, начал читать текст раскрытой страницы.

Соня Данидофф не успела ни крикнуть, ни пошевелиться, как кто-то одной рукой крепко зажал ей рот, а другой схватил за запястье, мешая дотянуться до кнопки звонка.

Княгиня едва не лишилась чувств; она уже ждала ужасного удара оружия, которое ее убьет, как вдруг почувствовала, что мало-помалу рука, сжимавшая рот, слабеет. Невидимое до сих пор таинственное существо, обойдя ванну, предстало перед ошеломленной княгиней.

Это был мужчина лет сорока, элегантно одетый. Смокинг безукоризненного покроя подтверждал, что необычный посетитель не был одним из тех гнусных обитателей парижских трущоб, о которых доводилось читать Соне Данидофф.

Руки, которые сначала сковали, а потом вернули ей свободу движений, были белыми и холеными. У мужчины было породистое лицо. Борода была расчесана веером. Легкие залысины увеличивали и без того высокий лоб.

Однако княгиню поразила необычайная величина головы пришельца и множество морщин.

Соня Данидофф, не говоря ни слова, инстинктивно попыталась выпрямиться и все-таки дотянуться до электрического звонка, но мужчина быстрым движением схватил ее за плечо и помешал осуществить задуманное. Незнакомец загадочно улыбнулся; пытаясь позвонить, княгиня по пояс высунулась из воды, ее изящная грудь обнажилась.

Странный посетитель с двусмысленной галантностью произнес:

— Боже! Как вы хороши, мадам!

Покраснев и смутившись, Соня Данидофф опять погрузилась в воду.

Превозмогая волнение, она спросила:

— Кто вы такой? Чего хотите? Уходите или я позову...

— Только не кричите! А то умрете! — жестко приказал незнакомец. Затем с иронией добавил: — Позвонить! Это будет затруднительно. Для этого вам придется выйти из воды, а при вашей стыдливости... Впрочем, я расположусь здесь. Созерцание вашей красоты доставит мне чрезвычайное удовольствие.

Княгиня перебила его.

— Если вам нужны деньги, драгоценности, берите и уходите!

Мужчина быстрым взглядом оценил несколько колец и браслетов на круглом столике возле ванны.

— Эти украшения неплохи, но ваш перстень с печаткой лучше!

Притянув к себе руку княгини, он сжал ее в своей, рассматривая перстень, который она носила на безымянном пальце, не снимая.

Рука молодой женщины дрожала.

— Не волнуйтесь,— успокоил незнакомец. — Давайте побеседуем, если хотите.

И сделав паузу, добавил:

— Драгоценности ничего не стоят, когда они теряют индивидуальность, то есть я хочу сказать, когда они не составляют единого целого с теми, кто их носит. Браслет, облегающий запястье, колье, окружающее шею, кольцо, плотно надетое на палец...

Княгиня Соня Данидофф была смертельно бледна и от страха не могла понять, что же хочет сказать таинственный незнакомец.

— Я не могу снять это кольцо, оно слишком тесное.

Мужчина ухмыльнулся:

— Княгиня, это пустяки. Пожелай кто-нибудь завладеть подобным сокровищем, ему достаточно иметь при себе...

Мужчина порылся в кармане своего жилета, вынул оттуда миниатюрную бритву и открыл ее. Княгиня содрогнулась.

— Ловкий человек,— продолжал незнакомец,— в несколько секунд отсечет с помощью этого лезвия палец, на котором носят такую чудесную вещь... Но не стоит пугаться. Очевидно, вы принимаете меня за какого-то вульгарного домушника, взломщика, бандита с большой дороги? О, княгиня! Возможно ли, чтобы подобная мысль пришла вам в голову? Разве вы не догадываетесь о том, что ваша красота способна внушить сильнейшую страсть, побудить к необычным поступкам..

Тон незнакомца был таким искренним, а в глазах его блестел свет такой почтительности, что княгиня почувствовала себя несколько увереннее.

— Но,— сказала она, — я вас не знаю!

— Вот так уже лучше,— откликнулся незнакомец, садясь на маленький стульчик возле ванны. — У нас достаточно времени, чтобы познакомиться. Я знаю, кто вы, и это главное!

— Месье,— перебила Соня Данидофф, теряя терпение,— я не знаю, шутите вы или говорите серьезно, но ведете себя вы отвратительно!

— Не отвратительно, а оригинально, княгиня. Думаю, если (а я захотел представиться вам в одном из тех домов, которые мы оба часто посещаем, то уверяю вас, вы бы просто не обратили на меня никакого внимания. А теперь вы запомните меня надолго.

По лицу княгини пробежало подобие смущенной улыбки.

Незнакомец уловил эту перемену настроения:

— Мне нравится, княгиня, что вы уже немножко мне доверяете. Ра

уже пять минут, как вы не пытаетесь позвонить или позвать кого-нибудь. Это уже прогресс. А кроме того, я плохо представляю, чтобы княгиня Соня Данидофф, жена камергера, шурина императора России, могла созвать в свои апартаменты всю гостиничную челядь и предстать перед нею обнаженной да еще в присутствии человека, которого она сама не знает!

Княгиня жестом выразила протест, но незнакомец не обратил на него внимания:

— Слух о таком чрезвычайном происшествии непременно дойдет до князя Данидофф.

— Но, скажите, как вы сюда вошли? — взмолилась с тревогой несчастная женщина.

— Вопрос не в этом,— ответил незнакомец.— Сейчас проблема — как мне выйти отсюда. Я вовсе не так неблаговоспитан, чтобы затянуть свой визит. Буду счастлив, если вы позволите повторить его в ближайший вечер.

— Это слишком!

Посетитель, ничуть не смущаясь, опустил руку в ванну и взял градусник, который плавал в ароматной воде.

— 30 градусов по Цельсию, — констатировал он.— Ваша ванна остывает, пора выходить, княгиня!..

Озадаченная княгиня не знала, плакать ей или смеяться. Кто этот человек? Ненормальный, дерзкий влюбленный смельчак, коварный соблазнитель?

— Подите прочь!

Незнакомец отрицательно покачал головой.

— Ради бога, сжальтесь над женщиной!

Незнакомец, казалось, задумался:

— Выйти отсюда трудно,— прошептал он.— Однако я не хочу, чтобы вы замерзли... А впрочем, княгиня, все просто. Вы ведь отлично знаете, где находится ваш пеньюар. Сейчас мы погасим свет. Вы оденетесь и сможете спокойно выйти из ванны.

Он направился к выключателю, чтобы погасить свет, но неожиданно вернулся к ванне.

— Я совсем забыл об этом несносном звонке. Не хочу, чтобы вы сгоряча нажали на кнопку, а потом сожалели об этом.

Он одним взмахом бритвы перерезал оба электрических провода.

— Вот и чудесно,— сказал он.— Тут еще два провода вдоль стены, не знаю, зачем они, куда они идут, но нужно быть осторожным, бережeного бог бережет...

Незнакомец снова достал свою бритву, но как только прикоснулся ею к проводам, посыпался сноп искр. Он отпрянул, выронив бритву.

— Черт возьми,— проворчал он.— Можете радоваться, мадам. Я обжег руку. Провода, видимо, от электрического освещения. Ну, ничего, вторая рука здорова.— Незнакомец направился к выключателю.

Стоя в ванне, Соня Данидофф описала вокруг себя рукой широкую

дугу, как бы нащупывая возможные препятствия, шагнула из ванны и наткнулась на стул, где лежал пеньюар. В лихорадочной спешке княгиня оделась, и решительно повернула выключатель.

Вспыхнул свет.

Незнакомца в ванной комнате не было.

Соня Данидофф вошла в спальню... Незнакомец был здесь.

— Не правда ли, княгиня, я очень галантен?

— Месье,— сказала Соня Данидофф,— ваша шутка затянулась. Вам следует уйти. Уходите!

— Таким тоном со мной не разговаривают. Но вас я прощаю, ведь вы не знаете меня и я забыл вам представиться. Простите мою рассеянность.

Княгиня Соня Данидофф почти не слушала странные разглагольствования незнакомца. Тревога вернулась к ней.

Между нею и загадочным посетителем стоял небольшой секретер, в котором княгиня держала маленький револьвер, инкрустированный перламутром. Соня Данидофф всегда брала его с собой, выходя из дома по вечерам. Она умело обращалась с этим оружием.

Будь револьвер в ее руках, собеседник был бы послушнее.

Кроме того, княгиня Соня помнила, что перед тем, как пойти в ванную, она положила в ящик секретера бумажник со 150 тысячами франков. Эти банкноты она сегодня утром взяла из кассы отеля, чтобы назавтра оплатить свои расходы. Соня Данидофф заметила, что ящик полуоткрыт, и подумала про себя, что ее загадочный посетитель, видимо, обыкновенный вор.

Незнакомец будто угадал мысли княгини:

— У вас, княгиня, есть один странный предмет, который редко встречается в дамских апартаментах!

Молодая женщина шагнула к секретеру, незнакомец опередил ее и завладел оружием.

Соня Данидофф была в ужасе, но мужчина успокоил ее:

— Не бойтесь, княгиня, ни за что на свете я не хотел бы покуситься на вашу жизнь. Я с большим удовольствием верну вам это оружие, но все же, позвольте, я его прежде обезврежу.

В одно мгновенье он ловко вынул шесть патронов из барабана, а затем галантно протянул княгине револьвер, сопроводив это ироничными словами:

— Не смейтесь над моей преувеличенной осторожностью. Несчастный случай может произойти так быстро!

Княгиня напрасно пыталась подойти к своему секретеру, чтобы проверить, цело ли содержимое ящика, но незнакомец все время мешал ей. Он улыбался и говорил любезности, но не оставлял без внимания ни одно движение Сони Данидофф.

Неожиданно он взглянул на часы:

— Два часа ночи! Княгиня, я так злоупотребляю вашим гостеприимством... Пора уходить!

И, будто не заметив вздоха облегчения, вырвавшегося из груди княгини, он продолжил театральным тоном:

— Я не уйду через окно, как любовник, через камин, как воришка, через потайной ход в стене, как грабитель из легенды. Я уйду, как галантный мужчина, через дверь!

Незнакомец сделал вид, что направляется к выходу, но неожиданно вернулся:

— А вы что собираетесь делать, княгиня? Мой вопрос нескромен, но я хочу знать. Вы сердитесь на меня? Вдруг, как только я выйду, вы, не думая о последствиях, позовете кого-нибудь!

Княгиня все еще инстинктивно смотрела в сторону секретера. Что же все-таки делать? Явно бумажника там уже нет:

— Ну вот,— воскликнул незнакомец, нарушая тишину и оторвав Соню Данидофф от размышлений,— где же моя голова? Простите, княгиня, я забыл представиться!

Он вынул из кармана визитную карточку:

— Потерпите, княгиня,— добавил он, приближаясь к секретеру.— Я положу свою карточку в этот ящик, который, кажется, специально полуоткрыт.

Княгиня вскрикнула от волнения.

— А теперь,— продолжал странный незнакомец, приближаясь к княгине,— а теперь как светская дама, вы не можете не проводить меня до выхода из ваших апартаментов...

И, изменив тон, властно приказал:

— Ни слова, ни жеста, ни звука до тех пор, пока я не выйду из отеля, иначе я убью вас!

Изо всех сил стараясь удержаться и не упасть в обморок под гипнотическим взглядом, княгиня Соня Данидофф направилась в прихожую. Не торопясь, повернула ключ в замке и открыла дверь. Незнакомец стремительно исчез за нею.

Соня Данидофф бегом вернулась в комнату, нажала сразу на кнопки всех звонков, какие были под рукой и, овладев собой, телефонировала портье:

— Меня обокрали. Пусть никого не выпускают из отеля!

Затем она нажала на кнопку сирены, которая завыла на всех этажах сразу,— ею пользовались только в самых экстренных случаях.

В коридоре послышались шум, голоса; княгиня поняла, что идут к ней на помощь. Она выбежала в прихожую и открыла дверь.

— Арестуйте его!.. Арестуйте его!..— кричала Соня Данидофф.

— Он только что ушел. Мужчина с черной бородой, в смокинге...

— Вы куда? Что случилось? — спросил портье, сидевший в холле рядом с выходом из отеля, когда какой-то парень вышел из лифта и подбежал к нему с криками:

— В доме вор! Он на той стороне!

— Не у вас? — поинтересовался консьерж.— А вы с какого этажа?

— С третьего...

— Похоже, кричат на четвертом,— сказал портье.— Поднимись, посмотри, что происходит.

Рыжеволосый крепкий парень с выбритым лицом вернулся в тот же лифт, на котором только что спустился.

Он поднялся на четвертый этаж, лифт остановился как раз напротив апартаментов Сони Данилофф. Княгиня стояла на пороге. Мюллер, ночной дежурный, старался ее успокоить. Княгиня машинально вертела в руках визитную карточку, оставленную странным посетителем взамен ее бумажника со 150 тысячами франков. На визитной карточке ничего не значилось.

Двое дежурных по этажу созывали слуг.

— Ну что? — спросил Мюллер, заметив рыжеволосого, выходившего из лифта, а поскольку лицо его было незнакомо, то поинтересовался: — А вы откуда?

— Я новичок с третьего этажа,— ответил рыжий.— Портье послал меня узнать, что здесь случилось.

— Черт побери,— выругался Мюллер,— княгиню обокрали...

— Пусть вызовут полицию...

— Я побегу, месье!

Спустившись в холл рыжий, теребя рукав портье, говорившего по телефону, крикнул:

— Откройте дверь, ради бога! Я бегу в комиссариат.

Портье поспешил выпустить его из отеля.

На шестом этаже раздавались возгласы изумления. Слуги, собравшиеся возле пустого лифта, с недоумением разглядывали в кабине разорванную одежду, фальшивую бороду и парик.

Ошеломленные горничные и слуга даже забыли, что в таких случаях следует вызывать старшего.

И когда пришел месье Луис, которому подчинялся обслуживающий персонал отеля, растерянные слуги толком не могли ничего ему объяснить. Наспех одетый, с трудом преодолевший лабиринты отеля, он только что поднялся на четвертый этаж. В толпе ошеломленных слуг появилась баронесса Ван ден Розен — одна из самых давних клиенток отеля — вдова в возрасте.

— Месье Луис,— простонала старая дама, рыдая.— У меня украли бриллиантовое ожерелье. Перед тем, как спуститься пообедать, я оставила его на столике в футляре.

Совершенно сбитый с толку месье Луис не знал, что ответить. В это время подбежал Мюллер.

— У княгини Сони Данидофф украли бумажник,— объявил он.— Я запер все двери отеля. Вора задержат. Я уверен!

Подошла и княгиня Соня Данидофф.

Сюда же подоспели горничные с шестого этажа. Они принесли одежду, фальшивые парик и бороду, обнаруженные в лифте. Месье Луис начал понимать: чрезвычайные события в отеле следуют одно за другим.

В это время Мюллер поинтересовался у него:

— Кто этот новенький с третьего этажа?

В конце коридора замаячила фигура мужчины неопределенного возраста с седыми бакенбардами и лысиной.

Месье Луис указал на него:

— Вот же он. Это Арнольд...

— Боже мой! — завопил Мюллер, догадываясь обо всем,— а тот рыжий парень?

— Какой рыжий? — переспросил месье Луис, не понимая вопроса. Но Мюллер уже не слышал, он стремглав бросился вниз, к выходу из отеля.

— Кто-нибудь выходил из здания? — обратился он к портье.

— Никто,— ответил тот,— кроме слуги с третьего этажа, которого вы послали к комиссару...

— Рыжий?

— Рыжий.

Княгиня Соня Данидофф лежала в глубоком кресле. Вокруг нее хлопотала Надин. Княгиня все еще держала в руке визитную карточку, оставленную загадочным вором, так ловко похитившим ее деньги.

Придя в себя, княгиня еще раз взглянула на визитку, ее лицо окаменело. На совершенно чистой карточке медленно проступали буквы:

«Фан...то...мас!»

XI

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ И ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Господин Фюзелье, судебный следователь, стоял посреди своего кабинета, который он занимал во Дворце правосудия, и старательно чистил шляпу.

Фюзелье имел странную привычку разговаривать сам с собой.

— Сегодня поработал на славу,— бормотал он,— правда, следствие вперед не продвинулось, но не по моей вине. Все идет пока правильно, но что делать дальше? Допрашивать свидетелей? Вряд ли добавят что-то новое к тому, что я уже знаю.

Он замолчал. В дверь кто-то тихонько постучал.

— Войдите,— сказал он.

Дверь приоткрылась, и Фюзелье, увидев посетителя, заулыбался:

— Дорогой Жюв, надо же! Какой счастливый случай.

— Господин Фюзелье, вы знаете насколько приятно мне ваше общество. С вами всегда интересно поговорить по делу. Вы, вероятно, уже сами догадались, почему я так давно не был у вас. Ваша проницательность уникальна.

— У вас много работы?

— Невероятно.

— Да,— согласился следователь,— сейчас трагедий и сенсаций хватает.

— Вы правы! Нынешний судебный год плохой для полиции. Дел много, а результатов мало.

Господин Фюзелье улыбнулся.

— Вы идеалист, мой дорогой Жюв! Вы мечтаете об экстраординарных расследованиях, о непредвиденных арестах, о впечатляющих успехах. Какого дьявола? Вашу репутацию уже ничто не испортит.

Жюв махнул рукой, как бы отрицая сказанное.

— Не знаю, в связи с чем вы это говорите,— сказал он.— Если вспомнить о деле Белтэма или Лангрюн, то, согласитесь, комплименты явно незаслуженны... Расследования зашли в тупик...

Фюзелье, опустившись в кресло, спросил:

— Ничего нового по таинственному убийству лорда Белтэма?

— Ничего, абсолютно ничего! Я сбит с толку...

— Да ну, мой дорогой Жюв, неужто вы жалуетесь? На самом деле жаловаться-то не на что. Ведь дело Белтэма проясняется, а дело Лангрюн практически закончено!

— Вы очень любезны, господин Фюзелье, ваши слова — преувеличение. К сожалению, в деле Белтэма никакой ясности.

— Но вы же нашли труп?

— Да, разумеется, но...

— Это же великолепно! Расскажите, как вы «вышли» на улицу Левер и на багаж Гурна?

— Очень просто, господин Фюзелье. Вы помните какой шум вызвало исчезновение лорда Белтэма?

— Конечно!

— Меня тогда вызвали в Сюрте. Черт возьми, я сразу понял, что нужно отбросить все версии о несчастном случае или самоубийстве. Следовательно, оставалось только одна — преступление...

— Но одного логического заключения мало.

— Но именно оно дало ключ к разгадке! Я был убежден, что совершено преступление. А поскольку не знал, кого подозревать, то подозревал всех, то есть всех, кто находился в каких-либо отношениях с лордом Белтэмом. Среди них оказался некий Гурн — англичанин, с которым лорд Белтэм познакомился еще в Трансваале во время войны. В жизни Гурна немало загадочного. Все это заставило меня навести о нем справки. Вот и все, господин Фюзелье!

Фюзелье одобрительно кивнул.

— Ваша скромность очаровательна, Жюв! — сказал он.

Жюв не согласился с комплиментами судебного следователя.

— Случай — мой помощник.

— Случай? — возразил, улыбаясь, Фюзелье.— А ваша интуиция, наблюдательность? Кто бы, кроме вас, догадался, что труп был забальзамирован?

Жюв опять запротестовал:

— Достаточно просто быть внимательным...
— Хорошо, не буду спорить, но блестящая догадка в деле Лангрюн?! Я знаю, вы были на судебном заседании в Каоре.
— Был и что?
— Каковы ваши впечатления?
— В каком смысле?
— Да... обо всем деле. О приговоре, о виновности Этьена Рамбера.
— Господин Фюзелье,— сказал Жюв,— не будь вы, я бы не стал отвечать на эти вопросы. Но наше давнее знакомство, ваше благорасположение ко мне дает мне право поделиться размышлениями с вами. Для меня дело Лангрюн только начинается.
— Вы считаете, что Шарль Рамбер не виновен?
— Я этого не говорю...
— Вы хотите сказать, что не отец убил его?
— Возможно.
— Объясните.
— Дело в том,— начал Жюв,— что преступление не выходит у меня из головы. Оно занимает все мои мысли. И у меня возникли идеи... почти невероятные.
На этом полицейский умолк. Молчал и следователь, ожидая продолжения рассказа. Первым не выдержал Фюзелье:
— Жюв, мне кажется, вы хотите впутать в убийство маркизы де Лангрюн Фантомаса.
Полицейский ответил в тон насмешке следователя:
— Допускаю.
— Черт возьми! — воскликнул Фюзелье,— Фантомас ваша идея фикс, ваш конек, ваше пугало!
— Точно!
Фюзелье перешел на серьезный тон:
— Хотите, Жюв, я скажу вам одну вещь?
— Прошу вас.
— Удивляюсь, мой дорогой Жюв, как это вы до сих пор не спросили меня о краже в «Руайль-Паласе»?
— Краже у княгини Сони Данидофф?
— Да... Ее совершил Фантомас!
— Фантомас? — усомнился Жюв.— Это как посмотреть!
— Согласен! — ответил Фюзелье.— Но была же визитная карточка с его именем?
— А я считаю, что в этом деле Фантомас не замешан.
— Почему?
— Мне трудно представить Фантомаса, оставляющего следы своего преступления. Это не в его правилах. Это равносильно тому, что он совершает кражи и убийства в фуражке с фирменной ленточкой типа «Фантомас и К°».
Фюзелье рассмеялся:
— Вы полагаете, Фантомас не может бросить вызов полиции и оставить вещественное доказательство своего существования?

— Господин Фюзелье, в своих размышлениях я всегда опираюсь на очевидное, а что такое история в «Руайаль-Паласе»?.. Обычная гостиничная кража, а воришка просто сообразил скрыться под именем Фантомаса, чтобы просто ввести всех в заблуждение.

— Нет, Жюв, вы ошибаетесь! Это не обычный гостиничный воришка: он сумел украсть ожерелье мадам Ван ден Розен и 150 тысяч франков в банкнотах у княгини Данидофф. Значительность суммы и дерзость кражи примечательны. Это не заурядный вор.

— Расскажите мне о краже подробнее, господин Фюзелье,— попросил Жюв.

Судебный следователь уселся за свой стол, заваленный документами, и подробно посвятил инспектора во все детали происшествия.

— Мне кажутся необычными переодевания преступника, его сообразительность в критической ситуации, когда портье помешал ему выйти сразу из отеля. Он не теряет голову, вызывает лифт и отправляет его на шестой этаж со сброшенной одеждой, а сам же является к Мюллеру и находит способ вырваться из отеля якобы за полицией. Человек, который не теряет хладнокровия и использует любые обстоятельства себе на пользу, такой человек, поверьте, может быть Фантомасом!

Жюв задумался:

— Нет,— сказал он,— меня удивляет не это. Так выйти из отеля мог бы в сущности ловкий вор... Мне кажется более замечательным способ который использовал преступник для того, чтобы не дать Соне Данидофф закричать в тот момент, когда он выходил из ее апартаментов. Вместо того, чтобы запереть ее в комнате, он заставил ее проводить себя до коридора, где любой крик мог оказаться для него роковым. А он был уверен, княгиня кричать не будет. Это великолепно!

— Вот видите! — заметил Фюзелье.— В этом есть удивительные детали. Впрочем, я сейчас вам скажу и о других подробностях. Как вы думаете, дорогой Жюв, почему этот вор так долго оставался в обществе княгини Данидофф? Для чего вообще вся эта сцена в ванне? Зачем нужно было изображать из себя влюбленного?

Жюв помолчал несколько минут.

— Для меня,— сказал он,— существует только один вывод, господин Фюзелье. Вы были на месте преступления. Скажите, как вы полагаете, где мог прятаться вор?

Фюзелье уверенно ответил:

— Это я установил довольно быстро. Вы знаете, что апартаменты мадам Данидофф заканчиваются туалетной комнатой. В ней несколько шкафов, ванная и душ. Что касается душа, то это конструкция от Норшера; душ дает не только вертикальные струи, но и горизонтальные. Вокруг душа на трубки, через которые бьют горизонтальные струи, сверху донизу натянута прорезиненная ткань. Эта ткань опускается до краев широкого плоского таза в основании всей конструкции. На эмали таза я обнаружил следы. Нет сомнения, что вор, когда княгиня Соня Данидофф входила в ванну, прятался в душевой кабине...

Жюв, не ожидая, пока станут известны другие подробности, подхватил:

— Душевая кабина находится в углу комнаты, не так ли? А окно в момент преступления было полуоткрыто.

— Прекрасно! Что же из этого следует?

— А следует то, что есть только один вариант объяснения поведения этого злобленного вора: он только что совершил кражу ожерелья у мадам Ван ден Розен, апартаменты которой смежны с теми, что занимает княгиня Соня Данидофф. По какой-то причине вор не смог выйти в коридор и решил перейти через апартаменты княгини Сони Данидофф. Он через окно у Ван ден Розен вылез на террасу и влез в окно туалетной комнаты княгини...

— И вы полагаете,— сказал Фюзелье,— что в этот момент в ванную вошла Надин, и вор вынужден был спрятаться?

— Нет, нет,— возразил Жюв,— не торопитесь, господин Фюзелье! Я думаю, что эта кража не была случайной. Она была задумана. Преступник спрятался в душе специально, чтобы [illegible] княгиню...

— Но зачем она ему?

— Конечно, я могу ошибаться; но [illegible] объяснение, которое мне кажется правдоподобным! Кража со[illegible] в [illegible] месяца. Мадам Соне Данидофф на следующий день пр[illegible] крупные платежи. Вор знал об этом. Он также знал о мерах предосторожности, которые принимает княгиня, когда в ее бумажнике [illegible] ценные бумаги. Но он не мог знать, где она прячет бумажник. О[illegible] княгиню, чтобы спросить ее об этом... и она ему это сказала!

На этот раз Фюзелье запротестовал:

— Черт возьми! Все это чересчур [illegible]. Но ведь княгиня не говорила о секретере.

Жюв поднялся и, опершись на стол господина Фюзелье, продолжил пояснения:

— Вор хотел унести бумажник, но не знал, где его взять... Он спрятался в душевой кабине и ждал, пока мадам Соня Данидофф ляжет в постель или будет принимать ванну, то есть будет обескуражена его появлением. Что и случилось. Княгиня направилась в ванну. Появляется вор, он угрожает, запугивает, потом, притворившись галантным кавалером, придумывает уловку с выключенным светом, чтобы не только успокоить княгиню, но и для того, чтобы перерыть ее одежду и убедиться, что в ее сумочке бумажника нет. Убежден, найди он бумажник в сумочке, он убежал бы без промедления, но он его не нашел. Тогда он задерживается в соседней комнате и самым естественным образом ожидает, пока княгиня выйдет из ванны. Он не знает, где деньги, поэтому пристально следит за каждым жестом княгини и замечает, что ее взгляд машинально устремляется к полуоткрытому ящику секретера. Он понимает тревогу своей жертвы, поворачивается на секунду спиной к княгине, опускает в ящик визитную карточку и вынимает бумажник. Теперь ему нужно только уйти.

— Я восхищен вами, Жюв! Я провел весь день, допрашивая прислугу из «Руайаль-Паласа», собирал показания мадам Ван ден Розен и ее... ии, но до такого не дошел. Я даже не взял под стражу ни Мюллера, ни Луиса.

— Вы правильно действовали, — перебил Жюв. — Есть еще один факт, о котором сообщила княгиня Соня Данидофф. Это то, что вор, перерезав электрические провода, получил сильный ожог ладони. Поэтому Мюллер и Луис могут быть соучастниками преступления.

— Разумеется!.. Во всяком случае, Жюв, вы помогли мне расставить все по местам. Браво! Браво!.. Жаль, что вы не верите во вмешательство Фантомаса!

Жюв, не отвечая на комплименты судебного следователя, вынул часы:

— Мы не зря потратили время, господин Фюзелье. Признаюсь, до сих пор я не придавал большого значения кражам в «Руайаль-Паласе». Наш разговор оказался очень полезен. Вы заинтересовали меня этим делом...

ОПЛЕУХА

Обед прислуги в «Руайаль-Паласе» подходил к концу.

В большой столовой, где собрался весь персонал, было очень оживленно.

Один из метрдотелей заявил, смеясь:

— Какие же они злые, эти богачи! Только что слышал, как за чашкой кофе беседовали герцог и герцогиня де Вэнжеле. Они утверждали, будто кражу ожерелья у Ван ден Розен благословил господь!

— А что они думают об ограблении княгини Данидофф? — продолжал метрдотель.— Герцог так объяснил все это своей жене: «Видишь ли, эти высокопоставленные русские дамы не внушают мне особого доверия. А эта история с ванной... Не удивлюсь, если виновных будут искать среди поклонников этой дамы!»

За соседним столом обсуждалась та же тема.

— Месье Вербье, — говорил господин Мюллер служащему лет сорока,— у вас, наверное, складывается неблагоприятное мнение о нашем отеле. Жаль, что вы покинули филиал в Каире и прибыли сюда именно в тот момент, когда произошло это печальное происшествие. Оно нанесло урон престижу «Руайаль-Паласа».

— Не думайте, что я уделяю слишком большое внимание таким вещам,— ответил Вербье.— Однако, если что меня и удивляет, так это то, что преступник не оставил никаких следов!

— Вы правы — на это обратил внимание и судебный следователь, допрашивая свидетелей.

— Он никого не подозревает?

Эта фраза вызвала улыбку у Луиса.

— Нет, — сказал он, — кое-кого он подозревает, и это не кто иной, как ваша очаровательная соседка мадемуазель Жанна!

Анри Вербье повернулся к кассирше.

— Судебный следователь хотел вас впутать в это дело? — воскликнул он.

— Ах, месье Луис говорит об этом, чтобы подразнить меня!

— Почему же судебный следователь вас так долго допрашивал?

— Об этом мы уже говорили не раз, месье Вербье. Вот эта история в двух словах: судебный следователь был очень удивлен двойным совпадением. Утром того дня, когда была совершена кража, я вручила княгине Даниловой бумажник со 150 тысячами исчезнувших потом франков, которые она несколько дней [illegible] мне на хранение, как обычно.

— Но, — заметил Анри Вербье, [illegible] судебного следователя?

Мадемуазель Жанна [illegible]

— Представьте себе, что Ван ден Розен [illegible] Мюллер — [illegible] бриллиантовое ожерелье [illegible] кража [illegible] мадемуазель Жанна [illegible] отказалась...

— Этот факт можно [illegible] кассирше. [illegible] Вербье

Она положила свою [illegible]

— Нет, [illegible]

[illegible] что можно подумать [illegible] Вербье, Ван ден Розен, чтобы [illegible]

— Уверяю вас, мадемуазель [illegible] теля, — вмешался [illegible]

Не обращая внимания на его слова, молодая женщина объяснила Анри Вербье:

— В действительности [illegible] я [illegible] на хранение у клиентов и выдаю их [illegible] часа вечера, только до девяти часов. После этого моя работа заканчивается. Вы знаете, когда занимаешь такую должность [illegible]. Итак, когда в день кражи мадам Розен пришла со своим бриллиантовым ожерельем в половине десятого, я имела полное право отказать ей.

— Да, дорогая Жанна, — ответил господин Мюллер, — но вам недостало любезности.

— Возможно, — сказала молодая женщина, — но раз есть правило, надо ему следовать.

...Едва мадемуазель Жанна успела войти в комнату, которую она занимала на шестом этаже под самой крышей, и, открыв окно, облокотилась о подоконник, как в дверь постучали.

Это был господин Анри Вербье.

— Моя комната находится по соседству с вашей,— сказал он.— Заметив вас у окна, я подумал: может быть, вы пожелаете выкурить египетскую сигарету? Я привез их из Каира. Это очень легкий табак, настоящий дамский табак.

— Как мило, что вы обо мне подумали. Я обычно не курю, разве что иногда поддаюсь искушению...

— Раз я поступил так мило, вам совсем несложно будет отблагодарить меня за это. Позвольте несколько минут провести в вашем обществе.

— Что ж, прошу вас. По вечерам перед сном я люблю постоять у окна и подышать воздухом. Вы не дадите мне скучать и немного расскажете о Каире.

Анри Вербье улыбнулся и [illegible] значительно посмотрел на молодую женщину:

— Вы не находите, мадемуазель Жанна, что в такие летние вечера, как этот, порой чувствуешь [illegible], как не хватает рядом любящего сердца!

Кассирша посмотрела на него с иронией.

— Это все глупости,— сказала [illegible].— Любовь — вздор, и ее нужно опасаться как роковой ошибки.

Анри Вербье попытался протестовать:

— Нет, любовь не вздор, это [illegible], что может согреть душу. Кто любит, тот богат! Допустим, мы с вами влюблены друг в друга...

Поскольку мадемуазель Жанна молчала, Вербье взял ее за руку.

— Вот я возьму ваши маленькие пальчики в свои... нежно их поглажу... поцелую.

Молодая женщина отстранилась.

— Оставьте меня. Я честная девушка, месье Вербье!

— Неужели вы полагаете, что я думаю иначе? Но разве в такой прекрасный вечер запрещено вкусить радость поцелуя?

И Анри Вербье наклонился к девушке, чтобы обнять ее за талию и поцеловать в затылок...

— Прошу вас, оставьте меня! — произнесла она и отошла от окна вглубь комнаты. Анри Вербье обиженно произнес:

— Боже мой! Какая вы злюка! Почему вы отталкиваете меня?

Он коснулся руки Жанны и попытался ее обнять, как вдруг она выскользнула из его объятий и, размахнувшись, ударила его в висок. Анри Вербье со стоном рухнул на пол, лишившись чувств.

Мадемуазель Жанна с минуту смотрела на него, потом подбежала к окну и закрыла его.

Минуты через две она прошла мимо портье и с улыбкой сказала:

— До скорой встречи! Я немного прогуляюсь!

Очнувшись после непродолжительного обморока и не понимая, что произошло, Анри Вербье медленно поднялся и, осмотрев комнату, заметил, что окно закрыто.

Ничего? [illegible]

И словно звук собственного голоса окончательно вернул его к жизни, Вербе выпрямился, подошел к двери и подергал за ручку.

— Закрыто, черт возьми!

Он было направился к окну, чтобы позвать на помощь, но проходя мимо зеркала, стоявшего на камине, с[illegible]ружил на виске рану, из которой сочилась тонкая струйка крови.

— Хоть я и Жюв, — прои[illegible] он.— а [illegible] же[illegible] сд[illegible]ить себя. Сжав кулаки и заскрипев зубами в при[illegible] гнева, Жюв,— а это был знаменитый полицейский, переод[illegible] и [illegible]льно загри[illegible]ованный,— еще раз в[illegible]:

— Черт возьми, эта оплеуха [illegible]!

XIII

БУДУ[illegible] [illegible]РЕЗЫ

Этьен Рамбер и его гость ба[illegible]сь в курительной комнате особ[illegible]ка на улице [illegible].

Было десять часов вечера

Расхаживая по комнате, Эт[illegible] с финансистом возможности помещения ка[illegible]тала.

— Очевидно,— говорил он,— [illegible]хозяйственного союза должны подняться, а наши фра[illegible] обременены такими налогами...

— Но это судьба всех ценных б[illegible], ответил господин Барби.

— Мой дорогой Барби, а что вы ду[illegible]те о медных рудниках Урала?

— Вас привлекают эти акции?

Рамбер остановился, допил шампан[illegible] из маленького бокала, посмотрел на банкира и сказал:

— Всем этим я непосредственно не занимаюсь и имею отношение только как управляющий. Так что интересует меня все это лишь отчасти.

— Я восхищен вашим темпераментом,— воскликнул господин Барби,— темпераментом борца! Не скрою, даже если бы я не был вашим банкиром, то все равно я только вам доверил бы свой план.

— Вы что-то придумали, Барби?

— Довольно щекотливый вопрос, но вы поймете меня, когда все узнаете. Я сжигаю все мосты. Дело, о котором пойдет речь, не обычная спекуляция. Мне хотелось бы увеличить капитал акционерного общества в моем банке и тем самым повысить его акции.

— Вы правы, Барби! Но нужно более четко формулировать вопрос и уточнить вашу ситуацию... Даже если мы не заключим соглашение, дорогой Барби, сведения, которые вы мне предоставите, я буду рассматривать как конфиденциальные. Обычно я веду свои дела быстро, по-

американски, в принципе в[illegible]ше предложение меня устраивает. Но я хотел бы быть вашим единственным компаньоном.

— Вы знаете размеры моего состояния, вернее, считаете, что знаете и спрашиваете, где я во[illegible]му 20 миллионов, которые нужны для увеличения капитала. Успокойтесь, они у меня есть. В последние два года в Колумбии на моих плантациях был очень хороший урожай. Не скрою, я внимательно следил за операциями вашего банка.

— Они не являются тайной для вас, совсем напротив, мой дорогой месье Рамбер. [illegible] дорогой компаньон,— объявил, вставая, господин Барби и [illegible] на камин, где стояли часы.

— Без двадцати [illegible] Барби, [illegible] произнес Рамбер, догадавшись о его намерении [illegible] вашей привычке рано ложиться. Обо[illegible] Барби. Вы свободны...

Тяжелая дверь [illegible]

Проводив гостя [illegible], вместо того, чтобы вернуться в курительную комнату, [illegible] вестибюль в салон.

В мягком свете [illegible] белокурую головку Терезы Овернуа. Девушка была увлечена чтением.

Услышав шаги Этьена Р[illegible], отложив книгу, сделала грациозный реверанс:

— Я уверена, дорогой господин [illegible], что вы поздно ложитесь из-за меня... Ведь я живу у баронессы де Вибре, моей доброй крестной! А она часто возвращается поздно.

После драмы, из-за которой опустел замок Больё, узы дружбы, связывающие близких маркизы де Лангрюн, еще более укрепились. Баронесса де Вибре никак не могла успокоиться, что на семейном совете не ее назначили опекуншей несчастной Терезы Овернуа.

Баронесса обосновалась в поместье Корель вместе с Терезой, которую нельзя было оставлять в замке Больё одну, наедине с ужасными воспоминаниями. Отзывчивая по природе, баронесса взяла к себе на службу и управляющего Доллона с семьей.

Время, которое сглаживает все, делало свое дело. И баронесса, которую манил сезон парижских праздников и которой друзья слали настойчивые приглашения, поколебавшись, решила поехать с Терезой в Париж. И вот уже месяц они жили в Париже.

Баронесса де Вибре сначала объявила, что не будет выезжать, что намерена нанести лишь несколько необходимых визитов, но затем, мало-помалу, уступила требованиям светской жизни.

К счастью, в Париже был Этьен Рамбер, и баронесса каждый раз, когда обедала в городе, привозила Терезу к нему.

— Я ничего плохого не хочу сказать о моей дорогой крестной, она такая светская, такая деятельная, такая веселая...— вздохнула Тереза, оглядев комнату, которую любила и строгая обстановка которой была ей так по душе.

В порыве искренней нежности Тереза Овернуа обвила руками шею Рамбера и прошептала:

— Я так бы хотела остаться с вами!

Этьен Рамбер мягко освободился из объятий девушки, подвел ее к канапе и сел рядом.

Я бы тоже очень хотел, чтобы ты осталась со мной, но, к сожалению, это невозможно, нужно считаться с мнением света. Молодой девушке неприлично жить в доме одинокого мужчины

Но почему же? — спросила удивленная Тереза - Ведь вас можно принять за моего отца.

При слове «отец» Этьен Рамбер помрачнел

Простите меня...— прошептала девушка.

Тереза, не забывай, что я не твой отец, я отец того, кто...

Тереза поспешила переменить тему разговора

Когда мы уезжали из поместья Кэрель, председатель Бонна сказал мне, чтобы я спросила вас, дорогой месье Рамбер, о моем финансовом состоянии. Кажется,— улыбнулась девушка,— оно не блестяще?

Рамбер сделал неопределенный жест, значение которого Тереза поняла. Она беззаботно, как это могут [illegible] существа, воскликнула:

— Но я не сдамся... Вокруг много [illegible] которые трудятся, я буду мужественной, буду работать. А что, если мне стать учительницей?

Рамбер задумчиво посмотрел на [illegible]

— Моя дорогая малышка, [illegible] так я у тебя возвышенная душа, как ты серьезна [illegible] Я мало думал о твоем будущем... Конечно, через [illegible] найдется достойный молодой человек, честный, бо[illegible] на тебе

Тереза покраснела

— Это естественно, настаивал Рамбер.— А пока тебе нет нужды зарабатывать на жизнь. Но [illegible] у баронессы де Вибре.

— Я это хорошо чувствовала [illegible] согласилась Тереза.

Рамбер улыбнулся

— Мне пришла в голову одна идея. Уже долгие годы я состою в прекрасных отношениях с одной великосветской дамой, принадлежащей к верхушке английского общества. Может быть, ты уже слышала ее имя? Это леди Белтэм.

Тереза от удивления широко раскрыла глаза

Рамбер продолжал

— Несколько месяцев назад леди Белтэм овдовела. Ее муж погиб при странных обстоятельствах. С тех пор эта благородная дама, безгранично богатая, занимается филантропической деятельностью. Она мне доверяет, я веду ее финансовые дела. У нее в доме много друзей, родственников. Молодые англичанки не просто компаньонки, но и секретарши. Они уже принадлежат к высшему обществу, большей частью это дочери влиятельных английских вельмож. Думаю, леди Белтэм согласится взять тебя, моя маленькая Тереза, в число своих компаньонок, и я уверен, что ты попадешь в хорошее общество...

— Дорогой месье Рамбер,— прошептала взволнованная Тереза.— Представьте меня леди Белтэм. Я буду так рада!

XIV

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЖАННА

Покинув «Руайаль-Палас», мадемуазель Жанна свернула в сторону улицы Тильзит и направилась к Триумфальной арке. Она была огорчена, что поступила столь опрометчиво. Надо было решать, что делать дальше...

Но приступ слабости длился недолго. Она быстро добралась до вокзала и спросила:

— В котором часу отправляется поезд в Сен-Лазар?

— Через несколько минут,— ответил служащий,— поторопитесь.

Мадемуазель Жанна взяла билет и заняла свое место в вагоне.

В полночь она сошла в Курсель. Вышла на маленькой пустынной площади, которая соединяла бульвары Перейра — Северный и Южный. Девушка уверенно направилась на улицу Эжена Флаша.

Слуга доложил господину Рамберу:

— К вам дама.

Чтобы баронессе де Вибре не пришлось ожидать в прихожей, господин Рамбер приказал:

— Просите, просите!

Дверь салона приоткрылась и кто-то проскользнул внутрь в полутьме. Тереза устремилась было навстречу посетительнице, но остановилась, не узнавая крестную.

Этьен Рамбер повернулся и внимательно посмотрел на незнакомку.

— С кем имею честь?

Но приблизившись к посетительнице, прошептал:

— Боже мой!

Раздался второй звонок.

На сей раз это была баронесса де Вибре, вся сияющая от радости:

— Как я поздно сегодня!

Она направилась к господину Рамберу, бросила на Терезу взгляд, полный любви, видимо собираясь сообщить им что-то приятное. Но в углу гостиной она заметила незнакому, которая стояла, опустив глаза.

Этьен Рамбер, стараясь скрыть волнение, улыбнулся баронессе и направился к загадочной личности. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Мадам,— предложил он,— соблаговолите пройти в мой кабинет!

— Месье Рамбер,— спросила Тереза, когда тот вернулся,— кто эта женщина?

Рамбер принужденно улыбнулся:

— Я немного устал, дорогое дитя, много работал в последние дни.

Баронесса де Вибре перебила его.

— Это моя вина,— извинилась [illegible]

[illegible] Я очень огорчена [illegible]

Проводив дам, Рамбер поспешил в свой кабинет, запер дверь на два оборота и, сжав кулаки, бросился к незнакомке с горящими от негодования глазами:

— Шарль! — воскликнул он.

— Отец! Я больше не хочу, не могу изображать женщину. С этим покончено. Это выше моих сил.

— Но так нужно, я приказываю тебе, — перебил Рамбер повелительным тоном.

«Мадемуазель Жанна» не без затруднений избавилась от тяжелого парика, быстро освободилась от сжимавшего грудь корсета. Под рубашкой обнаружилось сильное, мускулистое тело молодого человека, и загадочный персонаж, которого Этьен Рамбер назвал Шарлем, сказал:

— Нет! Я не могу, отец, и будь что будет!

— Ты должен искупить вину, — настаивал Этьен Рамбер.

— Наказание слишком жестокое, — ответил молодой человек.— Это невыносимая пытка.

— Шарль,— повысил голос господин Рамбер,— разве ты забыл, что для других ты мертв?

— О! — воскликнул несчастный. — [illegible] раз я был готов предпочесть смерть, настоящую смерть.

Этьен Рамбер подошел к дивану, [illegible] сидел его удрученный сын.

— Увы,— быстро проговорил он, словно боясь не успеть за мыслями,— увы! Я считал тебя более неуравновешенным, более слабым, чем ты оказался! Я спас тебя, хотя сильно [illegible]. Я считал, что имею дело с больным человеком...

— Отец,— Шарль посмотрел на Рамбера-старшего взглядом, исполненным такой суровости и силы воли, что Этьену Рамберу на секунду даже стало страшно,— прежде всего я хочу знать, каким образом вы меня спасли и выдали за мертвого? Помог случай или вы заранее все предусмотрели?

Этьен Рамбер воздел руки к небу.

— Увы, дитя мое, разве можно о подобных вещах думать заранее? Когда мы расстались, то случай, слышишь, именно случай, помог обнаружить труп утопленника, и я решил его выдать за тебя, а тебе добыл эту женскую одежду...

— А что вы сделали потом?

— Я закопал одежду мертвеца, а твою надел на него. Провидение иногда... Шарль, представь, как я страдал! Ты ведь читал о суде, о том, какой позор мне пришлось пережить.

— Мой бедный отец, бедный отец, какой рок!

— Рок! — повторил Этьен Рамбер.

— Отец, поверьте, я не убивал маркизу де Лангрюн, вы должны мне верить!

— Ты пришел только затем, чтобы мне сказать это?

— [illegible] не могу больше оставаться женщиной!

[illegible] Почему?

— Не могу, говорю же вам...

Казалось, Рамбер-старший догадался о смысле слов, которые тол, что произнес его сын.

— А! — воскликнул он. — Кажется, я все понял! Ведь в «Руайаль-Паласе», где мадемуазель Жанна числится в доверенных лицах, произошли две дерзкие кражи. Конечно, — с иронией продолжал он, — к тому, кто сумеет отождествить Шарля Рамбера с этой странной кассиршей...

— Я не украл!

— Ты украл! Я читал в газетах об этих кражах, читал о них с тревогой, которую должен испытывать [illegible] такого сына, как ты... Я прочитал и понял, потому что знаю [illegible].

— Отец! — [illegible] отчаянии. — Я не крал... Я ни за что. Или вы начнете опять, как [illegible], делать ужасные намеки? Какой злой гений вас направляет? [illegible] хотите во что бы то ни стало сделать из вашего сына прес[illegible].

Этьен Рамбер пожал [illegible].

— Твоя система защиты [illegible] детски. Что значит отрицание без доказательства? В словах [illegible]. Нужны факты.

Отчаявшись убедить отца в своей невиновности, молодой человек молчал.

— Раз ты пришел сюда, прибег ко мне, как к последней надежде, значит произошло то, чего я не знаю. Что ты натворил? — спросил его отец. — Говори!

Шарль Рамбер сделал попытку объясниться:

— Несколько дней назад в отеле появился полицейский, скрывавшийся под именем Анри Вербье. Но я его узнал. Я видел этого человека в момент, который никогда не изгладится из моей памяти...

— Что ты хочешь сказать? — взволновался Этьен.

— Я хочу сказать, что в «Руайаль-Паласе» был Жюв.

— Жюв? Продолжай!

— Жюв в одежде Анри Вербье учинил мне строгий допрос, и не знаю, какие он сделал выводы... Вечером, часа два назад, он поднялся в мою комнату, говорил со мной, а потом пытался ухаживать. Жюв приблизился ко мне, я ударил его в висок, он упал, а мне пришлось бежать...

— Он мертв? — спросил Этьен Рамбер.

— Не знаю!

...Шарль Рамбер, оставшись один в кабинете, глубоко задумался.

Дверь открылась, вернулся Этьен Рамбер. Он принес сверток с одеждой.

— Вот мужская одежда, — прошептал он. Одевайся и исчезай...

XV
ЗАГОВОР БЕЗУМНОЙ

Жорж Самбадель небрежно выбил пепел на мраморную полку камина и произнес:

— Да, Перрэ, когда я раньше стажировался в больнице, повседневная пища дежурных была лучше, хотя давали такие же порции.

Перрэ возразил:

— Жратва в больнице хорошая. Больным разве что не пьют шампанское!..

... Когда доктор Бирон построил в Пасси свою больницу для душевнобольных, он добился для нее [illegible] муниципального учреждения и приглашал на дежурства [illegible].

Все ему удавалось, его учреждение [illegible].

Самбадель, повернувшись к Перрэ, [illegible]:

— Будем надеяться, что [illegible].

Моя мечта — работать [illegible] работаем за заранее оговоренную плату. Какого черта [illegible] доктора медицины! И, если мы согласились на эту работу, [illegible] чтобы иметь возможность продолжать наши собственные [illegible].

— Кто же тебе мешает?

— А где взять время? Пойми же, что мы с тобой вынуждены смотреть за больными, ухаживать за ними, успокаивать их, приходится еще заполнять бумаги.

— Подумаешь, — ответил Перрэ, — ведь это — пустяки!

— Да, в твоих наблюдениях о страдающих бредом я хотел бы отметить специфический случай под номером 25. Рамбер, сорок лет... Мания преследования. Рекомендуемое лечение: отдых, усиленное питание. Как она сейчас?

— Старик, когда ее передали в наше ведение, диагноз был тяжелый, прогноз ужасный... Неизлечимая. Сейчас она в хорошем состоянии.

— Как она реагирует?

— Неплохо. Реминисценции преследования, но нет бредового воображения. Воспоминания о кризах, но приступы не повторяются. Это мозг, который поправляется, женщина, которая рождается заново...

Перрэ подошел к столу, взял почтовую бумагу и сказал товарищу:

— Забавно, не так ли? Не так уж много больных, страдающих манией преследования, которые возвращаются к нормальной жизни. Знаешь, утром я напишу об этом ее мужу господину Рамберу, чтобы напомнить ему о моем предыдущем письме, которое, наверное, не дошло, ведь я не получил ответа... Я написал ему, что его жена выздоравливает, чтобы получить разрешение перевести мадам в другой флигель. Захо-

чет ли Этьен Рамбер взять ее отсюда? А потом наш директор будет не в духе целую неделю.

Самбадель заметил:

— Этот тип лечит безумных, а когда они выздоравливают, он приходит в отчаяние! — и погрузился в бумаги. Тишину нарушал лишь скрип пера.

Вошедший санитар бросил на стол объемистую пачку писем.

— Утренняя почта, — сказал он.

Перрэ отодвинул лист, на котором записывал свои наблюдения, и просмотрел корреспонденцию.

Потом повернулся к Самбаделю:

— Ни одного личного письма, — сказал он, отвечая на немой вопрос своего товарища. — Дорогой мой, тебе нужно расстаться с надеждой. Сегодня ты уже не получишь сиреневый конверт, который ждешь каждый день.

— Сегодня нет времени [illegible] плохое настроение. Ведь к нам приезжает Свелдинг.

— Датский профессор? Сегодня утром?

— Кажется.

— Кто же он такой?

— Один из тех ученых, кому удалось стать знаменитым у себя на родине.

— Ну, мадемуазель Люси! — крикнул Перрэ, — уберите-ка этот таз с бельем, черт возьми! Сегодня ведь официальный визит.

— Этот профессор мог бы и не приезжать, — проворчала санитарка.

— Дьявол! Мадемуазель Берта, может быть, вы займетесь своими лентами в другой день...

Потом досталось санитару:

— Что вы тут слоняетесь, Жан? Бросьте-ка мне сигарету. Вот лентяй!

Дежурные наводили порядок, когда Бирон вошел вместе с профессором Свелдингом.

— Я безмерно счастлив, дорогой мэтр, — говорил директор больницы, — что вы оказали мне такую честь своим посещением.

Доктор Бирон в свои сорок лет был атлетически сложен, быстр и подвижен. Приветственную тираду в адрес профессора Свелдинга он произнес слащавым голосом.

Профессор Свелдинг выглядел довольно странно.

Ему было около шестидесяти, но он двигался легко, у него были длинные седые вьющиеся волосы.

— Поверьте, — ответил он, — для меня счастливый случай — знакомство с опытом такого ученого, как вы.

— Не желаете осмотреть все наши службы? — предложил Бирон.

Профессор Свелдинг охотно согласился, и доктор Бирон повел его на территорию лечебницы.

Доктор показывал расположение всех лечебных помещений[illegible]

Видите, господин профессор, я придерживаюсь теории изоляции: вместо того, чтобы строить одно общее здание, я возвел несколько флигелей. Мои пациенты размещаются на расстоянии друг от друга: маньяки отдельно от слабоумных, тихие — от буйных...

Профессор Свелдинг одобрил:

— Мы в Дании тоже придерживаемся метода изоляции, но не продвинулись еще так далеко. Я вижу возле каждого флигеля свой сад?

— Это необходимо! — ответил доктор Бирон и повел гостя к одному из таких садиков, в котором какой-то мужчина лет пятидесяти прогуливался в сопровождении двух санитарок.

— Обратите внимание, — сказал доктор, — вот больной, страдающий манией величия...

Пациента подвели к профессору, и доктор Бирон спросил его:

— Ну, дорогой друг, как ваши дела? Вы уже побеседовали со святым Петром?

Сумасшедший удивленно посмотрел на доктора:

— О чем я должен был беседовать со своим привратником? — ответил он.

— Какое лечение вы назначаете в таком случае? — спросил профессор Свелдинг. — Изоляции недостаточно [illegible]

— Я применяю другой метод, — ответил доктор Бирон. — Больному предписана гигиена, усиленное питание, отдых, покой; никто не противоречит ему. Этот больной считает себя богом. Всегда, господин профессор, в мозгу больного есть очаг здравого смысла... Этот человек считает себя богом, но когда [illegible], он требует еды, хотя он Бог... Таким образом, я пытаюсь [illegible] его внимание на эту выдумку. Мало-помалу я восстанавливаю его разум.

— У вас много случаев выздоровления?

— Трудно сказать, ведь статистика не отражает разные категории заболеваний. Ну, возьмем, к примеру, манию преследования. Какова доля успеха? Двадцать процентов — окончательное выздоровление, сорок — некоторое улучшение...

Профессор Свелдинг был восхищен такими результатами. Директор сказал:

— Думаю, мы не будем заходить в отделение буйных. Вы слышите, как они кричат? Я хочу показать вам одну больную, которая через несколько дней возвращается в свою семью. Я считаю, что она полностью выздоровела.

— Это мадам Алиса Рамбер, — сказал доктор Бирон. — Она лечится у меня уже десять месяцев. Сейчас эта женщина больше не сумасшедшая.

— И нет больше рецидивов?

— Никаких.

— Даже при сильном волнении?

[illegible]

Доктор Бирон провел гостя к пациентке.

— Мадам Рамбер, — сказал он. — Позвольте мне представить [illegible]

профессора Свелдинга, который пришел засвидетельствовать вам свое почтение.

Мадам Рамбер встала:

— Я очень рада, — сказала она, — познакомиться с месье. Но мне хотелось бы знать, дорогой директор, откуда он меня знает?

— Бог мой, мадам, — сказал профессор, опережая Бирона, — я вас совсем не знаю, по правде говоря, но мне хотелось бы поговорить о докторе Бироне. Ведь вы можете сказать о нем много хорошего.

— Во всяком случае, доктор заботится о том, чтобы больные не скучали, когда приводит к ним неожиданных посетителей...

— Я слышу упрек, мадам, — учтиво произнес профессор Свелдинг. — Вы считаете мои визиты докучными?

Мадам Рамбер подняла с колен свое вышивание и принялась за работу. Вдруг она стремительно встала, так что профессору пришлось отступить на несколько шагов, и воскликнула:

— Кто меня зовет? Кто?

— Не волнуйтесь... — начал профессор.

Больная прервала его:

— Вы слышите? ...меня зовут: «Алиса! Алиса!» Его голос!.. Его голос!.. Уходите!.. Уходите отсюда! Я его боюсь... На помощь!.. На помощь!..

И с криком она побежала по дорожке сада. Санитарка и доктор Бирон бросились за ней...

Но она убегала от них с криками:

— О! Я его узнала! Уходите... Убийца!..

Санитарка успокаивала доктора:

— Не беспокойтесь! Визит этого господина, очевидно, подействовал на нее...

Больная отступила за куст бересклета и, указывая на профессора Свелдинга, повторяла, дрожа всем телом:

— Фантомас! Фантомас! Он здесь! Я его знаю! Он охотится за мной все время! Чудовище!

Доктор Бирон приказал:

— Берта, уведите мадам Рамбер в ее комнату, присмотрите за ней, пусть она отдохнет. И сразу же пошлите за господином Перрэ.

Повернувшись к профессору Свелдингу, он сказал:

— Я очень огорчен, господин профессор, этим инцидентом, который доказывает, что выздоровление этой несчастной еще не так очевидно, как я думал раньше!

Профессор Свелдинг успокаивал директора:

— Какая грустная вещь — хрупкость психики. И вот яркий тому пример: эта несчастная, которую вы считали здоровой, только что пережила кризис и чем он был вызван? Великий Боже! Ведь ни вы, ни я, мне кажется, не похожи на убийцу?

— Вам уже лучше, мадам? — спросила санитарка Берта, обращаясь к мадам Рамбер. — Вы будете умницей?

Больная в унынии пожала плечами:

— Берта! Если бы вы знали, как я несчастна, – сказала она. — Я сожалею о том, что произошло.

— Ну что вы! Господин директор не придает этому большого значения!

Больная устало улыбнулась.

– Да, нет, я так не думаю.

— Мадам, вы же знаете, что он написал вашему мужу о вашем выздоровлении.

— Скажите мне, Берта, что вы подразумеваете под этими словами: «Я выздоровела»?

– Но, – ответила озабоченная санитарка, – я хочу сказать, что вам уже лучше...

Мадам Рамбер с горечью улыбнулась.

— Да, – согласилась она [illegible] мне уже лучше. Но не об этом я хотела погово[illegible] о [illegible] болезни?

Санитарка проворчала

— Не нужно об этом думать... Вы не больше больны, чем я!

— Да я знаю, – ответила [illegible] Разве с тех пор, как вы за мной ухаживаете [illegible] и говорю что-то совершенно безрассудное?

— Нет! Но...

— Я ведь говорила вам о том, — заключила мадам Рамбер, — что я жертва ужасной драмы [illegible]

— Ну, ну, не надо волноваться [illegible] Барон считает, что вы поправились. Скоро вы покинете лечебницу и вернетесь к вашей обычной жизни.

Мадам Рамбер заломила руки:

— Ах, Берта, — сказала она, — если бы вы только знали!

— О чем?

— Что, если я покину лечебницу и меня отправят к моей семье, через два дня я окажусь в другой больнице!

Санитарка запротестовала:

— Ну, это вы уже выдумываете.

— Нет, — ответила больная.

Затем она схватила санитарку за руку:

— Послушайте, Берта, я здесь вот уже десять месяцев, и в течение всего этого времени я ни разу не протестовала против того, что я больна. Можно сказать, что я была даже счастлива в этом доме. Здесь я чувствовала себя в безопасности!

— Но отныне все изменилось!

— Мне нужно уехать, но не для того, чтобы вернуться к себе домой, к мужу! Берта, вы знаете, что я богата? Разве вы не хотите обеспечить свою судьбу? Я слышала, как вы разговаривали с другими санитарками о том, что хотите выйти замуж, хотите иметь приданое, не бойтесь потерять это место, верьте мне, я вам верну сторицей, но только позвольте мне уехать. Помогите мне бежать отсюда!

Санитарка хотела убежать, но больная удерживала ее почти силой.

— Скажите, сколько вы хотите? — спросила она. — 30 тысяч франков? 40 тысяч?

И поскольку санитарка молчала, мадам Рамбер сняла со своего пальца бриллиантовое кольцо и протянула молодой женщине:

— Возьмите это как доказательство моей искренности, — сказала она. — Если меня о нем спросят, скажу, что потеряла... И, начиная с сегодняшнего дня, Берта, готовьте мой побег!

Берта поднялась, покачиваясь, не соображая, снится ей все или происходит на самом деле.

— Стать богатой! — сказала она. — Стать богатой!

XVI

У ГРУЗЧИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО РЫНКА

— Где же вам выходить, дамочка? — спросила вагоновожатая трамвая, следующего по маршруту Этуаль — Ла Вилетт. Громыхая прицепным вагоном, трамвай отправился в сторону авеню Ваграм.

Берта, молодая санитарка из психиатрической лечебницы, ответила:

— Я выхожу на бульваре Рош-шуар.

— Тогда через две остановки!

Через триста метров, у площади Анвер, Берта вышла.

Быстро сориентировавшись в этом квартале, девушка пошла по улице Клиньянкур мимо многочисленных лавок. В одной из них торговали вином.

Берта приоткрыла дверь: у оцинкованного прилавка толпились мужчины, громко переговариваясь.

Оробев, девушка остановилась на пороге и звонким голосом спросила:

— Месье Жофруа. Месье Жофруа по прозвищу «Бочка»...

— Жофруа по прозвищу «Бочка» — это я!

Берта с облегчением вздохнула. Увидев мадемуазель Берту, Жофруа подошел к ней и без церемонии расцеловал в обе щеки:

— Подумать только, сестрица, вот и ты! А я только что думал о тебе, — он повел ее вглубь помещения к группе крепких широкоплечих парней и представил:

— Друзья, постарайтесь вести себя прилично. Знакомьтесь. Это моя сестра Берта... или Бобинетта, как называли мы ее в детстве...

Парни освободили девушке место, и когда она согласилась выпить стакан белого вина, Жофруа, наклонившись к ней, спросил вполголоса:

— Тебе что-нибудь нужно?

— Я хочу с тобой поговорить об одном деле, которое, я уверена, тебя заинтересует.

— Дело касается монет?

Берта улыбнулась:

— Естественно, иначе я бы тебя не побеспокоила.

— Когда речь идет о деньгах, — ответил Жофруа, — всегда можно обращаться ко мне, «Бочка» всегда готов...

— Ты сейчас ищешь место? — спросила Берта.

— Да, я претендую на место грузчика Центрального рынка.

Уже две недели он готовился, чтобы успешно выдержать испытание. Жофруа по прозвищу «Бочка» объяснил:

— Чтобы поступить на службу, мы должны, так и все другие, сдавать экзамены, и есть одна проблема...

— Проблема?

— Да, — ответил Жофруа по прозвищу «Бочка», очень довольный тем впечатлением, которое он произвел на свою молодую сестру.

— Придется решать задачи, прямо как в школе: «Из двух кранов в бассейн наливается вода со скоростью 2[illegible] литров в минуту, а из третьего крана вода выливается со скоростью 1500 литров в час. За сколько времени наполнится бассейн?»

Один из друзей Жофруа перебил его. Это был Бенуа по прозвищу «Лабазник», самый опасный соперник [illegible] предстоящем испытании:

— А за какое время наполнишься ты, Жофруа по прозвищу «Бочка»?

Жофруа стукнул кулаком по столу:

— Я ведь говорю серьезно...

И он обернулся к сестре:

— Иногда у меня получается, но знаешь, все эти расчеты, арифметика и вся эта чертовщина все-таки не по мне. Легче поднять двести килограммов!

В 6 часов вчера в павильоне рыбной торговли Центрального рынка должны были состояться испытания на физическую силу и выносливость.

Ежегодный конкурс на место грузчика Центрального рынка по традиции проводится в конце сентября.

Испытание на физическую выносливость заключалось в том, чтобы быстрее других пронести 150-килограммовый мешок на расстояние 200 метров.

Дорожка была тщательно подготовлена. Несколько служащих специально следили за тем, чтобы строго соблюдались все инструкции, чтобы претендентам ничто не помешало показать рекорды скорости.

За испытанием следило жюри, в состав которого входило трое грузчиков и один из руководящих служащих Центрального рынка.

Берта решила сопровождать брата до Центрального рынка и присутствовать на экзамене. Жофруа волновался перед предстоящим испыта-

нием и рассеянно слушал, что говорила ему сестра:

— Как только экзамен закончится, пойдем перекусить и тогда все обсудим.

Толпа зевак, собравшаяся поглазеть на испытание, была очень живописна.

Среди выделяющихся из толпы типов Берта обратила внимание на человека с трехколесным велосипедом.

— Эй, Бузиль, — кричали ему, и чувствовалось, что он здесь популярен, — где ты откопал свою машину?

— Что вы думаете обо всем этом? — прошептал кто-то на ухо Берте, слегка картавя.

Берта обернулась на голос. Рядом с ней стоял крепкий парень, одетый в голубую блузу, с красным платком на шее. На голове у него была фуражка, какую носят погонщики скота. На вид ему было лет 35.

— Если вы хотите узнать, кто я такой, — продолжал незнакомец, — то меня зовут Жюло...

Берта не задержалась с ответом:

— А меня, месье, зовут Бобинетта. Я [illegible] сестра Жофруа по прозвищу «Бочка».

В это время Бенуа по прозвищу «Лабазник» сдавал экзамен. На его могучих плечах покоился огромный мешок муки, вес которого был тщательно проверен экспертами — ровно 150 килограммов.

Бенуа прошел положенные [illegible] метров. Раздались аплодисменты, но тут же стихли, потому что на старт вышел новый участник...

Настала очередь Жофруа.

Вместо того, чтобы идти шагом, как и его конкурент, он размеренно побежал... Толпа завопила от восторга, когда он пробегал мимо группы болельщиков, в которой находилась Берта.

Жюло, уже считавший себя кавалером девушки, кричал громче других, а уморительный Бузиль подпрыгивал, топал ногами, сидя на своем «велосипеде» и без смущения опираясь на плечи тех, кто находился в первых рядах.

Когда объявили результаты физического испытания, Бенуа и Жофруа были названы в числе победителей. Теперь только письменный экзамен мог окончательно определить победителя.

Бобинетта оживленно болтала. Какой-то человек в старом черном потрепанном пальто и жокейской шапочке внимательно ее разглядывал. Казалось, он одобрял ее речи, но старался сохранить безразличный вид.

— Пойдемте, — настаивал Жюло, потянув ее за руку. — Вы же знаете, что брат ждет вас.

А так как девушка не торопилась, Жюло прошептал ей на ухо:

— Тот странный тип не внушает мне доверия...

— Да, действительно, у него противная физиономия!

А потом, как опытная санитарка, добавила:

— Вы заметили, какой у него цвет лица? Этот человек должно быть болен.

XVII
В «КОШОН ДЕ СЕНТ-АНТУАН»

Жофруа по прозвищу «Бочка» с сестрой не церемонился:
– Заплатишь за меня, и я пойду с тобой.
Они направились обедать в «Кошон де Сент-Антуан».
Перед «Кошон де Сент-Антуан» располагался оригинальный аттракцион их трех диковинных повозок, которые были не чем иным как поездом, придуманным Бузилем.

Бузиль прибыл в Париж. Правда, в дороге он задержался дольше, чем планировал. Неделю ему пришлось провести в тюрьме Орлеана, куда попал из-за пустяка.

Несмотря на интенсивное движение большого города, Бузиль появлялся со своими «машинами» на самых запруженных улицах. Когда он скитался в окрестностях [illegible] задержали и привели в ближайший полицейский участок [illegible] конфисковали на 48 часов. Поскольку бродяге в [illegible]ли предъявить ничего серьезного, то его просто попросили освободить место.

Притащив вместе с [illegible] две «машины» к Марсову полю, откуда он [illegible] Эйфелеву башню — предел его мечтаний — [illegible] с редактором журнала «Ауто», которому [illegible]ственную историю в обмен на бутылку вина, [illegible]авшемся быстро.

Спортивный журнал [illegible] статью о бродяге-путешественнике, и [illegible] стал знаменитостью.

Папаша Франсуа Бонбон, [illegible] «Кошон де Сент-Антуан», считая, что этот оригинальный [illegible] «машины» составят забавный аттракцион, нанял его на два месяца, дал кров и кошт, в добавок к этому платил ежедневно пять франков при условии, что Бузиль каждый вечер будет приезжать со своими «машинами» к его заведению.

Мало-помалу, устав торчать у входа, Бузиль решился оставить свои сооружения на тротуаре и спустился в прокуренный зал полуподвала. Ежевечерне расплачиваясь здесь за угощение, он тем самым возвращал папаше Бонбону его же пять франков.

Табачное марево в «Кошон де Сент-Антуан» густело, шум нарастал.
Было приблизительно без четверти два.
Светские посетители уже ушли.
Франсуа Бонбон только что проводил по узкой лестнице, идущей на первый этаж последних богатых клиентов, спустился снова в зал и охрипшим голосом обратился к публике:
— Кто сегодня платит за салатник с горячим вином?

Берта, сидевшая рядом с братом, поняла: сейчас удобнее всего посвятить брата в свои планы:

— Ничего особенного, — начала она. — Мне просто нужен сильный человек, здоровяк, вроде тебя...

— Бочки что ли катать?

Взгляд Берты машинально остановился на маленьком бледном молодом человеке с редкой бороденкой. Он только что занял место напротив и заказал порцию кислой капусты...

Берта продолжала:

— Надо отогнуть решетки на окнах. Они старые и, если посильнее нажать, они вылетят...

— Это все? — спросил Жофруа по прозвищу «Бочка».

— Все... — ответила девушка.

— За пару пятифранковых монет?

Жофруа замолчал, вглядываясь в одного из соседей, который, казалось, внимательно вслушивался в разговор брата с сестрой.

Берта, в свою очередь, обернулась на любопытного, улыбнулась и объяснила Жофруа:

— Не беспокойся, я его знаю.

И как бы подтверждая сказанное, она любезно протянула руку человеку, наблюдавшему за ней:

— Добрый вечер, месье Жюло, как ваши дела?

Жюло пожал руку Бобинетты и, сразу [illegible] о ней, заговорил с бритоголовым мужчиной.

— Что случилось, Билли Том? — спросил он тихо.

— Были всякие неприятности с девками [illegible] клиентов в «Руайаль-Паласе» после того случая, когда открыли [illegible] тому типу, который состряпал дело, заткнул рот Мюллеру, — начал собеседник.

— Мюллер? — переспросил Жюло. — А это еще кто такой?

— Дежурный с третьего этажа.

— Дежурный!.. Кто же его «нагрел»?

— Ну, разумеется, тип из полиции — одиночка, по-моему, его зовут Жюв...

— Да! — прошептал Жюло. — Я это предполагал.

У входной двери заведения послышался шум.

Пришла Большая Эрнестина — известная проститутка, работавшая в районе Севастопольского бульвара. Ее сопровождал Бенуа по прозвищу «Лабазник», который громко говорил и еще сильнее шатался.

Бенуа, переходя от одного стола к другому, грубо задевая сидящих, наконец-то нашел свободное место и рухнул на скамью, едва не придавив бледного молодого человека с реденькой бородкой.

Напуганный молодой человек посторонился, но Эрнестина тут же пообещала ему свое покровительство:

— Не пугайся, малыш, — заявила она. — «Лабазник» тебя не [illegible] [illegible] Эрнестина здесь [illegible] она [illegible]

Проститутка бесцеремонно поцеловала юношу в макушку и заорала:
— Этот малыш мне нравится! Как тебя зовут?
Молодой человек прошептал едва слышно:
— Поль! — и покраснел до ушей.
Тем временем хозяин заведения Франсуа Бонбон поставил перед Бенуа по прозвищу «Лабазник» знаменитый салатник с горячим вином. За Бонбоном притащился бродяга Бузиль.
Бенуа, заметив Жофруа по прозвищу «Бочка», тотчас предложил ему чокнуться. Но Жофруа был уже так пьян, что отказался, чем смертельно обидел Бенуа.
В этот момент раздался радостный крик Бузиля:
— Это ты!
Большинство посетителей повернулось, чтобы посмотреть, к кому он был обращен.
Жюло и Берта тоже обернулись.
— Это тот самый, с зеленым лицом! — шепнула санитарка брату.
— Он... действительно, — кивнул Жюло.
Бузиль не унимался:
— Где я тебя встречал?
Человек с зеленым лицом молчал.
— Ах, да! Ты тот самый бродяга, которого арестовали вместе со мной в Лоте, в день убийства... помнишь? — Бузиль потянул «зеленого» человека за рукав.
— Ты помнишь: в день убийства маркизы де Лангрюн!
Человек в раздражении пробурчал:
— Ну и что?
Жофруа по прозвищу «Бочка» и Бенуа по прозвищу «Лабазник» переглянулись.
Напуганная Берта изо всех сил пробовала убедить Жофруа уйти отсюда.
В ответ изрядно хмельной Жофруа только мотал головой.
Освободившись от назойливого Бузиля, человек с зеленым лицом возобновил свой прерванный разговор с гитаристом, который снова подошел к нему.
— Меня удивляет, — заметил гитарист, — его правильный выговор — ни малейшего акцента.
«Зеленый» наклонил голову и очень тихо сказал:
— Говорить по-французски как француз — проще простого для такого молодца, как Гурн.
Неожиданно мужчина с зеленым лицом замолк и вздрогнул: ему показалось, что Большая Эрнестина его подслушивает.
Атмосфера в заведении накалялась.
— Если месье угодно продемонстрировать силу, я готов!
Это Жофруа по прозвищу «Бочка» бросил вызов Бенуа по прозвищу «Лабазник». В зале воцарилась тишина.
Бенуа, оторвавшись от салатника с вином, отер губы рукавом.

Большая Эрнестина украдкой проскользнула к Жюло. Они быстро обменялись несколькими фразами.

Потом, сделав вид, что она заинтересовалась спором между Жофруа и Лабазником, Большая Эрнестина громко заявила:

— Этот с зеленоватым лицом сказал гитаристу, будто узнал человека по ожогу на ладони...

Жюло выругался, инстинктивно сжал руку в кулак и поинтересовался у стоявшей рядом служанки, указывая взглядом на окно позади себя:

— Куда оно выходит?

— В подвал...

— А как выйти из подвала?

— Из подвала выхода нет.

Тарелка, которую Жофруа по прозвищу «Бочка» запустил в Бенуа «Лабазника», разбилась о стену и вызвала переполох.

Посетители в беспорядке вставали из-за столов. Женщины кричали, мужчины ругались. В толчее силачи сошлись лицом к лицу.

Жофруа по прозвищу «Бочка» схватил стул, а Бенуа силился оторвать доску от стола.

Свалка стала всеобщей.

Неожиданно раздался револьверный выстрел. Человек с зеленым лицом и гитарист сразу поняли, кто стрелял

Какое-то время они уже наблюдали за Жюло.

Жюло оказался превосходным стрелком. Определив, что зал освещается единственным плафоном и ток подходит к нему по параллельным проводам вдоль стены и по карнизу, Жюло точным выстрелом перебил провода.

Тотчас все погрузилось в темноту.

В шуме голосов раздался крик боли и чей-то голос прохрипел:

— Ко мне, шеф!

Бобинетта услышала рядом чей-то шепот: «Черт побери!»

Чьи-то руки схватили ее талию, обшарили по спине и груди. Юную санитарку охватил леденящий страх. Она почувствовала, как ее поднимают и усаживают на скамью. Кто-то, дыша перегаром ей в лицо, прошептал:

— Ты не будешь помогать этой сумасшедшей Рамбер!.. Фантомас тебе это запрещает!..

Пытаясь вырваться из загадочных объятий, Берта расслышала последнюю угрозу:

— Если не послушаешься — смерть!

Едва живая от страха, санитарка сидела на скамье. Шум в зале все усиливался. Началась всеобщая драка. «Зеленый человек» отражал нападение двоих.

Не чувствуя боли от наносимых ему ударов, «зеленый» демонстрируя недюжинную силу, ухватил чью-то руку в запястье, разжал

лак и пальцами сдавил ладонь, издав победный возглас:

— Черт возьми!

Его пленник крича от боли, попытался вырваться.

Нога «зеленого» оказалась зажатой чьими-то мощными коленями и в любую минуту она могла сломаться. «Зеленый» выпустил руку, которую сжимал. Он проиграл этот поединок. Но тут в схватку вмешался некто третий. В драке, задев его лицо, «зеленый» понял, с кем имеет дело: это был молодой человек с реденькой бородкой. «Зеленый» ухватил его за воротник мертвой хваткой.

Драка и давка продолжались. Раздавались пронзительные вопли, крики боли.

Франсуа Бонбон даже не пытался остановить побоище. Он хорошо знал, что нужно делать в таких случаях. Полицейские уже были вызваны. Когда их отряд подоспел, Франсуа Бонбон провел нескольких за прилавок и указал на пожарный кран.

Полицейские быстро размотали его, протащили в узкий пролет винтовой лестницы и, открыв кран, направили струю воды в полуподвал.

Холодный душ сразу остановил [illegible]. Когда посетители «Кошон де Сент-Анж» [illegible] сержант строгим голосом приказал выходить по одному.

Посетители знали, что [illegible] бесполезно. По мере того, как один за другим они медленно [illegible] к выходу, полицейские надевали на них наручники [illegible] парами.

Когда все вышли, сержант [illegible], чтобы проверить не прячется ли там кто-нибудь. Н[illegible] гитарист, пораженный ударом ножа [illegible].

Соединенные наручниками [illegible] молодой человек с пробивающейся бородкой оказались в полицейском участке.

Секретарь, записывающий [illegible], плохо скрыл удивление, когда «зеленый» показал ему свое удостоверение.

— Немедленно отпустите этого господина... Что же касается другого...

— Что касается другого, — [illegible] «зеленый», — я прошу его также отпустить. Он мне нужен.

Секретарь повиновался: по его приказу с обоих арестованных были сняты наручники.

Удивленный молодой человек посмотрел на того, кто только что был прикован к нему наручниками, но тот, энергично сжав его запястье, как бы предупреждая всякую попытку к бегству, решительно повел его за собой из комиссариата.

На улице они столкнулись с полицейскими, которые несли несчастного гитариста. Тот едва дышал. Это был субинспектор из Сюрте. Не выпуская юношу, «зеленый» наклонился к сержанту и о чем-то с ним переговорил. В конце разговора «зеленый» в сердцах топнул ногой и выругался:

— Черт побери! Гури все-таки убежал!

Широкими шагами «зеленый» шел в направлении Монмартра и вел своего дрожащего компаньона, который не понимал, что с ним происходит и сильно опасался за будущее.

Когда они дошли до ограды церкви Сент-Эсташ, «зеленый» остановился у фонаря. Встав лицом к своему пленнику, он посмотрел ему прямо в глаза:

— Я — Жюв, — объяснил он, — полицейский...

А поскольку молодой человек молчал, Жюв продолжил, отчетливо произнося каждое слово:

— А ты, мадемуазель Жанна, ты — Шарль Рамбер!

XVIII
АРЕСТАНТ И СВИДЕТЕЛЬ

Жюв говорил тоном, не терпящим возражений:

— Отвечай! Ты — Шарль Рамбер, ты был Жанной?

— Я не понимаю! — отвечал Поль.

Жюв подозвал проезжавший мимо ночной фиакр.

— Садись! — приказал он, открывая дверцу и пропуская молодого человека вперед.

Наклонившись к кучеру, он назвал адрес и сел рядом с Шарлем. Несколько минут он молчал, затем повернулся к своему спутнику:

— К чему отрицать очевидное? — спросил он. — Я же узнал тебя!

— Но вы ошибаетесь! — повторил Поль. — Шарль Рамбер мертв!

— Смотри-ка! Ты это знаешь? Стало быть, признаешь, что тебе известно, о ком я говорю?

Краска залила лицо Поля.

Жюв едва заметно улыбнулся:

— Ну, так как?

И продолжал с добродушным видом:

— Глупо запираться. Подумай, если я знаю, что ты — Шарль Рамбер, то мне известно и многое другое...

— Хорошо, — решился Поль, — я — Шарль Рамбер, и я был мадемуазелью Жанной... Как вы об этом узнали? Что вы делали в «Кошечке Сент-Антуане»? Вы пришли меня арестовать?

— Может быть!

— О! Господин Жюв, куда вы теперь меня везете? В тюрьму? В камеру предварительного заключения?

Жюв пожал плечами:

— Ты слишком любопытен, мой мальчик... Впрочем, ты знаешь Париж и, следовательно, должен догадываться, какой адрес я дал кучеру.

— Да, — ответил Шарль Рамбер, — именно это меня и пугает... Вот [illegible] на набережной...

— И возле префектуры, мой малыш. Теперь бесполезно возмущаться. Позволь уж тебя сопровождать.

Спустя несколько минут фиакр повернул на набережную Орлож и остановился у остроконечной башни Дворца правосудия.

Жюв вышел из фиакра, подождал своего спутника и, расплатившись с кучером, направился к лестнице.

Войдя в здание, они прошли гулкими коридорами и остановились перед дверью в антропометрический кабинет.

— Входи! — приказал Жюв отрывисто.

Шарль Рамбер, подчиняясь приказу, вошел в комнату.

Полицейский тем временем громко позвал:

— Гектор!

Прибежал работник антропологической службы.

— А, господин Жюв! Вы сегодня с добычей? Так рано? Вы думаете, этот мальчишка рецидивист?

— Нет! — ответил Жюв довольно сухо. Его тон не допускал дальнейших расспросов. — Я вовсе не прошу вас, Гектор, найти карточку этого молодого человека, нужно сделать необходимые измерения.

Недовольный, что его потревожили так рано, он позвал Шарля Рамбера и нелюбезно скомандовал:

— Пойдем, для начала измерим рост...

Шарль Рамбер выполнил все, что от него требовали.

Служащий Гектор удивился [illegible] послушанию:

— Он не из болтливых, ваш [illegible], господин Жюв. Что же он натворил?

Жюв пожал плечами.

Шарль Рамбер, до смерти напуганный, понимал, что арестован. Жюв подошел к нему, положил руку на плечо и мягко сказал:

— Пойдем, я хочу еще кое-что проверить.

Непосвященный человек [illegible] предположить, что комната, куда Жюв привел арестованного, просто столярная мастерская.

Деревянные доски разной формы и толщины, разного качества были расставлены вдоль стены или лежали на полу, в витринах — металлические пластинки длиной 5-6 сантиметров и разной толщины.

Жюв, тщательно закрыв дверь, посмотрел на молодого Шарля Рамбера:

— Черт возьми! Ты, наверное, спрашиваешь себя, зачем я тебя сюда привел?

Сняв шляпу, Жюв сдернул серое покрывало с маленького довольно высокого столика.

Устройство представляло собой металлический каркас, привинченный к крепкому треножнику, и состоял из внутреннего диска, [illegible]ся вперед и назад, в то время как две боковые части в форм[illegible] арки и стальная перекладина, скрепленная болтами, [illegible] кот[illegible] [illegible]ю часть. Этот остов поддержи[illegible]

Жюв подвел к прибору Шарля Рамбера:

— Это динамометр доктора Бертильона. — Он вставил в специальный паз маленькую деревянную дощечку и вытащил из ящика инструмент, в котором Шарль Рамбер узнал «фомку».

— Вставь «фомку» в этот паз и нажми изо всей силы... Если тебе удастся изменить положение стрелки до известного мне предела, которого трудно достичь, то, возможно, сможешь поздравить себя и считать, что тебе повезло...

Ободренный этими словами, Шарль Рамбер изо всех сил нажал на рукоятку, явно стремясь угодить полицейскому.

Вскоре Жюв остановил его:

— Хорошо! — сказал он.

Через несколько секунд Жюв рассматривал в лупу кусочек древесины и кусочек железа...

Он удовлетворенно прищелкнул языком.

— Шарль Рамбер, я уверен, что мы хорошо поработали сегодня утром... Новый аппарат доктора Бертильона — полезное изобретение.

Инспектор Сюрте, без сомнения, продолжил бы свой монолог, но в это время в комнате появился один из служащих.

— Вы здесь, господин Жюв. Вас спрашивает один человек. Он утверждает, что вы назначили ему встречу.

Жюв схватил визитную карточку, которую ему протянул служащий.

— Хорошо, — сказал он, — проводите этого господина в приемную и скажите, что я сейчас приду.

Служащий вышел, а Жюв, улыбаясь, посмотрел на Шарля Рамбера.

— Ты устал. Прежде всего тебе нужно отдохнуть... Пойдем! Я провожу тебя в кабинет, где ты сможешь прилечь на диван и хорошенько выспаться.

Он провел Шарля Рамбера в маленькую комнату, и молодой человек, уступив его настояниям, растянулся на диване.

Жюв, заметив, что молодой человек очень бледен и озабочен, ласково сказал:

— Спи!.. В твоем возрасте это необходимо. Спи спокойно!

Жюв вышел из комнаты и предупредил одного из служащих.

— Останетесь с господином. Это друг. Но — вы меня понимаете? — это друг, который не должен отсюда выходить. Я приму посетителя и сразу же вернусь.

Отдав распоряжение, Жюв поспешил спуститься в приемную, где его ждал посетитель. Жюв церемонно поклонился:

— Я имею честь говорить с господином Жерве Авентэном?

— С ним самым. А я вижу перед собой господина Жюва?

— Да, месье, — ответил полицейский. Указав на стул, сам он уселся в кресло за маленьким столом, заваленным папками.

— Месье, — добавил Жюв, — я позволил себе написать вам письмо

которое вы должны были получить. В ходе расследования, которое я провел, я смог убедиться, что вы человек долга и не откажете мне в содействии. Речь идет о деятельности на благо юстиции и истины...

Посетитель казался сильно удивленным:

— Вы провели расследование, месье? Не понимаю. Откуда вы меня знаете?

Жюв улыбнулся:

— Вас ведь зовут Жерве Авентэн? Вы — инженер по общественным работам? И вы собираетесь жениться? Вы — обладатель весьма приличного состояния? И, наконец, совсем недавно вы совершили непродолжительную поездку в Лимож?..

— Ваши сведения абсолютно точны, — согласился посетитель, — но я до сих пор не могу догадаться, что же в этом преступного?

Жюв улыбнулся:

— Я спрашивал себя, месье, почему вы не откликнулись на объявления в газетах о том, что полиция ищет всех пассажиров, которые ехали пассажирским поездом Париж — Люшон вечером 23 декабря в первом классе?

— На этот раз молодой человек смутился.

— Вы что, на жалованьи моего будущего тестя?

Жюв искренне рассмеялся.

— Признайтесь, вы сели в поезд [illegible] я вам говорил, во Вьерзоне, где вы собираетесь жениться, и [illegible] в Лимож, к любовнице...

— Я не знал, что полиция занимается еще и тем, что шпионит.

— Шутки в сторону! — сказал Жюв. — Меня мало волнуют ваши любовные приключения, месье! Мне нужны от вас совершенно другие сведения...

Казалось, на этот раз Жерве Авентэн испугался:

— Совсем ничего не понимаю... — сказал он. — Что вы хотите узнать?

— Все очень просто: мне нужно очень точное описание вашей поездки. В каком вагоне вы ехали? Кого вы встретили?

— Но почему вы меня обо всем этом спрашиваете?

— Потому, что у меня есть основания полагать, что той ночью вы ехали вместе в убийцей.

Молодой человек рассмеялся:

— Мне это больше нравится, — сказал он, — чем расследование по поводу моих «покойных» любовных историй. Месье, я сел в поезд во Вьерзоне в вагон первого класса.

— Какой это был вагон?

— С коридором... старой модели...

— Да, — ответил Жюв, — я знаю расположение этих вагонов; туалетная комната находится в середине вагона, не так ли? А купе, как в обычных вагонах без коридора на семь мест. И еще там есть маленькая дверь, которая сообщается с запасным переходом.

— Да, именно так, месье. Купе в конце вагона, в которое я сел, было купе для курящих.

— Нет, — ответил Жюв, — вы слишком торопитесь. Скажите, кого вы видели в других купе? Вернемся к еще более ранним событиям... Вы на перроне вокзала ожидаете поезда, он прибывает, что происходит?

Жерве Авентэн улыбнулся:

— Вы требуете, чтобы я был точным, — заметил он. — Ну так вот, поезд остановился, я вошел в вагон первого класса и хотел выбрать купе. Хорошо помню, что сначала направился к купе, расположенному в хвостовой части, но туда было невозможно войти. Маленькая дверь, которая выходит в коридор, была заперта изнутри.

— Хорошо, — заметил Жюв. — Купе было пустым, об этом известно.

— Поскольку я не мог войти в это купе, то решил устроиться в другом. Большинство было занято. Я направился к последнему купе — купе для курящих... Я думал, что у меня будет попутчик. Багаж стоял на скамейке, постель была постелена, но пассажира не оказалось на месте. Я лег на другую скамью и уснул. Когда я вышел в Лиможе, мой попутчик, должно быть, находился в туалетной комнате. Я очень хорошо помню, что не видел его.

— Скажите, месье, когда вы проснулись, не сложилось ли у вас впечатление, что чемоданы на скамейке напротив вас стояли по-другому?

Жерве Авентэн задумался:

— Я не могу ответить утвердительно, господин Жюв. Я ничего не слышал, хотя сплю не так уж крепко...

— Итак, — уточнил Жюв, — вы ехали в вагоне первого класса пассажирского поезда Париж — Люшон ночью 23 декабря и в этом вагоне были вещи какого-то пассажира, которого вы не видели совсем, которого там могло и не быть!

Да, мои сведения скудны. Их, наверное, для вас недостаточно?

— Ваши сведения очень ценны, я узнал все, что хотел...

— Тогда, месье Жюв, объясните мне то, что интересует меня. Как вы узнали, что я ехал в этом поезде?

Полицейский вытащил из портфеля билет первого класса и протянул его инженеру.

— Все очень просто, — ответил он. — Вот ваш билет... Я заставил на всех вокзалах искать билеты первого класса, которые пассажиры сдают при выходе из поезда...

XIX
ЖЕРОМ ФАНДОР

Насвистывая военный марш, что было у него признаком хорошего настроения, Жюв открыл дверь комнаты, в которой он оставил Шарля Рамбера, и посмотрел на спящего молодого человека.

— Как хороша молодость! — сказал он охраннику, который встал, увидев инспектора. — Этот малыш рискует свободой и после бурной ночи спокойно спит, как кавалер ордена Почетного легиона!

Он дружески потряс Шарля Рамбера за плечо:

— Вставай, лентяй! Уже десять часов утра, давно пора тебя отсюда уводить!

— Куда? — спросил несчастный молодой человек.

— Любопытство — твой грех. Я [illegible] тебя, но вовсе не в тюрьму, а к себе!

Жюв закурил хорошую сигарету, [illegible] устроился в кресле, скрестил руки на затылке. Разглядывая [illegible] Рамбера, Жюв произнес:

— Я скажу тебе нечто важное [illegible] ни в деле Лангрюн, ни в деле Данидофф.

Шарль Рамбер вздрогнул.

— Почему вы говорите мне [illegible] хорошо знаю, что не ограбил княгиню Соню Данидофф! [illegible] меня узнали? Как вы узнали, что я был мадем[illegible]

Жюв улыбнулся и [illegible].

— Смотри, малыш! [illegible] несчастному Анри Бербье, когда тот пытался в «Руаяль [illegible] [illegible] за мадемуазель Жанной, не мог не навести меня [illegible] размышления.

— А как же этой ночью вы опознали меня? — спросил обеспокоенный этим намеком Шарль.

Жюв пожал плечами.

— Знаешь, если я кого-нибудь хоть раз увижу, от меня уже трудно будет убежать, несмотря ни на какие перевоплощения.

Шарль Рамбер помолчал несколько минут, потом спросил:

— Почему вы считаете, что не я ограбил княгиню Соню Данидофф? Я ведь отдаю себе отчет в том, что меня все обвиняют.

— Есть вещи, о которых ты не знаешь, — мягко ответил Жюв. — Княгиня Данидофф была ограблена тем же человеком, который обворовал мадам Ван ден Розен. А кража у мадам Ван ден Розен сопровождалась взломом, в ее апартаментах повреждена мебель. А сегодня утром в префектуре после эксперимента с динамометром я убедился, что ты не столь силен.

— Не силен?

— [illegible] такой [illegible]! Опыты с динамометром, данные ко-

[illegible] я получил сейчас, доказывают, что ты невиновен в ограблении Ван ден Розен, а, следовательно, и в краже у Сони Данидофф.

Молодой Рамбер подумал, потом спросил:

— Но когда вы пришли в отель, вы не знали кто я? И, следовательно, вы сомневались, что я — Шарль Рамбер, не так ли? Как же вы это узнали?

Жюв ответил, улыбаясь:

— Ну, это уже совсем детский вопрос. Несчастный, которого похоронили под твоим именем, был тщательно измерен. Я устроил так, чтобы сфотографировать тебя в нескольких ракурсах в роли мадемуазель Жанны... Я долго подступался к этой мадемуазель Жанне. И я вышел на нее в воровском мире. Я продумал тысячу вариантов и вчера вечером, придя в «Кошон де Сент-Антуан», я наконец-то узнал, что Поль был Жанной, а Жанна — Шарлем Рамбером!

Молодой человек опять спросил

— То, что вы рассказали о динамометре и краже со взломом, объяснило мне, каким образом с меня снимается вина за грабежи в «Руайаль-Паласе», но как вы пришли к выводу, что я не виновен в убийстве маркизы де Лангрюн?

— Ты так протестуешь, [illegible] стоять на том, что ты это сделал! Ну ладно, малыш, [illegible] история, как и с делом в «Руайаль-Паласе». Убийца мар[illegible] Лангрюн поломал мебель, а динамометр господина Бернли [illegible] точно установил, что ты не так силен.

Молодой Шарль Рамбер [illegible] спросил с тревогой в голосе:

— А если я действительно безумен

Жюв покачал головой:

— Я знаю, что ты связываешь [illegible] со своей матерью, не так ли? И тебя преследует мысль о [illegible] наследственности. Ну вот что, Шарль Рамбер, выпей-ка чашку [illegible] выкинь это из головы. Ведь нет никаких доказательств, что ты [illegible], [illegible] не подтверждает также, что твоя бедная мать...

— Но тогда, месье Жюв...

— Называй меня просто Жюв.

— Раз вы знаете, что я невиновен, то скажите об этом отцу.

— Какой ты быстрый! Пойми же, что пока только я один считаю тебя невиновным.

Молодой человек робко спросил:

— Так что же теперь со мной будет?

— А что ты сам собираешься делать?

— Пойти к отцу.

— Ну уж нет, — запротестовал Жюв. — Я тебе не позволю к нему идти. Когда схвачу за шиворот Фантомаса, тогда я сам отведу тебя к твоему отцу...

— А зачем нужно ждать ареста самого Фантомаса? — спросил молодой Шарль Рамбер.

— Потому что, — ответил Жюв, — если ты невиновен в том, в чем тебя обвиняют, то очень вероятно, что в этих делах виновен Фантомас!

— Месье Жюв, но что же вы советуете мне делать?

Инспектор Сюрте поднялся и стал расхаживать по своему кабинету:

— Есть еще одна неоспоримая вещь — этой ночью, когда я дрался с одним злодеем, был момент, когда я почувствовал, что всем моим приключениям наступает конец, что я уже больше не увижу белого света. Не будь тебя, так бы и произошло. Твое вмешательство спасло мне жизнь. Таким образом, мы квиты. [illegible] поскольку ты спас мне жизнь, мне остается отплатить тебе тем же. Для начала я должен устроить все так, чтобы ты не остался на улице. Вот что я тебе предлагаю: ты сменишь имя, снимешь где-нибудь меблированную комнату, прилично оденешься. Потом придешь ко мне [illegible] рекомендательное письмо к одному из моих друзей — секретарю [illegible] вечерней газеты. Ты образован. Ты любишь [illegible] все, что относится к полиции, и, я полагаю, ты сделаешь [illegible] карьеру как репортер. Ты станешь честным, известным [illegible] человеком. Это тебя устраивает?

— Вы слишком добры [illegible] Шарль Рамбер, — я хотел бы попробовать!

Прервав размышления [illegible] Жюв протянул ему пачку банковских билетов.

— Вот деньги, — [illegible] теперь слушай. Займись своим устройством. Я хочу, чтобы [illegible] недель ты был репортером в «Капитале».

Шарль Рамбер помолчал несколько минут, потом, повернувшись к полицейскому, спросил:

— А под каким именем мне представляться?

— Гм, — хмыкнул Жюв, — под вымышленным.

Молодой человек предложил:

— Поскольку это будет мой литературный псевдоним, мне нужно звучное имя.

— Да, впечатляющее имя, в духе Фантомаса!

— У вас нет никаких идей по этому поводу?

Жюв предложил:

— Выбери имя, которое не очень распространенно, малыш. С другой стороны, нужно, чтобы в нем было что-то броское. Что ты скажешь, если мы возьмем первый слог от Фантомаса? Фан... Это хороший корень... Постой, — добавил он, — мне пришло в голову все твое имя целиком: Жером Фандор...

Рамбер повторил:

— Жером Фандор! Да, вы правы, это звучит!

— Итак, Жером Фандор, дай-ка мне поспать; иди, приведи себя в надлежащий вид и готовься к новой жизни.

XX

ЧАШКА ЧАЯ

— Вы могли бы навестить леди Белтэм сегодня вечером? Алло... который час? Половина одиннадцатого... Преподобный отец, я полагаю... Вы ведь знаете, что леди Белтэм обычно ложится поздно... Алло... Вы прямо из Шотландии?

Положив трубку, Тереза Овернуа подошла к леди Белтэм, которая лежала в шезлонге в большом холле своего особняка в Нейи.

По рекомендации господина Эдена Рамбера внучка маркизы де Лангрюн вот уже два месяца была в числе молодых особ, которых великосветская дама держала при себе в качестве секретарш.

— Это преподобный Уильям Хоуп, — объявила она. — Он просит чести быть принятым вами, мадам, перед тем, как вы отойдете ко сну. Он возвращается с севера, с вашей родины.

— Ах, его преподобие! — воскликнула леди Белтэм, закрывая книгу и улыбаясь Терезе Овернуа. — Скажите ему, пусть придет.

Молодая девушка, легкая, быстрая, направилась к телефону, а леди Белтэм посмотрела на одну из двух [illegible] англичанок, которые вместе с Терезой Овернуа состояли при ней.

— Почему вы смеетесь, Лизбет? — спросила она.

Молодая девушка, к которой обратилась леди Белтэм, не стала скрывать причину своего веселья:

— Я думаю, его преподобие был разочарован плохим обедом в экспрессе и прямо по телефону почувствовал аромат чая и запах тостов.

Леди Белтэм снисходительно заметила:

— Ну что вы, его преподобие выше этого!

— Простите леди Белтэм, но разве его преподобие еще совсем недавно не объяснял Терезе, что мы должны с уважением относиться к трапезе, если на нее призвано благословение божье, и что плохо прожаренный ростбиф — это своего рода святотатство?

— Мне кажется, — перебила Тереза, — речь тогда шла о фазане!

Леди Белтэм мягко их упрекнула:

— Ах, вы маленькие злючки! Вы завидуете хорошему аппетиту. Лучше я обращусь к Сюзанне, которая знает в этом толк!

Сюзанна, красивая брюнетка, была погружена в чтение письма.

— О, леди Белтэм! — сказала она, покраснев. — Я уже не так голодна с тех пор, как в Европу вернулся крейсер, на борту которого находится Харри!

Леди Белтэм встала, сделала несколько шагов по комнате и подошла к девушке:

— Не вижу связи. Нежность жениха питает душу, но не тело, это

[illegible] не упрек, моя милая Сюзанна, но нужно сохранить для ва[illegible] будущего мужа эти розовые щечки и это прекрасное здоровье, чтобы быть во всех отношениях превосходной матерью семейства... Шаловливая Лизбет закончила мысль, подражая манере леди Белтэм.

— ...имеющий много детей, семь или восемь дочерей, которые все вый[illegible] замуж за молодых пасторов и в свою очередь...

Девушки прекратили болтовню, так как лакей открыл дверь и объявил:

— Его преподобие Уильям Хоуп!

В комнату вошел старик, бритый, с округлым животом, хорошо заметным под его черным одеянием.

— Леди Белтэм, ваш преданный слуга, — торжественно объявил старик. — Прошу вас принять мое самое [illegible] почтение.

Леди Белтэм сердечно протянула руку его преподобию, который коснулся ее губами.

— Я очень рада вновь видеть вас, — заверила она. — Выпейте же чашечку чая.

Его преподобие поприветствовал [illegible] как бы извиняясь за то, что согласился выпить чаю, сказал [illegible]

— Я скверно пообедал в экспре[illegible]

Лизбет его перебила:

— Не находите ли вы, что содержимое этой чашки действительно благо[illegible]ает?

Его преподобие протянул руки, чтобы [illegible] чашку, которую ему подала девушка:

— Я только что хотел это сказать, мадемуазель Лизбет...

Тереза и Сюзанна — свидетели этой сценки — отвернулись к стене, чтобы скрыть душивший их смех, но голос леди Белтэм, ставший серьезным, заставил их отвлечься от веселья.

Леди Белтэм села за свое бюро.

— Девушки, — сказала она, — мы немного поработаем с его преподобием, который вернулся из Шотландии. Возьмите ваши папки.

Девушки засуетились, подбирая различные бумаги, которые могли понадобиться их доброй хозяйке.

Леди Белтэм осведомилась:

— Поездка прошла хорошо, ваше преподобие?

— Как обычно, леди Белтэм. Крестьяне из Скоттуэлл Хилла проявляют мужество и смирение, но зима обещает быть суровой, в горах уже выпал снег.

— Вы уже распределили шерстяную одежду среди женщин и детей? — спросила леди Белтэм.

Его преподобие протянул рукописный лист и пояснил:

— Отправлено 1200 комплектов одежды.

— Проверьте, — сказала леди Белтэм Сюзанне. А потом обратилась к его преподобию:

— Помощник управляющего хороший человек, но фанатик. Возможно он исключил из этой партии одежды несколько получателей, которые не скрывают, что они либералы. Я же хочу милосердия равного для всех, как для наших друзей консерваторов, так и для наших политических противников.

Его преподобие одобрительно прошептал:

— Это высшая христианская добродетель...

Но леди Белтэм жестом прервала его:

— Прошу вас... А как дела с приютами в Глазго?

— Строительство почти закончено. С помощью стряпчего мне удалось уменьшить счет подрядчика приблизительно на сорок процентов, что составило экономию в 300 ливров.

— Эти 300 ливров пойдут на бесплатный уголь в Скоттуэлл Хилл. Зима будет холодной.

Его преподобие заерзал на стуле. Казалось, он в чем-то сомневался и был смущен.

Пользуясь тем, что леди Белтэм, занятая бумагами, отвела от него взгляд, его преподобие прошептал:

— Не угодно ли вам обсудить вопрос, касающийся памяти лорда Эдварда Белтэм?

Молодая женщина вздрогнула. Ее лицо выдало заметное волнение, которое она тут же подавила усилием воли:

— Я вас слушаю.

Как бы тихо ни говорил священник, девушки услышали имя лорда и из деликатности отошли подальше.

— Вы ведь знаете, леди Белтэм, что это не первое мое возвращение из Шотландии после смерти лорда Белтэма, вашего супруга. Люди, живущие на ваших землях, до сих пор очень взволнованы. В Скоттуэлл Хилле знают, что убийцу не нашли, но за его голову обещана награда...

Лицо леди Белтэм болезненно исказилось и Уильям Хоуп поспешил переменить тему разговора.

— Простите. Не будем больше об этом... Я хотел сказать, что помощник управляющего по собственной инициативе исключил братьев Тилли из списков?

— Мне не нравится, — воскликнула леди Белтэм, — что помощник управляющего принимает такие решения, не докладывая заранее! Только добром можно исправить нравы. Мы не можем быть судьями чужих деяний. Почему же мой служащий позволяет себе то, чего не позволяю себе я?

Дверь холла снова отворилась.

Лакей объявил:

— Господин управляющий Сильвертаун.

Девушки тем временем разбирали почту леди Белтэм.

Тереза перечисляла:

— Просьбы о помощи. Так, это письмо из Шотландии, это от пострадавших из Иври-Порта... Это из дома для престарелых в Версале...

Сюзанна прервала ее:

— Романист Мюриэл просит представить свою сестру леди Белтэм на ближайшем собрании...

— Мы об этом поговорим потом, — устало произнесла леди Белтэм. И поскольку святой отец, подойдя к ней, попросил разрешения ее покинуть, отпустила его.

Но Лизбет только что подала леди Белтэм довольно длинное письмо. Перед тем, как его прочитать, она посмотрела на подпись и воскликнула:

— А это новости от господина Эльвена Рамбера!

При упоминании этого имени Тереза прервала свою работу. Она подошла к леди Белтэм в надежде, что та позволит ей узнать новости, содержащиеся в письме ее покровителя.

Леди Белтэм поступила иначе.

— Читайте, дорогое дитя, — предложила она. — Вы мне расскажете обо всем, что пишет наш друг.

Прошла неделя с тех пор, как господин Эльвен Рамбер покинул Париж, объявив, что он отправляется в [illegible] путешествие. Тереза углубилась в чтение.

Леди Белтэм была занята беседой с [illegible].

— Хорошо, что сегодня починили [illegible]. Теперь нам нечего опасаться.

— Дом надежно охраняется, ваша светлость. Наш привратник Уолтер очень внимателен и [illegible], леди Белтэм...

— Да, я знаю, мой славный [illegible], — перебила вдова. — Спасибо, можете идти.

Леди Белтэм обратилась к [illegible].

— Я немного устала.

Лизбет нежно обняла ее.

Тереза подошла, держа в руках толстую книгу. Почтительным тоном она сказала:

— Леди Белтэм, вот Библия.

Когда она положила священную книгу на круглый столик, который стоял рядом, леди Белтэм тихо проговорила.

— Да благославит вас господь, дитя мое!

XXI
УБИЙЦА ЛОРДА БЕЛТЭМА

Было около полуночи. В доме все затихло.

Однако леди Белтэм еще не спала.

Она полулежала в глубоком кресле у камина, вытянув ноги к самому огню и, кажется, дремала. Внезапно она резко выпрямилась и поднялась с кресла. Подойдя к окну, она замерла на месте: в парке раздался револьверный выстрел.

...льном волнении молодая вдова бросилась в вестибюль. Вспомнив о девушках, покровительницей которых она себя считала, леди Белтэм позвала полным тревоги голосом:

— Лизбет! Тереза! Сюзанна!

Двери комнат, выходящие в коридор, открылись. Прибежали полуодетые, с распущенными волосами Тереза и Сюзанна...

— О! Этот шум! Эти крики! Мне страшно! – пробормотала Тереза.

Леди Белтэм, прислушавшись, заметила:

— Больше ничего не слышно.

Заметив отсутствие Лизбет, она позвала:

— Лизбет! Лизбет!

В этот момент появилась взволнованная девушка.

— Ах, мадам!.. Мадам!.. Это ужасно!.. Какой-то мужчина... вор... через сад... Уолтер его душит... они дерутся... они убивают друг друга!

Девушка задыхалась.

Леди Белтэм собиралась расспросить ее, но в этот момент без стука стремительно вошел управляющий Сильвертаун.

Запыхавшийся и взволнованный, он [illegible]

— Мы уже заканчивали обход, как в [illegible] в тени деревьев увидели какого-то человека, который прятался, наверное, какой-то вор, злодей. Его окликнули. Он бросился бежать. Нам удалось его задержать и сейчас полиция его увезет...

— Но почему вы думаете, что это вор?

Растерявшись, управляющий пробормо[illegible]

— Ну как же! Он был плохо одет. И потом в это время, в саду...

Леди Белтэм надменно спросила:

— Как он объяснил свое появление з[illegible]

— У него не было на это времени. Мы его сразу схватили! Вы же знаете, леди Белтэм, силу нашего Уолтера

Леди Белтэм снова обратилась к управляющему:

— Я осуждаю грубость. Я надеюсь, этот человек не ранен? Нужно было расспросить его, прежде чем избивать! Где ваше милосердие!

Озадаченный управляющий молчал.

Леди Белтэм немного смягчила тон

— Пригласите Уолтера!

Через несколько минут привратник с мускулатурой исполина вошел в вестибюль. Он неловко поклонился хозяйке.

— Как могло случиться, что в такое время кто-то проник на территорию особняка?

Уолтер мял фуражку и бормотал:

— Да простит меня ваша светлость! Я и сам этим поражен... как он дрался! Двое слуг присматривают за ним.

— Он объяснил свое вторжение?

— Нет, но утверждает, что ваша светлость известна своей чрезвычайной добротой, говорит, что вы — друг всех униженных, и хочет увидеть вас!

— Я должна встретится с ним!

На эти слова леди Белтэм управляющий Сильвертаун не сдержался:

— Ваша светлость, позвольте предостеречь вас! Этот человек — безумец... Он замышляет какую-то хитрость. После убийства лорда Белтэма...

Леди Белтэм жестом остановила управляющего и твердо произнесла:

— Я его увижу, я обязана быть милосердной. Пусть его приведут!

...Говорите, — сказала леди Белтэм неуверенно. Тип с растрепанной шевелюрой и неухоженной бородой, которого привели управляющий и Уолтер, стоял перед нею. Он был одет в темный костюм, у него было болезненное, усталое лицо.

Не глядя на леди Белтэм, он глухо пробормотал.

— Я буду говорить с вами только наедине!

— Наедине? Вы хотите сообщить мне что-то очень важное?

— Если вы знаете несчастных, мадам, то знаете, что в бесконечном отчаянии они не любят унижаться перед... — Он указал на управляющего и слугу, потом, помолчав минуту в нерешительности, закончил: — Перед теми, кто не сможет их понять.

Леди Белтэм, голос которой постепенно обретал силу, ответила:

— Хорошо, я выслушаю вас наедине.

И, обратившись к слугам, приказала:

— Идите!

На закрытую дверь вестибюля упала тяжелая бархатная портьера. Леди Белтэм осталась наедине с [illegible]ным типом, которого она так легко согласилась выслушать с глазу на глаз.

Леди Белтэм закрыла дверь по[illegible], чтобы быть уверенной, что никто не войдет, затем, стремительно бросившись к мужчине, который неподвижно стоял посередине комнаты и следил за всеми ее движениями, упала в его объятия.

— О! Я тебя люблю. Я тебя люблю!.. — воскликнула она. — Гурн! Мое сердце!

Она всмотрелась в его лицо, из ссадины на лбу выступила кровь.

— Боже мой! Эти грубияны тебя ранили! Боже! Как ты страдаешь! Моя любовь!..

Затем, словно опомнившись:

— Но ты сошел с ума! Как ты решился прийти сюда?

Гурн сдержанно ответил:

— Я так долго... вас не видел!.. Сегодня вечером я бродил в окрестностях, увидел свет... Думал, что все уже спят... кроме тебя... И направился прямо... Я летел на свет, как бабочка...

Леди Белтэм восхищенно смотрела на него и шептала:

— Как я тебя люблю! Как ты красив!.. Как ты храбр! Я твоя!.. Но ведь, это безумие!.. Тебя могли арестовать!

— Я не раздумывал! Я захотел увидеть тебя!

Леди Белтэм иступленно шептала:

— Ты — часть моей души!.. Я живу только для тебя... только ты... всегда ты...

— Любовь моя! — как эхо, вторил Гурн.

Воцарилась тишина. Любовники не могли отвести взгляда друг от друга.

Сколько связывало этих людей, таких разных, таких непохожих. Война в Трансваале, поле боя, где она впервые увидела Гурна... Возвращение в Британию на корабле... Любовь...

— Как хорошо, что мы узнали друг друга, — произнес Гурн.

— Да, — отозвалась леди Белтэм. — Но наше путешествие закончилось. Лондон... Париж... Тревоги... Они только укрепили мое чувство. И вот я твоя. Твои поцелуи сводят меня с ума. Но я боюсь нашего прошлого. Вот уже тринадцать месяцев...

Леди Белтэм душило волнение.

— Да, я все помню: наша встреча в доме на улице Левер, шум шагов Открытая дверь... обезумевшее лицо твоего мужа!

— Он рухнул на пол. Я даже не помню, как все произошло... — перебила леди Белтэм.

— Он целился в твою грудь! И я прыгнул. Ударом молотка уложил его на месте. Потом стал душить... Я убийца, теперь полиция идет по моим следам.

— Скажи мне, — перебила [illegible] леди Белтэм. — Ты думаешь, полиция знает, как все произошло?

— Думаю, что нет — ответил Гурн, немного подумав. — Они считают, что я убил его в приступе [illegible]

— Надо было продумать все [illegible] Отвести подозрения... Сделать так, чтобы все подумали о... Фантомасе...

Гурн вздрогнул и перебил леди Белтэм:

—Нет! Нет! Только не это! Не говори о Фантомасе! Мы сделали все так нельзя лучше. Но надо было бежать, уехать в другую страну, за океан... А ты приехала бы ко мне?

Леди Белтэм ответила, не колеблясь:

— Я с тобой, где бы ты ни был. Хочешь, увидимся завтра там... ты знаешь, где. И договоримся обо всем, подготовим твой побег.

—Мой? — переспросил Гурн с упреком.

— Наш! — поправилась леди Белтэм.

Гурн улыбнулся. Эти слова ободрили его.

— Да будет так.

Разжав объятия, леди Белтэм едва слышно прошептала:

— До завтра...

Она подошла к двери, потихоньку открыла засов и нажала кнопку звонка, расположенную возле камина.

Вошел привратник.

— Проводите этого человека и проследите, чтобы никто не посмел причинить ему вреда! Он свободен!

Без единого слова, без единого жеста и взгляда Гурн вышел, за ним следовал Уолтер.

Оставшись снова одна, леди Белтэм с тревогой ожидала, когда раз-

Подавляя волнение, она подошла к дверям и прислушалась. Все тихо. Но внезапный шум заставил ее вздрогнуть.

.. Это он! Держите его!

... Господин инспектор, сюда!... Убийца здесь! Гурн... Это Гурн!

Силы покинули леди Белтэм, она упала на канапе, бледнее смерти:

.. Боже мой!.. Боже мой!.. Все пропало...

Возня в саду прекратилась, в коридоре раздались голоса.

.. Гурн арестован! Убийца лорда Белтэма арестован! — кричал Сильвертаун.

Донесся испуганный, тревожный голос Лизбет:

Леди Белтэм! Великий боже!

Стремительно открылась дверь вестибюля и Лизбет, увидев леди Белтэм, воскликнула:

- О! Вы живы!

Тереза и Сюзанна, заливаясь слезами, бросились к хозяйке.

Но леди Белтэм суровым взглядом [illegible] девушек и подошла к окну...

Издалека, из парка донесся голос [illegible]

- Меня схватили! Меня схватили

Ужасные слова еще звучали в ушах [illegible] когда управляющий Сильвертаун вошел в комнату с радостным видом

Я так и думал, [illegible] Несмотря на бороду, я узнал его по приметам и предупредил полицию! Впрочем, за ним уже охотились два дня. Инспектор из Сюрте выследил Гурна! Когда он выходил из дома, я подал им сигнал

Ошеломленная леди Белтэм смотрела на управляющего.

Я дал сигнал полиции, благодаря мне, леди Белтэм. Гурн, этот убийца, арестован!

Леди Белтэм еще некоторое время смотрела на человека, сообщившего ей ужасную весть, хотела что-то сказать, но неожиданно рухнула на пол без чувств..

Девушки бросились на помощь.

В этот момент в проеме полуоткрытой двери вестибюля показалась фигура Жюва.

Разрешите войти?

XXII
ДОКУМЕНТ

Пробило три часа, когда Жюв приехал на улицу Левер.

Он нашел консьержку дома № 147, где был найден труп лорда Белтэма. Жюв несколько раз проводил обыски в квартире Гурна, и консьержка хорошо его знала.

— У этого человека, — обычно говорила она мадам Авроре, квартиросъемщице и лучшей подруге, — не глаза, а бинокли! Он видит все насквозь.

Жюв вошел к консьержке, и она восхищенно приветствовала его.

— О, господин инспектор! Добрый день, а я только что...

Но Жюв не был настроен выслушивать ее болтовню.

— Где ключи от квартиры? — спросил он.

Консьержка поспешила к доске с ключами. Выбрав связку, она спросила:

— Кажется, есть новости? Я видела в газете, что господина Гурна арестовали. Значит, мой жилец действительно виновен? Вот каналья!

Жюв взял ключи и, выходя, заметил:

— Да, Гурн арестован, но пока ни в чем не признался. Следовательно, ничего не доказано.

Он уже собирался закрыть стеклянную дверь комнаты, в которой сидела консьержка, как она предложила:

— Может быть, мне подняться вместе с вами, месье Жюв?

— Спасибо мадам, продолжайте свою работу.

Эта была классическая фраза, которой во время каждого посещения Жюв огорчал консьержку.

Поднимаясь по лестнице в квартиру Гурна, Жюв задумался.

— До сих пор не могу понять, — размышлял он, — почему Гурн убил лорда Белтэма. Неизвестно, что за личность этот самый Гурн... Эта чрезвычайная дерзость, это великолепно задуманное и исполненное преступление. Никто ничего не видел и не слышал. Вот и все, что известно! Этого мало, этого явно недостаточно!

Поднявшись на площадку шестого этажа, Жюв вставил в замочную скважину ключ и открыл дверь злосчастной квартиры.

Войдя в прихожую и закрыв за собой входную дверь, Жюв, казалось, заколебался:

— В общем, — сказал он себе, — зачем я сюда пришел? Найти интересную улику? Но я уже все здесь обыскал раз десять и никаких результатов!

Полицейский сел в кресло и погрузился в глубокие размышления.

— Черт возьми! Я напрасно здесь все перерыл. Все на месте, все цело

Ни одного следа, который бы позволил мне применить динамометр господина Бертильона!

Жюв поднялся. Темперамент не позволял ему долго оставаться без движения. Он еще раз обошел всю квартиру:

— Кухня. Не упустил ли я чего-нибудь по рассеянности? Там ничего нет интересного... Плита? Буфет? Я все осмотрел! Прихожая? Тоже ничего!

Он прошел в столовую.

— Мебель я ведь не раз уже осматривал! Я проверил и весь багаж Гурна, приготовленный им к отъезду. Внутри нет ничего, что могло бы меня заинтересовать.

Взгляд Жюва остановился на кипе сложенных в углу комнаты журналов. Он пнул их ногой.

— Я ведь смотрел все это, перечитал все и ничего не нашел...

Он прошел в спальню Гурна.

— Здесь тоже ничего.

Рядом с камином у стены стоит маленький секретер, который служил и полкой для книг.

— Здесь я не искал, но мои противники сделали это в тот день, когда меня не было, и глупо рассчитывали, что какая-то мелочь, какая-то деталь осталась ими незамеченной.

Жюв сел перед маленьким бюро и начал методично перекладывать разбросанные бумаги.

Он уже заканчивал сортировку, как вдруг воскликнул:

— Вот это уже интересно!

Жюв развернул большой лист пергаментной бумаги и понял — он знал английский — это был диплом сержанта, который получил Гурн, когда сражался в Трансваале.

Закончив чтение, Жюв уныло махнул рукой.

— Документ имеет вид подлинника! Да это и есть подлинник. Этот негодяй хорошо сражался, был когда-то честным человеком...

Жюв, постукивая пальцами по бюро, размышлял вслух:

— Гурн — это на самом деле Гурн? И не ошибался ли я от начала и до конца, [illegible]

Он снова принялся за работу, рассматривая книги, он брал их за обложки, сильно встряхивал, проверяя, не спрятано ли что-нибудь между страницами.

— Ничего!

Наконец, он взялся за ежегодные справочники по навигации.

— Судя по всему, Гурн честно выполнял свои профессиональные обязанности, — отметил Жюв.

Он снова вернулся к тому, что его беспокоило:

— Гурн... На самом деле он — Гурн или кто-то другой?

Потом поразмыслил минуту:

— Нет, этого просто не может быть! Но посмотрим!

Полицейский взял из библиотеки папку для бумаг, в которой находилась подборка карт Тарида.

— Проверим еще раз, — сказал он, — нет ли чего-нибудь там внутри...

И он стал разворачивать одну карту за другой.

— Черт побери! Вот она!

Жюв был да такой степени взволнован, что его руки, только что заботливо раскладывавшие на бюро одну из карт Тарида, задрожали.

— Это же, конечно, карта Центра... Здесь должны быть Каор, Брив и Сен-Жори... и Болье! Не хватает куска... того самого куска, на котором должен быть изображен этот район...

Горящими глазами Жюв смотрел на карту, из которой перочинным ножом была вырезана цен[illegible] часть с изображением окрестностей замка маркизы де Ланг[illegible]

Жюв все еще смотрел на эт[illegible]

— О, если бы можно было б[illegible] идентификацию! Если бы кусок, которого не хватает на этой карт[illegible] эта карта принадлежит Гурну, совпал с тем, который я нашел воз[illegible] вокзала в Веррьере на следующий день после убийства!

Жюв все еще смотрел на кар[illegible] Записав номер, он быстро свернул ее и собрался уходить.

Полицейский сделал несколько шагов к двери, как вдруг резкий звонок заставил его вздрогнуть. Жюв остановился.

— Черт! — подумал он. — Кто же может прийти к Гурну, если весь Париж знает о его аресте?

Он машинально проверил, на месте ли револьвер

Затем, шагнув к двери, распахнул е[illegible] и, удивленный, отступил.

— Вот это сюрприз! — сказал он, взглянув на посетителя. — Шарль Рамбер! Или, вернее, Жером Фандор?

XXIII
ВЗЫВ НА «ЛАНКАСТЕРЕ»

Молодой человек вошел в квартиру, Жюв с тревогой взглянул на него.

— Что случилось?

— Мой отец мертв! — ответил молодой человек.

— Что ты сказал? Этьен Рамбер мертв? Как?

Жером молча протянул полицейскому газету, и указал на первую полосу, где печаталась хроника происшествий. Жюв прочитал заголовок: «Гибель «Ланкастера»!»

— Не понимаю, — произнес он

—Читайте же!

Молодой человек был так взволнован, что Жюв понял: он быстрее во всем разберется сам.

В статье говорилось

«Ужасное несчастье, которое только что произошло, еще раз убеждает нас в том, что настало время принять законы, защищающие жизнь пассажиров...

Приводим краткий отчет о катастрофе, происшедшей прошлой ночью.

Пароход «Ланкастер», принадлежавший компании «Red Star Co» и обеспечивающий сообщение между Каракасом и Саутгемптоном, затонул, как только вышел в открытое море и находился еще в зоне видимости маяка на острове Уайт

В настоящее время известно, что спасся только один человек. Все остальные — члены экипажа и пассажиры пропали без вести».

Что же произошло?

Об этом, должно быть, мы узнаем несколько позже.

Смотрители маяка сразу подняли тревогу. К месту происшествия поспешили парусники, пароходы, стоявшие в порту.

Но увы! Спасатели прибыли слишком поздно!

Поиски длились несколько часов, но окончились безрезультатно. Только катеру «Кэмпбелл» посчастливилось подобрать единственного уцелевшего в катастрофе.

Наш коллега из «Таймс» взял интервью у спасенного. Вот что он рассказал:

— Мы вышли из порта, судно было на полном ходу. Море было довольно спокойным. Я натягивал брезент на рубку, когда раздался взрыв. Он до сих пор звучит в моих ушах... Я уверен, он произошел в грузовом трюме. Меня выбросило в море, я был оглушен. Пришел в себя в воде. Меня зацепило за один из буев. Через некоторое время экипаж «Кэмпбелла» заметил меня и спас...»

Жюв прервал чтение:

— Судно взрывается, — сказал он. — Очень странно... Насколько я понимаю, на борту не было пороха?

Жюв дочитал статью, пробежал список пассажиров. Этьен Рамбер значился среди пассажиров первого класса.

Жером Фандор глубоко вздохнул.

— Это просто рок! Никогда себе не прощу, что не пошел в тот вечер к отцу. Я не должен был вас слушать.

— Мой дорогой мальчик, — пытался успокоить его Жюв, — поверь мне, как это ни странно сейчас звучит, не отчаивайся! Нет доказательств, что твой отец мертв.

— Как? Разве вы не дочитали статью до конца, Жюв? Ведь там ясно сказано, что избороздили весь район катастрофы и теперь нужно отказаться от мысли, что кто-то остался в живых.

— Я тебе говорю, не отчаивайся. Если твой отец и купил место на этом пароходе, то это не значит еще, что он был среди пассажиров...

Заключения полицейского были так неожиданны, что Жером Фандор удивился.

— Я не понимаю вас!

Жюв сделал неопределенный жест.

— Я хочу, малыш, чтобы ты мне хоть немного верил: ты зря так огорчаешься. Нет ничего, что доказывало бы гибель твоего отца.

И поскольку Жером Фандор недоуменно молчал, Жюв переменил тему разговора:

— Есть кое-что, что я хотел бы знать, — сказал он. — Как ты здесь оказался?

— Я сразу подумал о вас, когда узнал о несчастье, — признался Фандор. — И прибежал сюда, чтобы вам обо всем рассказать.

— Но как ты узнал, что я нахожусь здесь, у Гурна?

Жером Фандор был обескуражен.

— Боже мой, — начал он, — да совершенно случайно, месье Жюв...

— Это не объяснение, — перебил его Жюв. — Как ты оказался на улице Левер?

Жером Фандор попытался уйти от расспросов полицейского.

— Вы идете? — спросил он, делая вид, что направляется к выходу.

Но Жюв остановил его:

— Ответь, пожалуйста, как ты узнал, что я здесь?

Нужно было говорить правду, и Жером Фандор признался: — Я шел за вами...

— Ты шел за мной? — воскликнул Жюв. — Откуда же?

— От вас.

— Тогда говори сейчас же, ты за мной следил?

На едином дыхании Жером Фандор выпалил:

— Я следил за вами! Я слежу за вами все время!

Жюв был изумлен.

— Все время? И я ничего не замечал? Да ты, однако, силен! Но зачем ты устроил эту слежку?

Жером Фандор наклонил голову.

— Простите, я сделал глупость, я думал, что... что вы — Фантомас.

Предположение молодого Жерома Фандора так развеселило полицейского, что он упал в кресло и громко рассмеялся.

— Ну и воображение у тебя! И почему же ты решил, что я — Фантомас?

— Я поклялся себе дойти до истины и найти преступника, которай так трагически вмешался в мою жизнь. После того, что вы мне рассказали, я понял, что Фантомас — исключительно ловкий человек. А я знаю только одного, кто так же ловок, как он. Это вы! Поэтому я и следил за вами!

— Послушай, малыш! — сказал Жюв, — ты очень удивил меня. Прежде всего, твои заключения совсем неплохи. И, наконец, ты за мной следил, а я этого не заметил... Это очень хорошо!

Полицейский внимательно посмотрел на молодого человека.

— Говори откровенно: ты понял, что ошибался? Или все еще подозреваешь меня?

— Нет, месье Жюв, — пол[illegible] Фандор. — С тех пор, как увидел, что вы вошли в этот дом, я больше не подозреваю. Фантомас, конечно, не стал бы обыскивать квартиру [illegible]...

Молодой человек замолчал. За[illegible] Жюв посмотрел на него своим проницательным взглядом:

— Знаешь, что я тебе скажу, — произнес он наконец, — мой малыш Фандор? Если в той профессии, которую ты выбрал, будешь проявлять столько же наблюдательности и инициативы, как сегодня, то станешь, уверяю тебя, неплохим полицейским репортером.

Молодой человек хотел что-то ответить, но Жюв его опередил:

— Мне нужно срочно ехать во Дворец правосудия.

— Есть что-то новое?

— Я попрошу привести интересного свидетеля по делу Гурна...

Управляющий Доллон, высунув руку в окно, удостоверился, что дождь кончился, прошелся по комнате и позвал сына:

— Жак! Где ты?

— Я здесь, в мастерской!

Старый управляющий улыбнулся...

Когда после смерти маркизы де Лангрюн баронесса де Вибре взяла его к себе на службу, Доллон устроился в одном из небольших флигелей в Кэрель. Он был рад переменам в судьбе своих детей.

Мадам де Вибре питала искреннюю привязанность и к молодой Элизабет, которую Тереза Овернуа считала своей подругой, и к Жаку, мальчику, которого считала очень смышленым.

Баронесса де Вибре поражалась способностям юного Жака Доллона в лепке. Мальчик лепил из горшечной глины статуэтки, которые снисходительная баронесса находила очень забавными. И хотя старый Доллон не был уверен в способностях своего сына, она постоянно поддерживала юношу и снабжала его необходимыми инструментами.

— Пойдешь со мной? — спросил старый управляющий сына, который прибежал на его зов. — Я пойду на речку, проверю шлюзы.

В сопровождении сына управляющий спустился в сад и уже было направился к речке, которая протекала рядом с парком, окружающим замок мадам де Вибре, когда Жак его остановил.

— Кажется, это господин Мило!

Сельский почтальон, обслуживающий поместье Кэрель, подошел к управляющему и недовольно произнес:

— Месье Доллон, можно сказать, заставляете меня бегать за вами! Я уже приходил сегодня утром, но вас не было. У меня служебное письмо, должен вручить его лично вам.

Он протянул конверт, который Доллон тут же открыл.

— Из Парижа, от судебного следователя, — сказал он и прочитал вслух:

«Месье!

Чрезвычайно буду Вам [illegible], если Вы срочно явитесь во Дворец правосудия по возможности [illegible] в мой кабинет, так как мне совершенно необходимы Ваши [illegible] показания по делу, которое Вас заинтересует. Прошу [illegible] все без исключения документы, которые Вам были выданы секретарем суда в Каоре по окончании слушания дела Лангрюн...»

Подписано: Жермен Фюзелье. Я часто встречал это имя в газетах, это очень известный судебный следователь.

Управляющий Доллон еще раз перечитал письмо и обратился к почтальону:

— Не откажетесь ли выпить стаканчик вина, Мило? Вот и прекрасно. Зайдите на минутку в дом, а я сейчас напишу телеграмму. Жак вас проводит. Вы окажете мне большую услугу, если доставите ее на телеграф.

Пока почтальон утолял жажду, управляющий Доллон писал ответ:

«Господину Жермену Фюзелье,
судебному следователю, Париж.

Выезжаю из Веррьера завтра вечером, 12 ноября, поездом в 7 часов 20 минут, в Париж прибываю в 5 часов утра. Вызовите меня депешей. Остановлюсь в отеле «Франк-Буржуа», 152, улица Бак».

Он поставил подпись, перечитал текст, и задумчиво произнес:

— Чего же они хотят от меня?

XXIV
В ТЮРЬМЕ

Гурн совершал прогулку по внутреннему двору тюрьмы Санте.

Вот уже пять дней убийца лорда Белгэма, арестованный в тот момент, когда он выходил от своей любовницы леди Белгэм, находился в заключении.

Вначале он с большим трудом переносил строгости тюремного режима, приступы депрессии сменялись приступами ярости, но Гурн, человек сильного характера, сумел овладеть собой. Он даже пытался извлечь пользу из режима для находящихся в предварительном заключении. В течение первых сорока восьми [illegible] заказывать ресторанные обеды.

Гурн заботился о том, чтобы [illegible] быть в форме.

— Черт возьми, Гурн, — [illegible] воскликнул кто-то позади него. — Вы шагаете слишком [illegible]. Я должен сопровождать вас, а не бегать за вами

Гурн повернулся и увидел [illegible] охранника в форме. Это был надзиратель Зигенталь

— Честное слово, можно подумать, что вы служили в пехоте.

— Вы не ошиблись, но это было давно...

Надзиратель перебил его:

— Я слышал, что вы получили чин сержанта на полях сражений Трансвааля? А я, — сказал папаша Зигенталь, — я был только капралом... Как же вы, Гурн, бывший военный, человек чести могли совершить такое преступление? Признайтесь, всему виной женщина? Преступление в приступе ревности, не так ли?

Гурн пожал плечами и искренне ответил:

— Вовсе нет, месье Зигенталь, я убил потому, что мне нужны были деньги...

Зигенталь посмотрел на арестованного и лицо его омрачилось. По его мнению, Гурн был достоин сожаления.

Пробили часы, прогулка закончилась.

С безучастным видом Гурн возвращался вместе с надзирателем в свою камеру.

— А ведь я вам не сказал, что мы расстаемся, — заявил Зигенталь, когда они с Гурном поднимались на четвертый этаж, где содержался арестованный.

Гурн спросил:

— Меня переводят в другую тюрьму?

— Нет, это я перехожу. Представьте, меня назначили в Пуасси. Приказ был подписан позавчера, а утром меня утвердили. Сегодня вечером

я уезжаю в отпуск и через неделю заступаю на новом месте.

— Вы довольны этой переменой?

— Я уже давно надеялся на это назначение, — ответил Зигенталь. — Наконец, это свершилось, и так неожиданно... Там гораздо спокойнее!

Арестованный и надзиратель остановились перед камерой № 127. Надзиратель отодвинул щеколду.

— Входите! — приказал он Гури. Тот повиновался.

Зигенталь ушел.

Оставшись один в камере, Гури задумался.

Он признался в убийстве лорда Белтэма. Гури полагал, что выдвигая мотивом преступления ограбление, отводит подозрение от леди Белтэм..

В коридоре раздался протяжный голос надзирателя:

— Камера 127, Гури, приготовьтесь. Вас приглашают в приемную адвокатов!

Через несколько секунд дверь камеры № 127 открылась и вошел надзиратель с веселой физиономией [illegible]. Младший тюремный смотритель Нибе, без сомнения, был рад повышению по службе.

Гури что-то проворчал, в спешке натягивая куртку.

Со своим адвокатом, известным мэтром Барберу — специалистом по ведению судебных процессов — Гури [illegible] исключительно любезно.

Своему защитнику Гури рассказал все, что считал нужным.

Заключенный шел впереди смотрителя Нибе знакомой дорогой к камере, которую администрация [illegible] для встреч с адвокатами.

Строители, прервавшие работу, [illegible] посмотрели на арестованного.

Нибе провел Гури в приемную адвоката и почтительно произнес:

— Вы только позвоните, мэтр, когда все закончится.

Гури увидел не своего защитника, а молодого человека, одетого с неоспоримым шиком.

Роже де Сера, секретарь мэтра Барберу, приветствовал Гури любезной улыбкой, но руки не подал, посчитав, очевидно, что это будет слишком фамильярно.

Гури это нимало не обидело, напротив, чуть позабавило.

Роже де Сера считал себя человеком светским и начал с извинений.

— Вы меня извините, — сказал он высоким голосом, — что я пробуду с вами всего несколько минут, но внизу, в моем автомобиле, меня ожидают две дамы... Представьте, они ужасно хотят вас увидеть. Признайтесь, Гури, лестно, когда вас считают знаменитостью.

Гури кивнул, но было видно, что его это не занимает.

— По моему делу нет ничего нового?

— Насколько мне известно, абсолютно ничего, — ответил Роже де Сера.

Он внезапно развеселился:

— Вы знаете... леди Белтэм?

Гури ничего не ответил, и молодой человек продолжал болтать.

Я [illegible] же знаю! Я часто бываю в разных салонах и не раз встречал [illegible]зрительная женщина!

Озадаченный Гури не знал, как вести себя с этим легкомысленным человеком, который казался ему все глупее. Он уже собирался поставить [illegible] болтуна на место, но тот вдруг вспомнил:

Надо же! — сказал он, рассмеявшись. — Самое главное я и забыл! Представляете, Жюв, эта скотина Жюв хочет сделать из себя героя. Вчера после обеда он обыскал вашу квартиру.

Сам? — спросил Гури заинтересованно.

— Да, сам. [illegible] перерыли, но, разумеется, он обнаружил нечто сенсационное! Угадайте, что, ставлю тысячу!

— Я никогда не держу пари, — ответил Гури.

Стажер, гордый [illegible] привлечь внимание знаменитого клиента, сделал паузу и, взвешивая каждое слово, сказал:

— Он обнаружил [illegible] карту Гарила, наполовину разорванную...

И что же? — спросил Гури и голос его дрогнул.

— Ну-у... — протянул молодой мэтр, не замечая волнения Гурна, — это кажется Жюву чрезвычайно важным!.. Между нами говоря, я считаю, что в конце концов Жюв окажется в дурацком положении. Как эта находка [illegible] положение? Думаю, что вам не стоит обращать [illegible] меня уже есть кое-какой опыт в криминальных процессах [illegible] смягчающие вину обстоятельства...

И мгновенно перескакивая от одной мысли к другой:

— Еще одна новость! Мы будем слушать нового свидетеля.

Удивленный Гури широко открыл глаза:

Нового свидетеля?

Да! Да! Нового свидетеля. Его зовут... подождите, как же?.. Доллон, управляющий Доллон!

— Не понимаю, — прошептал Гури, опустив голову и уставившись в пол.

Подождите! Я же вам говорю, есть связь! Управляющий Доллон — это один из слуг баронессы де Вибре. А баронесса де Вибре — опекунша той девушки, которая находилась у леди Белтэм в тот вечер, когда вы... Мадемуазель Терезы Овернуа.

— И что же из этого следует?

— Ну, н... — сказал стажер, — ну откуда я знаю! Мадемуазель Тереза Овернуа была представлена леди Белтэм господином Этьеном Рамбером. Господин Этьен Рамбер — отец молодого человека, который в прошлом году убил маркизу де Лангрюн. Я говорю вам обо всем этом, не делая каких-либо выводов, потому что совсем не понимаю, зачем пригласили на этот процесс управляющего Доллона...

— А я тем более, — вздохнул Гури.

Дорогой мой! — воскликнул молодой человек, — я вас покидаю! Мы болтаем уже полчаса, а эти дамы ждут меня...

Он уже нажал кнопку, чтобы вызвать надзирателя, как Гури вдруг

остановил его жестом.

— Скажите, — спросил он с заинтересованным видом, — когда приезжает этот человек?

— Кто?

— Этот... Доллон?

Стажер немного подумал. Он уже собирался сказать, что не знает, но потом спохватился:

— Черт! — сказал он. — Я такой забывчивый! Ведь у меня в портфеле лежит копия телеграммы, которую он послал судебному следователю. Вот она...

Он передал телеграмму Гуру, и тот прочитал:

«Выезжаю из Веррьера завтра вечером, 12 ноября, поездом в 7 часов 20 минут, прибываю в Париж в 5 [illegible] утра».

Гури прекрасно владел собой, [illegible] не придал тексту телеграммы никакого значения.

Через несколько минут мэтр Роже де Серан присоединился к своим подругам, а заключенный вернулся в камеру.

XXV
НЕОЖИДАННЫЙ СООБЩНИК

После этой встречи Гурн [illegible] по камере.

Щелкнул засов, и в полуоткрытой [illegible] появился Нибе, новый надзиратель.

— Эй, Гурн, добрый вечер! [illegible] Уже шесть часов. Пришел продавец вина, он спрашивает, [illegible] ли вам к обеду?

— Нет... — проворчал Гурн. [illegible] пользоваться казенной едой.

— А, надо полагать, карман пуст!

В нетерпении Гурн собирался показать новому надзирателю, до какой степени ему мешает его присутствие, но тот приблизился к арестованному и тихо прошептал:

— Вот, возьми это!..

Гурн с изумлением смотрел на банковский билет.

— И, — продолжал Нибе тем же тоном, — если тебе понадобятся еще, то можно устроить.

Гурн хотел что-то спросить, но надзиратель сделал ему знак молчать.

— Я сейчас вернусь, ведь нужно заказать тебе хороший обед!

Оставшись в одиночестве, Гурн глубоко вздохнул. Его любовница не забыла о нем: он теперь знал, что его избавят от жуткого обвинения.

Дверь камеры снова открылась.

— Ну вот, — воскликнул надзиратель, который держал в руках ивовую корзину с обедом и бутылкой вина. — Вот и еда.

— Честное слово, — признался убийца лорда Белтэма, улыбаясь, — это все очень кстати. Неплохая идея, месье Нибе, устроить настоящий обед.

Нибе многозначительно подмигнул, он был благодарен арестанту за эти слова.

— Так, значит, вы заменили Зигенталя? — произнес Гурн, и протянул надзирателю стакан вина.

— Боже мой, конечно, — ответил Нибе для порядка немного поломавшись. — Я уже давно просил это место. Даже обращался к депутатам, чтобы похлопотали за меня. Ведь, кажется, их слушают больше всего. Но, несмотря на это, дело не двигалось. И, представьте себе, совсем недавно меня вызвали в Министерство юстиции, один из служащих сказал мне, что кто-то из посольства интересовался мною. Короче говоря, [illegible] Зигенталь был назначен в Пуасси, а я получил его место.

Гурн с заинтересованным видом покачал головой.

— А... что это за деньги? — спросил он.

Надзиратель пояснил:

— Это еще более необъяснимо. Прошлым вечером меня на улице встретила какая-то дама... «Это вы Нибе?» — спросила она меня. «Я — Нибе», — ответил я.

Она сунула мне в руку банковские билеты, целую пачку. Дама дала мне понять, что интересуется мною, то есть вами... и, если дела пойдут так, как она хочет, то найдутся еще такие же голубые бумажки.

Пока он говорил, Гурн внимательно за ним наблюдал.

Это был человек [illegible]. Сразу было видно, что он легко поддается соблазнам. И Гурн перевел разговор в нужное ему русло.

— Я здесь ужасно скучаю! — сказал он, фамильярно положив руку на плечо надзирателя.

Тот, несколько обеспокоенный, поднял голову.

— Я в этом не сомневаюсь! Но пройдет время и все устроится.

— Все устроится, если помогать, — сказал Гурн повелительным тоном, — и мы поможем. Разумеется, всякий труд должен оплачиваться и совсем не обязательно тюремному надзирателю рисковать своим местом из-за побега арестанта!

— Черт возьми! — воскликнул Нибе.

— Не бойся, Нибе! Мы не наделаем глупостей. Давай поговорим серьезно. У тебя еще будет свидание с той благородной дамой, которая передала для меня деньги?

Поколебавшись, надзиратель ответил:

— Я должен встретиться с ней сегодня в одиннадцать часов.

— Прекрасно, — продолжал Гурн. — Ты ей скажешь, что нужно десять тысяч франков.

— Десять?

— Десять тысяч, — повторил Гури, — десять тысяч завтра утром. А потом еще пятнадцать франков для меня.

— А если я попаду под подозрение? — заметил Нибе.

— Дурачок, это будет лишь служебная оплошность. Я не допущу, чтобы ты оказался соучастником. Послушай, — продолжал он убедительно, — ведь ты получишь еще пять тысяч франков, и если мой план не удастся, тебе придется лишь сбежать в Англию, где ты будешь обеспечен до конца дней.

— У меня жена и двое детей...

— Разумеется, и для твоей семьи все будет сделано.

— Но, — колебался надзиратель, уже готовый уступить, — кто мне все это гарантирует?

— Та дама, говорю я тебе, та самая дама! Вот, отдашь ей это.

Гури торопливо вырвал лист из записной [illegible] и набросал карандашом несколько слов.

На следующий день, это было 12 ноября, Гури после своей ежедневной прогулки вернулся в камеру.

Он провел беспокойную ночь, обдумывая план побега.

Утром пришел Нибе, глаза его блесте[illegible]ало таинственность. Он вытащил из-под куртки небольшо[illegible] протянул его Гурну:

— Спрячь это!

Во время прогулки они снова оказались [illegible] и смогли побеседовать.

Нибе объяснял:

— Вот уже три недели около двадцат[illegible] чинят крышу и ремонтируют некоторые камеры. Камера № [illegible], которая находится рядом с твоей, свободна и там нет решеток. Через окно строители выходят на крышу. Приходят они утром, уходят в полдень, через час возвращаются и снова уходят в шесть вечера. В[illegible] их знает, но не всегда рассматривает в лицо, когда они проходят мимо. Возможно, тебе удастся уйти с ними!

В том пакете, что я тебе принес, брюки и куртка рабочего. Тебе придется только переодеться... Без четверти шесть строители, которые выходят на крышу через камеру, спускаются через слуховые окна чердака и идут к лестнице, ведущей к канцелярии суда, идут мимо канцелярии, пересекают два двора, затем выходят через главный вход. Без десяти шесть я тебя открою, ты пройдешь в соседнюю камеру, выйдешь на крышу, спрячешься между трубами. Тебе придется ждать две-три минуты. Рабочие не задерживаются, уходят очень точно. Ты уйдешь с ними... Нет! Ты их пропустишь и пойдешь последним, возьмешь лопату на плечо; перед канцелярией, во дворе, всюду, где могут тебя заметить, будешь притворяться, что догоняешь товарищей, но, разумеется, тебе придется следить, чтобы они все время были на несколько метров впереди...

Когда [illegible] привратник пойдет закрывать дверь, ты позовешь его и попросишь:

— Подождите, папаша Морон, не оставляйте меня здесь, я ведь не из [illegible]! Пропустите, я догоню товарищей!..

А когда окажешься за стенами тюрьмы, выпутывайся сам.

В правый карман твоей куртки я положил десять банковских билетов по сто франков.

Гури спросил

— В котором часу обнаружат мой побег?

Смотритель подумал:

— Я буду дежурить ночью. Положи подушку и одежду в постель так, чтобы можно было подумать, что ты спишь. Тогда можно будет предположить, что я обманулся. Я заканчиваю дежурство в пять. Новый обход будет в восемь часов. Тогда мой сменщик откроет камеру. Но ты будешь уже далеко!

XXVI
СТРАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Элизабет и Жак Дол[illegible] водить отца на вокзал в Веррьере, откуда он должен б[illegible] Париж

Прибыв на вокзал [illegible] давал детям последние наставления:

— Элизабет, обе[illegible]ся! Из-за твоих подопечных бедняков не сто[illegible] рано. А ты, Жак, знаешь свои обязанности. При[illegible] а то садовники частенько о них забывают.

— Обязательно, па[illegible]

— Впрочем, [illegible] если случится что-нибудь серьезное, сразу телеграфируй [illegible]

В это время при[illegible] поезд. Долон обнял Жака и Элизабет и вошел в вагон первого класса

На колокольне в соседней деревне часы пробили три.

Хлестал дождь, ветер гнул высокие тонкие тополя, которые в темноте обретали фантастические очертания.

Вдоль насыпи железнодорожного полотна уверенной походкой шел человек, который, казалось, не замечал непогоды.

Мужчина лет тридцати был одет в длинный плащ, поднятый воротник скрывал нижнюю часть лица.

Борясь с ветром, который проникал под его широкую одежду, незнакомец упрямо шел вперед.

При вспышке молнии он остановился, чтобы сориентироваться.

— Похоже, я уже недалеко от нужного места, — подумал он и двинулся дальше.

— Наконец-то я добрался!

По обе стороны дороги рос густой кустарник, почти полностью скрывающий линию.

Человек остановился, осторожно положил на землю объемистый пакет и стал ходить взад и вперед, стараясь согреться.

— Только что пробило три часа, — подумал он. — По расписанию поезд будет минут через десять...

Он посмотрел на пакет, который лежал на земле.

— Он тяжелее, чем я предполагал и великоват. Впрочем, справлюсь. Насыпь здесь земляная, трава густая.. дорога прямая, огни состава видны издалека... добегу...

Незнакомец усмехнулся про себя...

— Кто бы мог подумать, что мне когда-нибудь придется садиться в поезд на ходу.

Отдаленный смутный шум оторвал его от размышлений.

— Внимание!.

В одну секунду он прыгнул к пакету, схватил его и, забравшись на насыпь, присел, прислушиваясь и стараясь не выдать себя ни одним движением.

Железная дорога в этом месте взбира[illegible] крутой склон.

Мужчина прошептал:

— Только бы не ошибиться! Да будет [illegible] звезда!

Приближался поезд. Он шел с умерен[illegible]

Как только поезд поравнялся с кустарни[illegible] гибко, как кошка, бросился вперед. Тендер, багажные вагоны, а потом и вагоны третьего класса пронеслись мимо [illegible] стремительно, стараясь не отстать от вагона второго кл[illegible] всех сил бежал.

Это был бег, который по силам только хорошо тренированному спортсмену.

С большим усилием незнакомец схватился за [illegible] поручни двери вагона и ловко вспрыгнул на подножк[illegible]

Поднявшись на вершину склона, поезд начал ускорять ход, набирая потерянную при подъеме скорость.

Незнакомец отдышался, сел на ступеньку и приложился ухом к вагонной двери

— Тихо, – подумал он. – Впрочем, в это время все спят...

Неизвестный поднялся, очень осторожно, чтобы не производить ни малейшего шума открыл дверь в вагон. Через несколько секунд он уже был в коридоре. Никого.

Он отряхнулся и, уже не таясь, вошел в туалетную комнату. Провел влажным платком по лицу, испачканному сажей. С самым естественным видом выйдя из туалета, прошел в коридор, вполголоса разговаривая с собой не опасаясь, что кто-нибудь услышит его слова.

— Это невыносимо, в конце концов! С такими попутчиками невозможно уснуть!

Продолжая разговаривать таким образом, незнакомец шел по вагонам, он был уже почти в середине состава, когда нашел то, что ис-

хал. В купе спало трое пассажиров.

Пользуясь тем, что дверь купе была полуоткрыта, неизвестный бесшумно проскользнул внутрь. Он сел на свободное место, положив рядом пакет, и притворился, что дремлет...

Прошла добрая четверть часа. Убедившись, что его спутники спят глубоким сном, незнакомец потихоньку засунул правую руку в пакет, который только что положил на сиденье рядом с собой. В течение минуты он как будто что-то искал в пакете, потом также бесшумно вытащил руку и вышел из купе, тщательно прикрыв за собой дверь.

Выйдя в коридор, таинственный [illegible] закурил сигарету и вздохнул с облегчением:

— Пока все идет чудесно, можно поздравить себя с первой удачей. Даже эта проклятая буря работает на меня... В такую погоду никому не придет в голову открывать он[illegible].

Он прохаживался по коридору, ежеминутно поглядывая на часы.

— Времени не так много, — думал он. — Нужно спешить, а то как бы мой субъект не опоз[illegible]

Эта мысль его как будто развеселила, и неизвестный улыбнулся, вытянул руку, чтобы дым от сигареты не попадал ему в лицо, и принюхался.

— Запах чувствуется, но распознать его происхождение может только специалист.

Он прислушался. В вагоне бы[illegible]

— Ну! Прошло двадцать минут... За дело! — приказал он сам себе.

Быстрым шагом он вет[illegible] несколько минут назад, окинув взглядом коридор, [illegible], что никого нет, вошел в купе, закрыл дверь и уже без всяких предосторожностей подошел к окну и опустил стекло.

При мигающем свете лампочки под плотным абажуром он внимательно вгля[illegible] в своих попутчиков.

Все трое [illegible] спали.

Му[illegible]чина усмехнулся.

Он подтянул к себе пакет, проскользнул в него рукой, нашел то, что хотел, и отбросил пакет на сиденье.

— Пока все идет как задумано!.. — произнес он.

Затем, пройдя по купе, приблизился к одному из пассажиров.

Быстро просунув руку под его куртку, он вытащил оттуда портмоне, вынул из него документы и проверил их.

— Вот чего я боялся! — воскликнул неизвестный.

Он взял одну из бумаг, переложил ее в свой портфель, а другую положил в портфель жертвы. Закончив операцию, он вернул портмоне на место.

Осуществив эту дерзкую кражу, неизвестный снова посмотрел на часы:

— Пора!

Он [illegible] предохранительную задвижку на двери купе, распахнул

...обхватил ограбленного пассажира, приподнял его и с силой вышвырнул из вагона.

Через секунду туда же проследовал и багаж жертвы.

Закончив дело, неизвестный с удовлетворением потер руки:

— Отлично!

Закрыв купе, но оставив открытым окно, он поспешил с места преступления.

Два других пассажира продолжали спать.

Через несколько минут таинственный незнакомец уже устраивался в купе другого вагона, расположенного ближе к голове поезда.

— Мне повезло, — подумал он, растянувшись на полке и удобно устраиваясь. — Мне повезло! Все прошло без сучка и задоринки!

В эту минуту прогрохотал состав, идущий на полной скорости в противоположном направлении.

— Я зря боялся, что мой добрый малый опоздает на свой поезд! Через пять минут он его дождется... Пусть теперь господин Жюв ищет улики.

— Жювизи! Жювизи! Стоянка две минуты!

Железнодорожные служащие бегали вдоль состава, который только что остановился, будили пассажиров, так как было очень рано и все еще спали. Из купе второго класса мужчина [illegible] спрыгнул на перрон и направился к выходу из вокзала. Он [illegible] руках билет, который протянул служащему.

— Абонемент! — бросил он небрежно.

Удаляясь большими шагами в направлении [illegible]земного перехода, он подумал:

— Великолепная идея взять абонемент, [illegible] тысячу раз безопаснее, чем билет, который всегда может обнар[illegible] полиция!

Мужчина перешел дорогу и пошел по тропинке, [illegible] спускавшейся к Сене.

Не обращая внимания на грязь, незнакомец вышел в поле и направился к лесочку на берегу реки. Он внимательно огляделся, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает, снял свой длинный плащ, брюки, сбросил куртку и переоделся.

Затем расстелил на земле плащ, бросил на него самые большие камни, которые смог найти поблизости, и уложил туда все, что снял с себя, завязал все крепкой веревкой.

— Ну вот, теперь, кажется, все!..

Схватив сверток и размахнувшись, он бросил его в реку подальше от берега.

Немного позже строитель, одетый в обычную рабочую одежду, появился на вокзале Жювизи и попросил у кассирши билет третьего класса до Парижа.

Пассажирский поезд Париж-Люшон только что пересек фортификации. Вокзал Аустерлиц — конечная остановка — был уже виден. Вблизи товарной станции состав неожиданно остановился. Удивленные пассажиры высыпали из дверей.

— Почему остановился?

— Может быть, несчастный случай?

— Проклятая компания!

В то время трое подошли к составу и двинулись вдоль него, тщательно осматривая каждую дверь.

Пассажирский поезд Париж — Лион только что пересек фортификации. Вокзал Аустерлиц — конечная остановка — был уже виден.

Один из них был хорошо одетый мужчина, двое других — в форме железнодорожных служащих.

— Смотрите, господин комиссар! — сказал вдруг один из них. — На этой двери не [illegible] предохранительная задвижка. Единственная во всем составе...

Взявшись за [illegible] и вошел в него. Двое пассажиров [illegible] одновременно повернули головы к [illegible].

— Господа, — сказал вошедший. — Я комиссар по специальным поручениям [illegible] провести расследование. На рельсах [illegible]. По всей вероятности, это пассаж[illegible].

— Ночью, когда мы спали, наш третий попутчик исчез. Я заметил это, но месье предположил, что он сошел на какой-то станции, — сказал один из пассажиров.

— Как он выглядел? — [illegible]

— Он был с бакенбардами [illegible] крепкое. На вид ему было лет шес[illegible].

— Похоже, [illegible] тот самый [illegible], труп которого найден... Но, — продолжал комиссар, — на путях [illegible] еще и багаж. Вряд ли самоубийца стал выбрасывать свои вещи, у вора тоже не было никакого интереса избавляться от них...

Пассажир, который до этого молчал, перебил комиссара.

— Вы ошибаетесь, месье, не все было выброшено...

И он указал на лежащий на скамье пакет.

— Я думал, — сказал он, — что это принадлежит месье, — он кивнул на своего попутчика, — но оказалось, что это не его пакет...

Комиссар быстро развязал на пакете ремни и в изумлении отпрянул.

— Черт возьми! Бутылка с углекислотой... Этот пакет принадлежит исчезнувшему господину?

Оба пассажира отрицательно покачали головой.

— Не думаю, — сказал один из них, — я бы заметил, но при нем не было этого свертка.

— Четвертый пассажир был в вашем купе?

— Нет, — ответил один из собеседников, — мы ехали втроем...

Но второй пассажир перебил его:

— Это, конечно, странно, я не совсем уверен, но у меня такое смутное чувство, что пока мы спали...

— Вам повезло, господа. Я еще не совсем точно представляю, как все произошло, но преступник действовал дерзко.

Комиссар выглянул из двери вагона и крикнул:

— Отправляйте состав!

XXVII
ТРИ УДИВИТЕЛЬНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯ

На исходе ночи с 12 на 13 ноября Нибе ушел со службы. Придя домой в пять утра, он тотчас же лег спать, чтобы к полудню быть снова на дежурстве в тюрьме.

Обычно надзиратель спал глубоким сном, но на этот раз, подремав полчаса, он проснулся.

Его тревожили последствия побега Гурна, которому он помог.

Нибе встал. Была половина двенадцатого. Несомненно, все уже знали о побеге Гурна. Дневной дежурный [illegible] и будил арестантов. Возможно [illegible] заметил, но через час, в восемь, когда заключенным [illegible] обязательно обнаружится, что камера пуста. И тогда [illegible]

Нибе вышел из своей квартиры [illegible] и направился к тюрьме. Когда до тюрьмы [illegible] метров, он заметил строителей, которые выходили на [illegible]

Нибе подошел к ним в [illegible] его, они поделятся какими-то новостями. Но [illegible] Никто не сказал ему того, чего он ждал. Нибе встревожился.

— Неужели меня подозревают? — подумал он.

Но потом спохватился.

— Какой же я глупец! Разумеется, ни мои товарищи, ни дирекция не будут говорить рабочим о побеге Гурна!

Проходя мимо вахтера, Нибе чувствовал, как сильно бьется его сердце.

Что скажет ему папаша Морэн?

Папаша Морен был занят ремонтом печи, и когда Нибе с ним поздоровался, вахтер рассеянно ответил ему.

Нибе пересек двор, в конце которого находилось помещение для секретарей.

Через окна он разглядел служащих: одни были заняты делами, другие читали газеты, никто не казался озабоченным или взволнованным.

Нибе отрапортовал о явке старшему службы надзирателей и прошел [illegible] Он так нервничал и волновался, что шарахался от своих коллег, которых встречал по пути.

Неужели бегство убийцы лорда Белтэма не вызвало ни у кого беспокойства?

Нибе хватило силы воли неспешно подняться в свое отделение. Он вошел в тот момент, когда часы пробили двенадцать. Нибе был человеком военной точности — никогда не опаздывал и не приходил раньше положенного времени.

— Кола, — обратился он к коллеге, — вот и я. Ты свободен.

— Отлично! — отозвался надзиратель. — Я удаляюсь до шести вечера.

Кола направился к выходу.

— Ничего нового нет? — поинтересовался Нибе с таким бесстрастием, на какое только был способен.

Кола ответил столь же безучастно:

— Ничего! — И вышел.

Не в силах сдержать себя, забыв об осторожности, Нибе бросился к камере Гурна и открыл дверь..

Крик удивления вырвался у [illegible] из груди. Гурн сидел в изножье кровати.

Скрестив ноги и [illegible] блокнот, убийца лорда Белтэма что-то старательно писал. [illegible] он даже не заметил надзирателя.

— Как же так? — пробормо[illegible] Нибе. — Как же так? Ты здесь?

Гурн поднял голову

— Я здесь!

Нибе побледнел и, чтобы [illegible] прислонился к стене...

Гурн все еще смотрел [illegible] заговорил, подбадривая Нибе улыбкой:

— Не стоит удивляться. Я здесь, и все это не имеет никакого значения. Забудь о вчерашнем разговоре!

— Как же так? Ты не ушел? — повторил Нибе.

— Нет, — ответил Гурн, — и если тебя это так интересует, то скажу, в самый последний момент я побоялся рисковать!

Нибе внимательно осмотрел все углы камеры. Под умывальником он заметил небольшой пакет с одеждой, который накануне принес арестованному. Прежде всего нужно было убрать эти опасные вещи.

Нибе спрятал пакет под курткой и с удивлением почувствовал, что холодная влага проступила через бумагу. Сверток был мокрый.

— Гурн, ты хочешь меня обмануть! Одежда мокрая, ты выходил ночью.

Гурн насмешливо глянул на надзирателя:

— Неплохо! — сказал он. — И даже логично.

Нибе собирался продолжать свои расспросы, но Гурн опередил его:

— Да, я пытался выйти вчера вечером и даже дошел до канцелярии, но в последний момент испугался. Снова поднялся на крышу, с нее вернулся в камеру 129, но в свою попасть не смог. Дверь 129-й была закрыта на задвижку снаружи. Я опять выбрался на крышу и пробыл там

всю ночь. Утром, когда надзиратели еще полусонные, я воспользовавшись приходом рабочих, спустился с крыши и через коридор своего этажа прокрался в свою камеру...

Слушая вполне правдоподобные объяснения Гурна, Нибе думал про себя

— Хорошо, что все так получилось, но как к этому отнесется загадочная и щедрая дама?

Своей тревогой простодушный Нибе поделился с арестантом.

Гурн рассмеялся в ответ

— Не все кончено. Дело, наоборот, только начинается. Может быть, мы хотели тебя просто проверить, посмотреть, на что ты способен. Успокойся, Нибе, если я сейчас в тюрьме, то только потому, что на то есть причины.

Во Дворце правосудия беседа господина Фюзелье с Жювом проходила с глазу на глаз.

— Господин судебный следователь, я повторяю, что придаю находке карты Тарида чрезвычайное значение, — произнес Жюв.

— Неужели?

— Да, и вот почему [illegible] убийство маркизы де Лангрюн, в замке Б[illegible] небольшой обрывок карты с изображением [illegible] трагедия. Я передал находку судебному следоват[illegible] де Прелю.

Он не придал никакого зн[illegible]. Я, признаться, тоже не счел карту уликой

— Верно, — согласился господин Фюзелье. — Ничего интересного.

Жюв улыбнулся.

— Господин Фюзелье, ваше мнение совпадает с мнением господина де Преля; и я вам повторю, что говорил ему: если когда-нибудь обнаружится недостающая часть карты, по ней можно будет найти владельца, а тогда выводы будут иные...

— Какие же?

— А вот какие, — продолжил Жюв. — Часть № 1 карты, найденная в Больье, допустим, принадлежит X. Я не знаю господина X., но в Париже я нахожу часть № 2, которая принадлежит Гурну; если получится так, а я думаю, будет именно так, обе эти части вместе составляют одно целое. И тогда логично предположить, что ее владелец Гурн!

— Как это доказать?

— Для этого мы решили пригласить Доллона, бывшего управляющего маркизы де Лангрюн. Если у него сохранился первый обрывок карты, то мы направим обе части на экспертизу.

— Хорошо! — сказал Фюзелье. — Но если результат будет положительный, можно ли будет заключить, что Гурн и убийца маркизы де Лангрюн — одно и то же лицо? Не слишком ли это смело?

Фюзелье хотел еще поговорить с Жювом о других делах, но секретарь суда бесцеремонно прервал их беседу:

[illegible] судебный следователь, пробило два часа. Вас ждут обвиняемые и несколько свидетелей...

— Я готов! — кивнул Фюзелье.

Секретарь положил перед ним два объемистых тома.

Один из них привлек внимание Жюва. На обложке значилось: «Дело по «Руаяль-Паласу».

— Ничего нового по краже у Ван ден Розен и у Сони Данидофф? — спросил он.

А [illegible] судебный следователь отрицательно покачал головой, продолжил.

— Вы сейчас будете допрашивать ночного дежурного Мюллера?

— Да, — ответил судебный следователь.

— Доставьте мне удовольствие и допросите потом Гурна по делу Белтэма, — попросил Жюв.

— Хорошо.

— Я бы попросил вас свести обоих в моем присутствии.

Фюзелье с удивлением [illegible] Жюва: какая связь могла быть между двумя [illegible] ранними?

Похоже, что Жюв [illegible] и все зашел слишком далеко.

— У вас есть какие-то [illegible]?

— Есть, [illegible]

Жюв в двух словах [illegible] в курс дела.

— Известно, что [illegible], перерезая электрические провода [illegible] сильно повредил руку. Несколько недель [illegible] следами раны на руке. Мне сообщили об одном [illegible] по притонам.

Я установил за ним слежку [illegible] арестовать, как неожиданно узнал в нем Гурна. В [illegible] удалось бежать, но когда все же его арестовали, я убедился [illegible] шрам на правой ладони у него есть. Шрам понемногу исчезает [illegible] рана была поверхностная. Вы понимаете мою мысль?

— Я это пойму, — воскликнул Фюзелье, — когда допрошу обоих. Сначала пригласим Мюллера.

Жюв согласился.

...Итак, вы продолжаете утверждать, что вам не в чем признаваться? Вы передали распоряжение портье, чтобы он выпустил рыжего парня, из самых лучших побуждений? — заканчивал допрос судебный следователь.

— Да! И еще раз да! Господин следователь, — ответил дежурный, — в этот вечер новичок был среди обслуживающего персонала отеля. Я не знал его в лицо. Когда я увидел этого... незнакомого, принял его за слугу-новичка.

— Мы могли бы обвинить вас только в пособничестве, — продолжал судебный следователь. — Грабитель коснулся электрических проводов и получил ожог руки. Вы могли бы опознать виновного?

— Разумеется, господин судебный следователь.

— Хорошо! — сказал Фюзелье.

Следователь сделал секретарю знак ввести второго посетителя.

В сопровождении двух муниципальных стражей в комнату вошел Гурн, за ним — стажер-адвокат Роже Ле Сера, замещавший своего патрона.

Едва Гурн подошел к окну, поближе к свету, как Фюзелье быстро скомандовал:

— Мюллер! Повернитесь! Посмотрите на этого человека!

Мюллер повиновался.

В растерянности, ничего не понимая, он вглядывался в энергичное лицо, мускулистую фигуру убийцы лорда Белтэма.

— Вы узнаете этого человека? — спросил судебный следователь.

— Нет, месье...

— Гурн, — приказал Фюзелье, — покажите ладонь вашей правой руки!

Потом снова, обращаясь к Мюллеру, сказал:

— Человек, который стоит напротив вас, был ранен, у него обожжена ладонь, что подтверждает шрам. Вы когда-нибудь видели этого человека в «Руайаль-Паласе»?

Мюллер еще раз внимательно посмотрел на Гурна.

— Честное слово, месье, — ответил он наконец, — хотя в моих интересах узнать преступника, но нет, чистосердечно говорю: этого человека я не знаю!

Фюзелье о чем-то пошептался с Ж[illegible]ом. Казалось, они пришли к единому мнению.

Фюзелье вернулся к письменному столу и снова обратился к ночному дежурному:

— Мюллер, правосудие благодарно вам за искренность. Вы свободны.

— О, месье, благодарю! — воскликнул ночной дежурный. Его лицо светилось от радости. Судебный следователь сделал стражам знак, и Мюллера увели.

Фюзелье оставалось только заверить показания обвиняемого. Дело Гурна казалось ему все более сложным и интересным.

— Гурн, — начал судебный следователь, — не могли бы вы рассказать о том, где вы были и что делали во второй половине декабря прошлого года?

Гурн сделал неопределенный жест. Фюзелье, рассчитывая на эффект неожиданности, собирался уже пригласить управляющего Доллона, как вдруг раздался тихий стук в дверь его кабинета. Секретарь приоткрыл ее, заглянул жандарм.

Он что-то сообщил, что вызвало у секретаря возглас изумления.

— Господин Фюзелье! Господин Фюзелье! Послушайте!

Жандарм вошел в кабинет и протянул судебному следователю письмо.

Фюзелье вскрыл конверт и прочитал:

«Господину Жермену Фюзелье, судебному следователю, Дворец правосудия. Париж

Комиссар особого назначения вокзала Бретиньи имеет честь сообщить вам, что в восемь часов утра он был информирован своим агентом о том, что на железнодорожных путях, в пяти километрах от Бретиньи в направлении от Орлеана, был обнаружен труп мужчины, который стал жертвой то ли несчастного случая, то ли преступления. Труп изуродован и был с трудом опознан. По документам установлено, что пострадавшего зовут Доллон, что он ехал в Париж к вам по официальному вызову.

Мне слишком поздно сообщили обо всех фактах. Но известно, что пассажиров, которые ехали в этом поезде, в пять утра допросил на Аустерлицком вокзале комиссар по делам особого назначения. Возможно, вам об этом уже сообщено. И все-таки мы посчитали нужным, обыскав труп, сообщить вам о результатах».

Фюзелье, побледнев от волнения, [illegible] письмо Жюву. Жюв лихорадочно прочитал его и обратился к жандарму.

— Есть подробности? Документы [illegible] целы?

Жандарм ничего не знал.

Жюв, прощаясь со следователем, пр[illegible]:

— Не теряя ни секунды, я уезжаю в Брет[illegible].

Роже де Сера недоумевал.

Лицо Гурна оставалось непр[illegible].

XXVIII
СУД ПРИСЯЖНЫХ

Выслушав показания [illegible] свидетели, советник д'Асторг повернулся к судебному исполни[illegible]:

— Пригласите леди Белт[illegible]

Выполняя приказ председате[illegible] исполнитель подошел к небольшой двери, через которую в [illegible] заседания суда по очереди входили свидетели. Публика заволновалась. Всех разбирало любопытство.

На этом сенсационном суде прис[illegible] «весь Париж». Всем хотелось видеть, как будут судить пре[illegible] Гурна, убийцу лорда Белтэма. Убийсто, совершенное более двух лет назад, потрясло всех.

Но процесс с самого начала не оправдал ожиданий возбужденной публики.

Обвинительное заключение, зачитанное секретарем, оказалось неинтересным, так как содержало общеизвестные факты, уже опубликованные в прессе.

Допрос обвиняемого, который даже на скамье подсудимых оставался совершенно безучастным ко всему, тоже был воспринят прохладно.

Впрочем, Гурн сразу после ареста во всем сознался и признал себя виновным. Ему нечего было добавить к прежним показаниям. Однако председатель судебного заседания настоял на уточнении некоторых загадочных подробностей, касающихся его личности и причин, побудивших Гурна нанести рискованный визит в особняк леди Белтэм. Визит, во время которого инспектору Жюву удалось задержать преступника.

Свидетельские показания леди Белтэм обещали многое.

Леди выглядела весьма соблазнительно: в длинных траурных одеждах, молодая, стройная, очень бледная, привлекательная до такой степени, что присутствовавшие, перестав злословить в ее адрес, приготовились с живым интересом выслушать ее показания.

Судебный исполнитель провел леди Белтэм на свидетельское место.

— Мадам, снимите, пожалуйста, перчатки, — сказал он.

Потом по традиции произнес:

— Вы клянетесь говорить правду, только правду и ничего кроме правды? Говорить без ненависти и страха?

Дрожащим, но красивым голосом леди Белтэм, подняв правую руку, произнесла:

— Я клянусь!

Председательствующий, видя волнение молодой женщины, смягчил суровый тон, которым обычно допрашивал свидетелей.

— Успокойтесь, мадам! Я сожалею, что обязан учинить вам этот допрос, но священные интересы правосудия требуют этого. Итак, вы — леди Белтэм, вдова лорда Белтэма, англичанка, проживающая в Париже, в особняке в Нейи?

— Да, господин председатель.

— Не соблаговолите ли вы повернуться, мадам, и сказать, узнаете ли вы человека, который сидит на скамье подсудимых?

Повинуясь просьбе, леди Белтэм бросила быстрый взгляд на Гурна и ответила.

— Да, господин председатель, я узнаю обвиняемого, его зовут Гурн...

— Прекрасно, мадам! Не могли бы вы ответить, откуда вы его знаете?

— Когда мой супруг, лорд Белтэм, был в Трансваале, господин председатель, я познакомилась с ним, узнала его имя и чин. Совершенно случайно. Положение мужа не позволяло мне знакомиться с простыми сержантами...

Председатель продолжал:

— Да, действительно, Гурн был сержантом... А после войны, мадам, вы встречали обвиняемого?

— Да, сразу же после окончания той кампании. Мы с мужем возвращались в Англию на одном пароходе с Гурном.

— Вы часто встречались с ним?

— Нет, господин председатель, мы плыли в первом классе, а он, кажется, во втором. Мой муж совершенно случайно его заметил и узнал.

— Этим исчерпывались отношения между вашим мужем и обвиняемым, мадам?

— Этим исчерпывались мои отношения с ним. Но я знаю, что муж неоднократно пользовался услугами Гурна, давал ему различные поручения...

— Очень хорошо! Позже мы еще к этому вернемся. А сейчас, будьте любезны, уточните одну деталь. Если бы несколько месяцев назад на улице вам случайно повстречался обвиняемый, вы бы его узнали?

Леди Белтэм поколебалась с минуту, потом ответила:

— Уверена, господин председатель, что нет. Даже в день его ареста, при разговоре с ним у меня не было ни малейшего сомнения, что он — один из тех несчастных, которым я помогаю, а не Гурн, которого разыскивает полиция...

— Извините, мадам, если я задам вам несколько бестактный вопрос, но напоминаю, что вы поклялись говорить правду, только правду, ничего, кроме правды. Вы любили своего мужа?

Леди Белтэм вздрогнула.

Она молчала несколько минут, казалось, подбирая слова:

— Лорд Белтэм был гораздо старше меня, господин председатель...

Затем, как бы внезапно поняв как двусмысленно могут быть истолкованы ее показания, молодая женщина добавила.

— Я его глубоко уважала и питала к нему искреннюю привязанность.

На губах советника д'Асторга, который, бросив взгляд на скамью присяжных, как бы призвал членов суда удвоить внимание, мелькнула ироническая улыбка.

— Вы знаете, — сказал он свидетельнице, — почему я задаю вам этот вопрос?

— Нет, господин председатель.

— Говорят, мадам, и эти слухи ходят по всем салонам, будто обвиняемый был влюблен в вас. Это правда?

Произнося последние слова, председатель судебного заседания немного наклонился вперед и вонзился взглядом в лицо леди Белтэм.

Та пробормотала:

— Это клевета, господин председатель!

Гурн, который до сих пор был безучастен к происходящему, поднялся и, бросая вызов председателю, громко запротестовал:

— Месье, я питаю к леди Белтэм — заявляю об этом публично — глубочайшее почтение! Те, кто разносят слухи, лгут! Я убил лорда Белтэма, я в этом признался и теперь от этого не отказываюсь, но я не посягал на его счастье и счастье леди Белтэм. Я скромный сержант, и никогда лорд Белтэм не мог упрекнуть меня ни в чем, что вредило бы репутации леди Белтэм!

Председатель, повернувшись к обвиняемому, спросил:

— Зачем же вы убили лорда?

Гурн ответил:

— Я уже рассказывал, господин председатель! Леди Белтэм не имеет никакого отношения к этому преступлению! У меня с лордом Белтэмом были свои дела. Однажды я позвонил ему и попросил прийти. Он пришел. У нас был деловой спор, он сердился. Я разгневался и, не сознавая, что делаю, убил его в приступе безумия.

Рыцарское заявление обвиняемого произвело впечатление на публику. Присяжные, внимательно следившие за речью Гурна, поверили ей. Но привыкший скрупулезно вникать во все, председатель судебного заседания, повернувшись к леди Белтэм, продолжал допрос:

— Извините, мадам, но меня не удовлетворило столь простое объяснение! Может, быть, были какие-то отношения между вами и обвиняе-

мым, которые заставляют Гурна молчать о них из чувства деликатности, а вас — отрицать их из чувства чести и достоинства.

Повернувшись к судебному исполнителю, придседатель добавил:

— Пригласите, пожалуйста, мадам Дуленк, консьержку дома, где жил Гурн.

Старушка явно принарядилась для суда.

Вслед за судебным исполнителем мадам Дуленк вошла в зал и приблизилась к леди Белтэм.

— Мадам Дуленк, — обратился председатель, — несколько минут назад вы нам сообщили, что господина Гурна, жильца вашего дома, часто навещала какая-то красивая дама, его любовница. Вы нам даже сказали, что если бы вы ее увидели, то непременно узнали бы! Посмотрите на эту даму.

Мадам Дуленк, покраснев от волнения, мяла в руках огромные белые перчатки, которые она купила специальнодля этого дня. Она пристально вглядывалась в лицо леди Белтэм.

— Не знаю! — сказала она чуть погодя. — Я не уверена, что это она!..

Председатель улыбнулся:

— А вы были так самоуверенны!

— Но, господин судья, — ответила женщина, — я ничего не вижу. На ее лице вуаль!

Не ожидая приглашения, которое несомненно, последовало бы, леди Белтэм величественным жестом подняла траурную вуаль и спросила:

— Ну, теперь вы меня узнаете?

Презрительный тон, которым были сказаны эти слова, усилил волнение мадам Дуленк. Посмотрев еще какое-то время на леди Белтэм, консьержка повернулась к председателю:

— Господин судья, я не могу утверждать, что это та дама. Я не могу в этом поклясться!

— Но сами-то вы как считаете? — настаивал председатель.

— Господин судья, я поклялась говорить правду, только правду, ничего кроме правды. Я не могу лгать! Может быть, это та самая дама, а может быть, и не та!

— Другими словами, — продолжал терпеливо председатель, — вы не можете ничего утверждать?

— Да, — продолжала консьержка, — именно так! Я не могу! Мадам очень похожа на ту красивую женщину, но...

Мадам Дуленк была готова до бесконечности повторять свои слова, но председатель прервал ее:

— Благодарю вас! Судьи оценят...

Мадам Дуленк ушла, а советник обратился к леди Белтэм.

— Мадам, не скажете ли вы теперь, каково ваше личное мнение о виновности подсудимого? Разумеется, он сознался в своем преступлении, но ваш ответ прольет свет на мотивы убийства.

Леди Белтэм ответила не раздумывая:

— Я не могу сказать ничего конкретного, господин председатель. Мой муж, лорд Белтэм, бывал вспыльчив, очень вспыльчив, иногда даже свиреп. Чужих взглядов и точек зрения не признавал. И, если, как говорит обвиняемый, между ними возник спор, я не удивлюсь, узнав, что слова моего мужа вызвали гнев Гурна...

— Таким образом, уточнил председатель, — вы считаете версию обвиняемого вполне правдоподобной?

Леди Белтэм, пытаясь скрыть беспокойство и волнение, медленно проговорила:

— Да, господин председатель! Я действительно считаю, что события могли произойти именно так. И потом, это не единственная причина, по которой я смогла бы быть снисходительной к преступнику.

— Вы хотите его простить, мадам?

Леди Белтэм вскинула голову и посмотрела прямо на судью.

— Я помню, — сказала она, — что написано в священном писании о прощении грехов. Да, я скорблю о смерти моего мужа, но наказание убийцы не осушит моих слез. Я должна его простить, душа должна пройти испытания прощением, и я прощаю преступника!

Смертельно бледный Гурн не сводил глаз с леди Белтэм.

Его волнение было явным, это заметили даже присяжные.

Председатель, посоветовавшись с членами суда, поблагодарил леди Белтэм и объявил:

— Суд удаляется!

XXIX
ПРИГОВОР

Перекрывая шум голосов в зале, судебный исполнитель объявил:

— Суд идет, господа!

Заседатели заняли свои места. Председатель, выждав, когда воцарится тишина, продолжил заседание:

— Пригласите свидетеля Жюва!

При упоминании имени знаменитого инспектора Сюрте, зал снова заволновался.

Среди публики не было ни одного, кто не слышал бы о Жюве, не восхищался его подвигами, не считал его настоящим героем.

Судебное заседание становилось похожим на театр, где развертывается захватывающий спектакль, рассчитанный на самых утонченных снобов.

Публика подалась вперед, чтобы получше рассмотреть Жюва, идущего за судебным исполнителем. Держался он просто, стараясь не замечать собственной популярности. Выглядел озабоченным, чем-то огорченным, несколько неуверенным.

Так показалось одному из старейших хроникеров, который по обыкновению присутствовал здесь, готовя информацию для редакций крупнейших ежедневных газет.

Инспектор Жюв произнес клятву. Председатель задал первый вопрос:

— У вас, месье Жюв, большой опыт участия в подобных судебных заседаниях. Желаете, чтобы вопросы формулировал я или предпочтете изложить свои показания так, как сами считаете нужным? Вы понимаете важность ваших свидетельств, поскольку в известной мере вы автор сегодняшнего процесса, благодаря вам удалось арестовать виновного и провести расследование преступления.

— Сначала, господин председатель, — решительно заявил Жюв, — с вашего позволения я дам общие показания, а потом отвечу на все ваши вопросы, а также и на вопросы защиты, если таковые будут.

Повернувшись к скамье подсудимых, Жюв пристально взглянул на безучастное лицо Гурна.

Тот выдержал взгляд, не шевельнувшись. Жюв слегка пожал плечами и, обращаясь к суду, начал:

— Господа, я здесь выступаю как свидетель обвинения. Я не скажу ничего ни о следствии, ни об аресте. Однако у меня есть что сказать о личности обвиняемого и степени его вины...

В огромном зале судебного заседания воцарилась мертвая тишина. Неожиданное начало речи Жюва, обещавшее сенсационные разоблачения, поразило публику.

Жюв продолжал:

— Первое, на что я хотел бы обратить ваше внимание, это то, что для интеллигентного человека нет ничего невероятного в событии до тех пор, пока он находит ему объяснение, пока нечто необъяснимое не превращает его в невозможное.

Господа, до сих пор полиция безоружна, а правосудие бессильно перед целым рядом преступлений, крупных ограблений, совершенных в последнее время. Преступники остаются безнаказанными. Я напомню об этих преступлениях: ограбление мадам Ван ден Розен и княгини Сони Данидофф в отеле «Руайаль-Палас»; убийство управляющего Доллона, слуги маркизы де Лангрюн на пути из Сен-Жори в Париж для дачи показаний следователю Жермену Фюзелье, и, наконец, убийство лорда Белтэма, предшествовавшее всему перечисленному. Убийцу лорда Белтэма вы судите сегодня.

Господа, дела Белтэма, Лангрюн, Ван ден Розен, Данидофф, Доллона — абсолютно уверен — связаны с одним и тем же человеком, который находится здесь — с Гурном!

Жестом Жюв успокоил пробежавший по рядам публики ропот, зрители вновь слушали полицейского, затаив дыхание.

— Гурн — единственный виновник всех этих преступлений, господа. Вас удивляет мое заявление? Я представлю убедительные доказательства. Впрочем, пресса, не раз публиковавшая подробности этих

таинственных преступлений, достаточно уже вас просветила, и детали я не буду вдаваться, буду краток.

Господа, я установил факт: убийца маркизы де Лангрюн, грабитель мадам Ван ден Розен и княгини Сони Данидофф — один и тот же человек. Об этом неопровержимо свидетельствуют результаты измерений, проведенных с помощью инструмента высокой точности — динамометра доктора Бертильона. В обоих случаях действовал один и тот же человек. Это первое. Во-вторых, человек, который обокрал госпожу Ван ден Розен и княгиню Соню Данидофф, не кто иной, как Гурн. Это легко доказать, так как известно, что грабитель обжег руку, а на руке у Гурна есть изобличающий его шрам. И хотя он уже малозаметен, но я утверждаю, что он был хорошо виден во время драки в «Кошон де Сент-Антуан», когда вместе с полицейским Лемаруа, переодетым бродячим музыкантом, я пытался арестовать Гурна, но тогда мне это не удалось.

Таким образом, господа, я установил, что преступления против Лангрюн и Данидофф — дело рук одного и того же человека. Этот человек — Гурн.

Теперь позвольте перейти к следующим фактам. Убийство мадам де Лангрюн было совершено при странных обстоятельствах. Расскажу о них подробнее.

Вы, очевидно, помните, что убийца проник в замок, открыв входную дверь поддельным ключом, — я подчеркиваю — он проник в комнату маркизы, которая сама открыла ему дверь. И, наконец, если ограбление было побудительной причиной преступления, то само преступление весьма загадочно.

Господа, если после моей речи вы назначите дополнительное расследование, я смогу вам доказать еще два важных факта. Первый. У маркизы де Лангрюн был выигрышный лотерейный билет на крупную сумму, подаренный ей Этьеном Рамбером. Этот билет пропал, но по нему неизвестный в одном из банков получил деньги, заявив, что билет ему дал господин Рамбер. С того времени господин Рамбер вышел из финансовых затруднений.

Второй факт. Я установл, что даже если господин Этьен Рамбер и садился на вокзале Орсэ в вагон первого класса пассажирского поезда, то абсолютно точно то, что его не было в этом вагоне на отрезке между станциями Вьерзон и Лимож. Именно на этом перегоне один пассажир, свидетельские показания которого у меня имеются, обошел все купе, все они были пусты.

Из всего этого следует, что, очевидно, господин Этьен Рамбер ради алиби войдя в пассажирский поезд на вокзале Орсэ, вышел из него с другой стороны и пересел в экспресс, идущий в том же направлении, но опережающий пассажирский поезд по графику.

Вам известно, и следствием подтверждено, что поезда останавливаются у входа в Веррьерский туннель недалеко от Больe. Вполне возможно, что некто, выйдя из экспресса, совершил преступление, — вспомните о следах, обнаруженных на железнодорожной насыпи, — а потом

пересел в пассажирский поезд, шедший за экспрессом через три с половиной часа, и спокойно доехал до вокзала в Веррьере.

Пассажир, который все это проделал, и есть преступник! Этот преступник — господин Этьен Рамбер!

Мы установили, что убийцей маркизы де Лангрюн является Гурн, а, следовательно господин Этьен Рамбер и Гурн — одно и то же лицо!

Жюв сделал паузу, дабы убедиться, что заседатели внимательно следят за его изложением и все понимают, а затем в абсолютной тишине спокойно продолжал

— Итак, мы отождествили Гурна и Рамбера, доказали, что Рамбер — Гурн виновен в деле Белтэма, Лангрюн, Ван ден Розен, Данидофф. Остается убийство управляющего Доллона...

Господа, когда Гурна арестовали по обивинению в убийстве лорда Белтэма, можно представить, как он опасался, чтобы его не обвинили в причастности к другим делам, о которых я вам только что рассказал.

Еще при аресте я догадывался, как все произошло, но сказать наверняка не мог.

Недоставало одного важного звена в цепи моих умозаключений, чтобы отождествить Гурна с Рамбером, убийцу лорда Белтэма с тем, кто совершил другие преступления. Это звено предстояло найти. Им оказался предмет, принадлежавший убийце маркизы де Лангрюн.

Этот предмет я нашел. Это обрывок карты, обнаруженный неподалеку от замка Болье, на дороге, по которой вероятно шел Этьен Рамбер от железнодорожного полотна. Часть карты Тарида, найденная в квартире Гурна, позволила мне отождествить Гурна с Рамбером...

Господа, обрывок карты хранился у управляющего Доллона. Господин Жермен Фюзелье вызвал этого несчастного в Париж. Только один человек был заинтересован в том, чтобы Доллон не добрался до столицы. Этот человек — Гурн, или лучше сказать Гурн — Рамбер... Вы знаете, Доллон погиб.

Можно ли сомневаться в том, что именно Гурн-Рамбер убил его?..

Жюв произнес последние слова так уверенно, что, казалось, сомнений не должно быть ни у кого.

Но по лицам судей он увидел: сомнения есть. По залу побежал шепоток. Жюв понял, насколько его дерзкие доводы шокировали публику, как трудно убедить тех, кто не следил, как он, за ходом расследования.

— Господа, — продолжил он, — я знаю, мои доводы вас удивляют. Это естественно. Впрочем, могу назвать еще одно имя, чтобы снять все сомнения и убедить вас в достоверности моих слов. Вот что я хочу заявить напоследок: человека, способного принимать внешний вид сначала Гурна, потом Этьена Рамбера, потом элегантного вора из «Рувайаль-Паласа»; человека, с неслыханной дерзостью совершающего ужасные преступления, сбивающего с толку полицейских, зовут вовсе не Гурном, а... Фантомасом!

Устав от долгой речи, Жюв замолчал. Жуткое имя мрачным эхом прокатилось по залу

Фантомас! Фантомас!..

На несколько минут судьи впали в оцепенение. Первым запротестовал господин д'Асторг:

— Господин Жюв, вы заявили о таких фактах, бросили такое страшное обвинение, что я не сомневаюсь, господин прокурор республики, приняв во внимание доводы, потребует дополнительного расследования. Но... У меня есть три возражения.

— Слушаю вас! — холодно ответил Жюв.

— Господин Жюв, неужели вы верите, что человек может так легко и ловко изменять свою внешность? Господину Этьену Рамберу 60 лет, Гурну — 35. Господин Этьен Рамбер — медлительный старик, а тот, кто обокрал княгиню Соню Данидофф, подвижный, ловкий парень...

— Я предвидел такое возражение, господин председатель. Для Фантомаса нет ничего невозможного!

Председатель суда сделал неопределенный жест.

— Допустим, — сказал он. — Но как вы объясните, что именно Этьен Рамбер, а не его сын Шарль убил мадам де Ланглюн? Разве вы не знаете, что сын Этьена Рамбера — настоящий убийца, он покончил жизнь из-за угрызений совести. Если бы был виноват Этьен Рамбер, он, наверное, не стал бы убивать себя?

Голос Жюва дрогнул.

— Вы были бы правы, господин председатель, если бы Этьен Рамбер не был Гурном, не был Фантомасом. Не логичнее ли допустить, что Фантомас довел до безумия этого ребенка? Внушил ему, что убийство совершено во время приступа сомнамбулизма? Толкнуть его, наконец, на самоубийство?

Председатель все еще сомневался.

— Допустим. Но, господин Жюв, обратите внимание на два неоспоримых факта. Вы утверждаете, что Этьен Рамбер — Гурн; но Этьен Рамбер погиб во время кораблекрушения «Ланкастера». Вы утверждаете, что Гурн убил Доллона, но в момент убийства управляющего Гурн находился под арестом в тюрьме Санте!

Полицейский удрученно махнул рукой.

— Господин председатель, если я до сегодняшнего дня ждал, чтобы заявить о том, что вы только что слышали, то только потому, что у меня не было веских доказательств, а были только предположения. Дольше молчать я не мог. А если мне и не хватает сейчас некоторых доказательств, я уверен, они у меня будут. Впрочем, отвечу по фактам, о которых вы говорите. Господин Рамбер погиб при кораблекрушении «Ланкастера»? Как это доказать? Где труп? Был ли он на борту этого судна?

— Есть список пассажиров...

— Да, господин председатель, есть, и ничего, кроме него! Разве трудно попасть в такой список? А что известно о самом кораблекрушении? Корабль взорвался. Почему?

Я верю, что Фантомас способен взорвать корабль, если потребуется

убить 150 человек, выдать себя за мертвого, переменить личину.

Председатель суда одним словом подытожил речь полицейского.

— Это роман! — сказал он. — А что вы скажите по поводу убийства Доллона?.. Впрочем, позвольте мне уточнить: кусок карты, который, по вашим словам, послужил причиной смерти этого несчастного, и обнаруженный в одном из карманов убитого, отнюдь не совпадает с тем, что был вырван из карты, обнаруженной в квартире Гурна.

Жюв хмыкнул.

— В ваших словах, господин председатель, содержится два вопроса. Почему кусок карты, найденный у Доллона, не совпадает с картой, найденной у Гурна? Объяснение очень простое. Если бы Гурн, которого я обвиняю в убийстве Доллона, довольствовался тем, что просто выкрал настоящий обрывок карты, то тем самым как бы подписался под своим преступлением. Противник хитрее. Он ловко изъял компрометирующую его часть карты, а на ее место положил совсем другую — ту, которую нашли. Вот и все!

— Убедительно, — согласился председатель, — но я повторяю, Гурн в это время был под арестом!

На сей раз Жюв развел руками.

— Это так!.. Это так! — подтвердил он. — Пока ничего не могу объяснить.

Воцарилась тишина. Жюв молчал, на его губах блуждала ироничная улыбка. Председатель впал в задумчивость.

— У Вас есть что добавить? — спросил он.

— Ничего, — ответил Жюв, — кроме того, что Фантомас может все.

Председатель обратился к обвиняемому:

— Гурн, вы ни в чем не хотите признаться? Суд зачел бы вам это...

Гурн встал:

— Я не понял ничего из того, что наговорил здесь этот полицейский!

Председатель повернулся к Жюву:

— Вы предлагаете провести дополнительное расследование?

— Да, господин председатель.

— Месье прокурор, у вас есть какие-либо замечания?

— Никаких, — ответил прокурор. — Показания свидетеля слишком расплывчаты.

— Хорошо. Суд вынесет решение по этому вопросу!

Заседатели окружили председателя. После короткой дискуссии они расселись по своим местам.

Господин д'Асторг объявил:

— Суд, рассмотрев показания свидетеля Жюва, ввиду того, что они строятся исключительно на предположениях, постановляет: дополнительное расследование не проводить.

Почти тотчас же председатель суда обратился к прокурору:

— Господин генеральный прокурор, вам предоставляется слово для обвинительной речи.

Прокурор начал свою длинную суровую речь, изобличавшую зверства

Гурна — убийцы лорда Белтэма. В ней он умолчал о тех фактах, которые только что сообщил полицейский.

Обошел молчаньем их и защитник Барберу.

Гениальная догадка инспектора была столь неожиданной, что принять ее никто не мог.

Волнение в зале, вызванное обвинительной речью, речью защитника, достигло своего предела. Накал страстей разрядила единственная реплика Гурна:

— Мне нечего сказать в свое оправдание.

Суд удалился на совещание.

Охрана вывела обвиняемого из зала. Жюв, получивший отказ на свою просьбу о дополнительном расследовании, не высказал ни малейшего удивления. Подойдя к трибуне прессы, где сидел молодой журналист, не сводивший с него глаз, Жюв предложил:

— Пойдем, Фандор, прогуляемся, в нашем распоряжении четверть часа...

Когда оба вышли в коридор, Жюв дружески хлопнул юношу по плечу.

— Ну что, дорогой мой, что скажешь?

Жером Фандор был удручен:

— Вы обвиняете моего отца, — начал он, — вы утверждаете, что Этьен Рамбер — это Гурн! Бред какой-то...

Жюв проворчал:

— Маленький бедный глупыш, пойми: я не обвиняю твоего отца, твоего истинного отца! Я обвиняю того, кто выдает себя за него! Подумай! Если то, что я утверждаю, верно, то есть, если так называемый Этьен Рамбер, убивший маркизу де Лангрюн — это Гурн, которому 35 лет, то совершенно очевидно, что Гурн — не твой отец. Он выдает себя за него.

— Но, где тогда мой настоящий отец?

— Ничего не могу сказать. Это расследование еще впереди. Все только еще начинается.

— Но суд отказал в дополнительном расследовании...

— Черт возьми! — воскликнул Жюв. — Я этого ожидал! Я пока не имею достаточно убедительных доказательств. Но о самом интересном факте я тоже пока умолчал...

— О каком?

— О том, что ты, Шарль Рамбер, жив!

— Почему вы это скрыли?

— Я скрыл это, малыш, потому, что недостаточно богат и дорожу своим местом. Если бы я выложил, что давно знаю о живом Шарле Рамбере, о том, что он был и Жанной, и Полем, а я покрывал его проделки, меня наверняка уволили бы. Да и тебя схватили бы за шиворот. А этого я совсем не хочу.

В абсолютной тишине председатель суда встал и уверенным голосом произнес слова обвинительного заключения:

— Перед богом и перед людьми в соответствии с законом объявляю: большинством голосов ответ «да» на все вопросы обвинения.

Как похоронный звон, слова эти прозвучали в тишине зала.

Заседатели вернулись на свои места из совещательной комнаты, куда они удалились для вынесения окончательного приговора.

— Стража, введите обвиняемого!

Два муниципальных охранника ввели несчастного. Председатель произнес:

— Ваше последнее слово перед оглашением приговора.

— Я отказываюсь от него, — ответил Гурн.

Председатель суда зачитал приговор:

— Суд приговаривает обвиняемого Гурна к смертной казни!

— Стража, уведите осужденного!

XXX
В АРТИСТИЧЕСКОЙ УБОРНОЙ

— ...Нет, баронесса, он не принимает. Сегодня вечер премьеры, и у господина Вальграна было бы слишком много народу!

Защищая вход в артистическую уборную, перед которой толпились люди, Шарло, старый костюмер, колебался, раздумывал, в конце концов впускал избранных.

Знатное происхождение посетителей льстило ему. Это были близкие друзья его патрона. Для них следовало делать исключение. Впуская, Шарло извинялся.

— Конечно, правила не для вас, мадам.

— Ах, добрый друг! — воскликнула баронесса де Вибре, вступая в артистическую уборную и улыбаясь с торжествующим видом генерала, взявшего крепость. — Нам не хотелось покидать театр, не пожав ему руку!

Высокий молодой человек с моноклем произнес:

— Он был великолепен! Доложите о нас! — обратился он к костюмеру.

Однако Шарло проговорил скороговоркой:

— Но его здесь нет, разве вы не знаете? После окончания спектакля министр народного образования пригласил его, чтобы поздравить с успехом.

— Министр его принимает? — сделала забавную гримасу графиня Марселина де Бараль.

Взволнованный Шарло ответил:

— Да, мадам, сам министр, лично!

Однако графиня де Бараль уже занялась фотографиями на стенах артистической уборной. Она читала:

— Восхитительному Вальграну добрая подруга...

— Посмотрите, дорогая баронесса, — позвала она мадам де Вибре, — эта подписана Сарой Бернар... А эта... О!..

Что такое?..

Баронесса де Вибре прыснула со смеху:

— «Обнимаю тебя, любовь моя!..»

Супруга полковника Холборда продолжала читать посвящения.

— А вот, посмотрите! — заметила она.

— «В Буэнос-Айресе, Нью-Йорке, Мельбурне я слышу, как везде превозносят гений моего друга Вальграна...»

И она стала искать подпись дарителя.

— Буэнос-Айрес... Мельбурн... — повторяла жена полковника, — кто же этот путешественник?

— Симона! — позвал полковник свою жену. — послушай, что рассказывает наш друг де Бараль. Очень любопытно.

Специально для нее граф повторил:

— Дорогая, вы недавно вернулись из Конго и не совсем в курсе наших парижских дел. Вы, наверное, не обратили внимания, Вальгран в сегодняшнем спектакле был как две капли воды похож на Гурна, убийцу лорда Белтэма!

— Гурна? — переспросила мадам Холборд, которой это имя ни о чем не говорило.

— Как! — воскликнула баронесса де Вибре. — Вы не знаете? Но все только и говорят, что о деле Гурна — Белтэма.

— Ах, да — сказала мадам Холборд, — я что-то читала об этом. Разве убийца не убежал?

В разговор вмешался граф де Бараль.

— Его искали много месяцев, полиция отчаялась его найти, как вдруг однажды вечером он был арестован. И где же?!

Баронесса де Вибре вставила словечко:

— У леди Белтэм! В ее собственном особняке в Нейи!

— Невероятно! — воскликнула Симона Холборд. — Несчастная! Что она должна была пережить!

Графиня де Бараль заметила:

— Леди Белтэм — женщина редкого мужества, достоинства, христианского милосердия. Она обожала своего мужа. И тем не менее попросила помиловать убийцу... Впрочем, ее просьбу не удовлетворили.

Симона Холборд, рассматривая убранство артистической уборной, рассеянно проронила:

— Это ужасно!

Она заметила на секретере пачку писем и принялась разглядывать конверты:

— Все эти письма, — воскликнула она, — страшно забавны. Только женский почерк. Этот Вальгран получает множество признаний в любви.

В это время в углу комнаты полковник Холборд тихо переговаривался с графом де Бараль:

— Все, что вы рассказываете, чрезвычайно интересно. Как же все произошло?

— Очень просто, — ответил граф, — несчастный Гурн был опознан

полицией, задержан, помещен в тюрьму. Процесс слушался этой весной, около полутора меясцев назад. Присутствовал весь Париж. Гурн клялся, что убил лорда Белтэма во время ссоры. Явился, чтобы его обокрасть.. У меня такое впечатление, что он лжет.

Полковник перебил его:

— Объясните, в таком случае, зачем же он совершил это преступление?

Граф де Бараль неопределенный жест, и понизив голос, продолжил:

Неизвестно, — политика, нигилизм ...любовь! Но есть один факт, одно совпадение, которое следует отметить.

Возвращаясь из Трансвааля после войны, на которой она, кстати, выполняла роль, достойную восхищения — ухаживала за ранеными, леди Белтэм плыла в Англию на том же пароходе, что и Гурн. Гурн доблестно сражался. Добровольцем он пошел на военную службу и вернулся в звании сержанта и с медалью! Интересно, встречались ли они прежде? Поведение леди Белтэм на процессе, кроме злословия, дало повод для двусмысленных комментариев. Эти странные обмороки в присутствии убийцы. Одни говорят, что леди Белтэм обезумела от горя после гибели мужа. Другие намекают, что причина в другом. Жертва она или соучастница? Некоторые утверждают, будто леди Белтэм питала тайную благосклонность к Гурну!

Полковник Холборд запротестовал:

- Не может быть. Великосветская дама такая строгая, такая набожная?

Граф де Бараль сделал неопределенный жест:

— Дело было настолько шумным, что даже наш друг Вальгран, зная о том, что ему предстоит сыграть роль убийцы в сегодняшнем спектакле «Кровавое пятно», следил за его перипетиями и поведением Гурна, чтобы быть правдоподобным и убедительным на сцене. Вы видели, какой успех! Найдите в каком-нибудь иллюстрированном журнале портрет Гурна и вы убедитесь, что я прав. Вот, кажется, и Вальгран!

В глубине коридора появился Вальгран. У знаменитого трагика, заставлявшего трепетать полные залы, был безрассудно веселый характер.

Баронесса де Вибре устремилась к Вальграну. Он сердечно приветствовал ее. Баронесса де Вибре представила актера молодым дамам:

-- Графиня Марселина де Бараль, мадам Холборд... - - перечисляла она.

Вальгран, человек светский, поклонился:

-- Простите, что заставил вас ждать, но меня пригласил на беседу министр.. Он был очарователен... сама доброжелательность.

Обращаясь к баронессе де Вибре, добавил:

- Он удостоил меня чести, дорогая, и предложил мне сигарету. Теперь это реликвия!

-- О, месье, покажите!.. - - восторженно воскликнула мадам Симона Холборд.

Вальгран уступил ее просьбе и позвал своего костюмера:
— Шарло положи эту сигарету в ящичек для дорогих подарков.
— Он уже до отказа заполнен, господин Вальгран.
— Как вы нашли мою игру, господа, — поинтересовался Вальгран присутствующих.
— Великолепно! Восхитительно! Чудесно!
— А если откровенно? — настаивал, чуточку важничая, Вальгран.
Холборд выразила мнение всех присутствующих:
— Вы достигли вершины искусства!
Поклонники Вальграна окружили его, наперебой выражая свое восхищение.
— Я сколько работал! Поверьте, когда мы начали репетировать — Шарло подтвердит — пьесы не было...
— Не было! — эхом повторил Шарло.
— Не было, — продолжал Вальгран, — даже моей роли. Она была незначительной, заурядной. Тогда я сказал автору: «Франц, дорогой, вот что нужно... Тирада адвоката? Отнюдь! Я сам скажу защитительную речь, мою защитительную речь, и произведу эффект!» А сцена в тюрьме? Представляете,он вписал туда пастора! Я сказал Францу: «Уберите пастора, дорогой! Зачем герою его проповеди? Я буду сам проповедовать». Я его убедил. В конце концов, говорю это не для похвальбы. Но я сделал все! И это успех, правда?
— Триумф! — подхватила Симона Холборд.
Вальгран, который только что с удовольствием посмотрел на себя в зеркало, перебил ее:
— Скажите, полковник, я похож на Гурна? — и обратился к графу де Бараль:
— А вы что скажете? Ведь на процессе вы видели Гурна достаточно близко?
— Поразительное сходство, — признал молодой человек.
— Его было довольно легко достичь. У нас одинаковый рост, похожие фигуры.
— Сходство поразительное! — уверил его полковник.
Актер был польщен.
— А моя борода? — воскликнул он. — Она настоящая! Вы знаете, что я ее специально отпустил?
— Это удивительно! — улыбнулась Марселина де Бараль.
Дерзкая баронесса де Вибре попросила:
— Вальгран? Позвольте несколько волосков из вашей бороды для медальона?
Озадаченный трагик секунду помолчал и затем с видом глубокой грусти произнес:
— Увы! Не сейчас, дорогая, потом...
Граф де Бараль бросил взгляд на часы:
— Друзья мои! Уже очень поздно, наш хозяин должен отдохнуть.
Оживленная беседа длилась еще несколько минут. Обмен прощальными рукопожатиями. Посетители ушли.

XXXI
ЛЮБОВНОЕ СВИДАНИЕ

Вальгран остался, наконец, один в своей артистической уборной. Он опустился в удобное, низкое кресло перед гримировальным столиком.

— Как я устал, старина Шарло, — воскликнул Вальгран. — Но общество этих прелестных женщин воскресит даже мертвого!

— Господин Вальгран, вы легкомысленны!

— Конечно, — воскликнул артист, — и очень надеюсь, что никогда не буду серьезным! Видишь ли, старина, если и есть в этом мире что-то, от чего никогда не устаешь, так это женщины, своим светом они озаряют нашу юдоль!

— Вы сегодня поэтично настроены, господин Вальгран!

— Я влюблен, влюблен не в какую-то женщину, а сразу во всех, влюблен в любовь!

Он сделал многозначительный жест, который, по его мнению, выражал многое, и приказал:

— Ну, раздевай меня.

Шарло подошел к хозяину и спросил, указывая на пачку писем:

— Будете читать почту?

— Да, — ответил актер.

Он разбирал письма, забавляясь и делая замечания:

— Фиолетовые чернила, цифры, веночки...

Взяв очередное письмо и намереваясь вскрыть его, он предложил:

— Шарло, как, по-твоему, это любовное послание? Давай пари!

— Я думаю, это счет, господин Вальгран.

— Итак, пари заключено! Слушай:

«Восхитительный артист! Любовь, как только что раскрывшийся цветок...» Слышишь, Шарло?

Шарло признал свое поражение.

Вальгран от души рассмеялся.

— Подай-ка мне воротничок, Шарло! Давай поспорим, что в этом сиреневом конверте очередное признание жертвы роковой страсти!

— Да, месье Вальгран!

— Я опять выиграл. О, да тут еще и требования!

И он зачитал текст: «Если вы обещаете быть скромным... верным... вы об этом не пожалеете». Разве об этом сожалеют? — продолжал актер с оттенком горечи, — даже в том случае, если обещания не выполняют!

— Любовная клятва! — воскликнул Шарло.

— Дай-ка мне выпить, умираю от жажды!

— Виски с содовой? — предложил костюмер.

Актер, поднявшись из кресла, подошел к столику, на котором всегда стояли два бокала.

— Ну, в добрый час! — воскликнул актер. — Чокнись со мной, старина Шарло! Мой добрый, верный товарищ, мой неразлучный друг!

— За ваши успехи!

— Как ты считаешь, я хорошо играл сегодня?

— Я уже говорил во время антракта костюмерше мадемуазель Бьенвеню, что другие артисты в подметки не годятся месье Вальграну!

Раздался тихий стук в дверь. Мужчины замолчали.

Лицо актера омрачилось: неужели еще один надоедливый посетитель.

Однако любопытство все-таки одержало верх, и он приказал:

— Шарло, посмотри!

Костюмер, чуть приоткрыв дверь, рассматривал того, кто решился потревожить Вальграна.

— Письмо? Срочное?

Шарло закрыл дверь и, подойдя к Вальграну, протянул ему конверт.

— Какая-то дама принесла письмо.

— Гм! — удивился Вальгран, — траурная кайма!

— Ну как, Шарло, поспорим?

— Траурный конверт, — заметил Шарло. — Я мог бы сказать, что это счет, но мне кажется, что это просьба о помощи!

Сначала небрежно, потом все внимательнее Вальгран читал письмо. Он посмотрел на подпись, и, вернувшись к началу, перечитал текст, сопровождая чтение восклицаниями:

— Черт возьми! Вот так штука! Послушай, старина! «...Сегодня для роли преступника в спектакле «Кровавое пятно» вы загримировались под Гурна, убийцу лорда Белтома... Вас ждут в этом костюме ночью, ровно в два часа на улице Мессе, 22... Гримируйтесь и приходите. Вас любят, вас желают...» Черт возьми! — недоумевал Вальгран.

— Кем подписано? — спросил костюмер.

— Это подписано... — Вальгран замялся. — Этого, старина, ты не узнаешь! Здесь постскриптум: «Храните в тайне, сожгите сразу после прочтения...»

— Разумеется! — прошептал Шарло.

— Вот такие дела, — заключил Вальгран с ироничной улыбкой, и вместо того, чтобы уничтожить письмо, спрятал его в бумажник.

— О чем ты задумался? — спросил актер у слуги.

— Я? О том, что нужно вас раздевать...

— Дурачина! — рассмеялся Вальгран. — Ты что же, не понял? Давай-ка быстро мою куртку, которую я надевал на спектакль, и темный галстук.

— Что с вами? — забеспокоился Шарло. — Вы не пойдете... я думаю.

— Сомнения прочь! Во всей моей любовной карьере не было такого странного случая! Поверь моему опыту, такие вещи не выдумываются.

просто так. Кроме того, я ее знаю... видел... на процессе... Черт возьми, такая женщина...

— Эка невидаль! — проворчал костюмер.

Но воодушевленный Вальгран продолжал:

— Подумай, это такая женщина... Ее необычайная красота, благовоспитанность... Ее очарование.

— Безумие! — перебил Шарло. — Вы увлечены, как мальчишка.

— Тем лучше для меня! Смотри! Я умирал от усталости, теперь воскрес. Ну, давай же, шевелись! Моя шляпа? Время не ждет. Скажи, где улица Мессе... Посмотри по плану...

Вальгран, все больше оживляясь, расхаживал по комнате, а Шарло торопливо перелистывал справочник, шепча себе под нос:

— К... Л... М... Ма... Ме... Ага, месье Вальгран! — воскликнул он, удивленный и взволнованный.

— Ну, где? — спросил актер.

— Господин Вальгран, — прошептал костюмер, — это улица... на которой находится... тюрьма!

— Ты что думаешь, меня пугает тюрьма?

Но Шарло, все больше волнуясь, продолжал:

— Тюрьма Санте. Там содержатся приговоренные к смерти! В ней Гурн.

Лихо сдвинув набок шляпу, Вальгран спросил:

— Ну и что же? У меня свидание в тюрьме?

— Нет... но недалеко... напротив ее!

— Напротив тюрьмы? — воскликнул Вальгран, совсем развеселившись. — Ты знаешь, Шарло, у меня такое предчувствие, что я проведу незабываемую ночь.

— А я так не думаю.

— Мне все равно, что ты думаешь. Великосветские дамы порочны.

Шарло вопросительно посмотрел на патрона, и тот объяснил:

— Сам выбор места свидания, желание видеть меня в костюме Гурна... Это же признак утонченности. Я бы даже сказал, какого-то неслыханного садизма. Представляешь, она и я, двойник Гурна. А настоящий Гурн в камере, совсем близко... Мой плащ! Трость!

Шарло колебался.

— Господин Вальгран, — вздохнул он, оттягивая время, — но ведь это абсурд. Такой человек, как вы!

— Такой человек, как я! — пропел Вальгран. — Такой человек, как я, будет ходить на голове ради такого свидания!

Оставшись один в артистической уборной, Шарло, привыкший к выходкам своего господина известного сердцееда, тихо ворчал:

— Какая жалость! Такой великий артист! Женщины делают из него осла! Подумать только, ведь он даже не взял ни перчаток, ни шейного платка!

Стук в дверь прервал бурчание Шарло.

Костюмер машинально отозвался:

— Войдите!

Появился театральный привратник.

— Можно гасить свет? — спросил вошедший. — Месье Вальгран уехал?

— Да... — рассеянно ответил костюмер, — он уехал!

— Прекрасный вечер, не так ли? — произнес привратник. — Вы читали вечерний выпуск «Капиталь»? Там говорится о театре. Газеты не теряют времени. Большой успех, пишет репортер.

— Покажите-ка, — попросил Шарло и, пробежав глазами текст одобрительно кивнул:

— Да, верно. Эта роль — триумф господина Вальграна. Вы знаете, его сегодня поздравлял сам министр?

— Конечно, знаю. Было бы странно, если бы привратник театра не знал о том, что происходит в доме..

Шарло продолжал читать.

— Очень точно. Послушайте: «Господин Вальгран силой своего таланта сделал симпатичным даже монстра...» Но вдруг он взволнованно воскликнул:

— Боже мой! Нет, это невозможно!

— Что такое? — спросил месье Жан. — Критикуют?

Указав на газетную колонку, дрожащим голосом Шарло произнес:

— Читайте дальше, месье Жан! Читайте!

Привратник заглянул в газету через плечо костюмера, пробежал глазами указанное место.

— Ну и что? Опять дело Гурна!

— Да, его казнь 18-го утром! Сегодня утром... совсем скоро...

Месье Жан равнодушно пробормотал

— Наверное... Вам плохо, месье Шарло?

— Нет!.. Ничего!.. Усталость... Вы можете гасить, месье Жан. Через несколько минут я уйду.

— Захлопните за собой дверь, когда будете уходить, я ложусь спать.

Оставшись один, Шарло сел на подлокотник кресла.

— Какое приключение! — прошептал он. — Господин Вальгран несерьезен. Он наживет неприятности. Мне очень не нравится сегодняшняя история. Какого черта он туда пошел? Чего от него хочет женщина? Я, старый дурак, но и я кое-что соображаю... Сколько рассказывают об этих таинственных делах, странных и подозрительных.

Шарло замолчал в раздумье.

— А что, если мне пойти побродить там? Господин, конечно, взбесится... Не ловушку ли ему готовят? Засаду...

Старый костюмер мерял комнату большими шагами.

— Боже мой! Боже мой! Надо успокоиться! Эта улица... свидание с глазу на глаз... Гурн, которого скоро гильотинируют!

Шарло торопливо надел куртку, нахлобучил шляпу, погасил одну за другой лампы, освещавшие элегантную артистическую уборную его хозяина.

— Что будет, то будет. Я иду!

Заперев на ключ дверь артистической уборной, Шарло, как бы убеждая самого себя, повторил:

— Я иду, так мне будет спокойнее.

XXXII
СТРАШНОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Леди Белтэм взволнованно ходила по комнате, часто останавливаясь и прислушиваясь.

Ее глаза горели странным огнем, она изо всех сил прижимала руки к груди, как будто хотела удержать рвавшееся из нее сердце.

— Он не придет! – шептала она, заламывая руки. — Что тогда?

Вдруг она услышала шум.

На цыпочках леди Белтэм пересекла комнату, приоткрыла дверь и прислушалась.

— Нет! Ошибка!

По улице Мессе, 22 находился жалкий домишко в два этажа, в котором уже несколько недель никто не жил. Его владельцем был одинокий винотрадарь, наезжавший в Париж от случая к случаю. Время от времени ему удавалось сдавать свою продуваемую всеми ветрами лачугу — сырую, грязную, требующую капитального ремонта.

Примерно месяц назад владелец дома по Мессе, 22 был очень удивлен, получив письмо, в котором некий Дюран просил сдать ему дом. В конверте были и три стофранковые купюры — плата за год вперед. Владелец лачуги обрадовался этой неожиданной удаче и поспешил отправить Дюрану расписку о своем согласии, довольный тем, что ему не придется теперь ремонтировать домишко.

Он послал по указанному в письме адресу ключ и больше ни о чем же не беспокоился.

В главной комнате второго этажа, имевшего вид мансарды, все убранство которой состояло из старого потрепанного канапе, такого же кресла, нескольких плетеных стульев, деревянного неокрашенного стола, в эту ночь, 18 октября, устроилась леди Белтэм.

На столе стоял чайник, несколько чашек, пирожные. Керосиновая лампа слабо освещала убогую обстановку.

Леди Белтэм вдруг, быстро направилась к двери, выходящей на противоположную от лестницы сторону, и, приоткрыв ее, прошептала: «Тише!». Потом подошла к канапе и опустилась на него.

Она обхватила голову руками, сжимая пульсирующие виски, пытаясь привести в порядок свои мысли. Не в силах оставаться на одном месте, леди Белтэм встала и принялась опять расхаживать по комнате, приговаривая:

— Нет, никого нет до сих пор! О! Я бы отдала десять лет жизни за... Боже мой!... Неужели все пропало? Какая ужасная ночь!

С тревогой осмотревшись леди Белтэм подошла к столу, чтобы прикрутить фитиль лампы, но внезапно остановилась.

— Какой-то шум! — встрепенулась она, прижав палец к губам. — Неужели это он?

В самом деле, было слышно, как кто-то медленно поднимается по лестнице.

Леди Белтэм отступила к канапе, в бессилии упала на него и, повернувшись спиной к входной двери, закрыла лицо руками:

— Вальгран!

Выйдя из театра, актер доехал до Люксембургского сада, а оттуда решил не спеша пройтись пешком.

Вальгран обожал приключения. В любви ему сопутствовал успех.

Женщина, умолявшая его прийти этой темной холодной ночью в такой глухой квартал, да еще в костюме трагического персонажа, не могла быть обыкновенной женщиной!

— Есть такие, — размышлял Вальгран, — которые любят быть побежденными и хотят, чтобы им внушали страх! Что же, посмотрим.

Вальгран медленно вошел в комнату. Театральным жестом он сбросил плащ и шляпу на кресло, сделал несколько шагов к леди Белтэм, которая сидела неподвижно, закрыв лицо руками.

— Я пришел! — сказал он низким голосом. — У нее странно взволнованный вид, что же я должен ей сказать? — подумал Вальгран.

Леди Белтэм, сделав, казалось, нечеловеческое усилие, обернулась.

— Спасибо! — пробормотала она. — спасибо, что вы пришли!

Вальгран поклонился.

— В действительности, мадам, — произнес он, — не вы должны меня благодарить, а я вас. Я рад, что получил ваше приглашение. Поверьте, я пришел бы раньше, если бы не обычные заминки, всегда сопутствующие премьере, визиты, но... — он замолк, увидев, что леди Белтэм вздрогнула.

— Вам холодно?

Вальгран выпрямился, бегло оглядывая убогое жилище.

— Нужно разгадать эту тайну, — подумал Вальгран, подходя к окну проверить хорошо ли оно закрыто.

— Хотите чаю, месье Вальгран? — Леди Белтэм была уже у стола.

— С удовольствием, мадам. - Вальгран пододвинул поднос к себе, взял сахарницу и бесцеремонно насыпал в свою чашку добрую треть ее содержимого.

Чай пили молча.

Леди Белтэм смотрела на него горящими глазами.

— Эта дама до того смущает меня, что я становлюсь глуп как школьник, — думал Вальгран. — Надо быть психологом, чтобы понять, зачем ей понадобился мой нелепый наряд. Как же мне вести себя?.. Быть сентиментальным? Притвориться грубым? Льстить ей? Сыграть кающегося грешника? За дело!

Вальгран поднялся.

Словно на сцене, модулируя мастерски голосом, Вальгран произнес

— По вашему зову, мадам, заключенный Гурн, разорвав цепи, сорвав двери темницы, пробив тюремные стены, преодолев самые опасные препятствия, пришел к вам, он пришел...

Вальгран сделал шаг к леди Белтэм.

— Нет!.. Нет!.. Замолчите!.. Замолчите!.. — прошептала она, останавливая его жестом.

«Промахнулся! — подумал Вальгран. — Попробуем другое».

Тоном ученика, хорошо усвоившего урок, он продекламировал:

— Ваша покровительственная доброта, повернется ли она к виновному, чтобы вырвать его из греха? Ведь говорят, что вы такая добрая... Такая набожная...

— Только не это! Только не это! — взмолилась леди Белтэм.

Вальгран, казалось, все понял.

Приблизившись к ней, актер быстрым движением схватил женщину за руку и закричал:

— Ты не узнаешь меня? Я же Гурн! Убийца! Я хочу взять тебя! Задушить в своих объятиях!

Вконец напуганная леди Белтэм, вырвалась и простонала:

— Нет! Нет!.. Это безумие!..

Но Вальгран прерывающимся от страсти голосом шептал:

— Будь моей!

— Назад! Грубиян! — завопила она.

Озадаченный Вальгран отступил на середину комнаты.

«Да, я очень плох в этой роли! — подумал актер в расстерянности. И вернулся к любезному тону:

— Послушайте, мадам, — сказал он мягко.

Леди Белтэм, казалось, превозмогла свое волнение.

— Простите, меня, простите! — бормотала она.

Вальгран стал еще нежнее:

— Я — Вальгран, актер Вальгран, вы ведь это хорошо знаете? Простите, что я пришел к вам. Может быть, в этой записке была ошибка?

— В записке? — спросила леди Белтэм. — Ах, да! Простите!..

Будто с трудом подыскивая слова, Вальгран продолжал:

— Вы переоценили мои возможности. Я наверное мало похож...

Актер замолчал и машинально потер глаза. «Забавно, — подумал он, — но, кажется, мне больше хочется спать, чем ухаживать за этой женщиной!»

Однако вслух он сказал:

— Я люблю вас с того дня, как увидел впервые. Я люблю вас любовью...

Леди Белтэм смотрела на Вальграна уже спокойно.

Вальгран заметил это и оценил свое положение: «Ну вот, — сказал он себе, — кажется я у цели!»

Опытный любовник, знаток лирических сцен, он хотел отдаться новому приключению. Но ему приходилось делать усилия, чтобы превозмочь неожиданную сонливость. В некоторой степени это ему удалось.

— Вы хотите, чтобы я молчал? — воскликнул он. — Когда благосклон-

ное небо послало мне возможность осуществить заветную цель? Исполнить мои самые горячие желания? Когда, сгорая от любви, я нахожусь у ваших ног...

Вальгран рухнул на пол. Леди Белтэм встала. Она прислушалась. Часы на башне пробили четыре.

— О, я не могу больше! Я не могу больше! — бормотала она. — Послушайте, четыре часа! Ах! Это слишком!..

Будто обезумев, молодая женщина металась по комнате. Она подошла к Вальграну и, словно сострадая ему, попросила:

— Уходите, месье! Если вы верите в бога, уходите... Как можно скорее!..

Вальгран с трудом встал на ноги. Он чувствовал одно желание: быть там, где находился, никуда не двигаться.

— Я верю только в одного бога, мадам! В бога любви, который приказывает мне остаться!

Напрасно леди Белтэм кричала, обезумев от тревоги и страха:

— Бегите, несчастный! Это слишком ужасно!..

— Я остаюсь! — заявил Вальгран, опустившись на канапе рядом с леди Белтэм.

— Послушайте, — шептала она, — именем неба, надо... Нет, я не могу вам этого сказать! Это ужасно...

— Я остаюсь! — повторил Вальгран, которого сонливость валила с ног.

Леди Белтэм умолкла, глядя на актера. Раздался легкий шум со стороны лестницы.

— Ну вот и конец! — простонала леди Белтэм.

Одолев дремоту, Вальгран встрепенулся, но две тяжелые ладони опустились на его плечи. Его руки кто-то соединил за спиной и быстро связал...

— Черт возьми! — воскликнул ошеломленный Вальгран и резко обернулся.

Рядом с ним стояли два типа с лицами отставных военных. Оба были в темных мундирах, на которых блестели металлические пуговицы.

— Что все это значит? — в недоумении произнес Вальгран. — Отпустите меня! По какому праву?

Один из незнакомцев приказал:

— Не делай глупостей! Иди!

А второй добавил:

— Ты хорошо знаешь, Гурн, сопротивляться бесполезно!

Ошеломленный Вальгран тем не менее слабо запротестовал:

— Я не понимаю, о чем вы говорите?

У одного из сопровождающих иссякло терпение.

— Замолчишь ты, наконец! Ты же знаешь, мы и так рискуем; мы привели тебя из тюрьмы сюда, а не на исповедь к священнику, как думает начальство.

— Конечно, дама нам хорошо заплатила за то, чтобы провести с тобой наедине этот час, — сказал второй. — Но прошло уже полтора часа, а поскольку мы все-таки дорожим своей работой...

— Перед тем, как прийти сюда, — упрекнул его первый охранник, — ты клялся, что будешь вести себя с нами вежливо и уйдешь сразу, как только тебе дадут знать. Выполняй же свое обещание. Пойдем! Не скандаль, Гурн!

Вальгран, озадаченный и обеспокоенный, пытался возражать, но ему было трудно выговаривать слова.

— Боже мой! Эти дураки принимают меня за Гурна!.. Но я — не Гурн!

Он бросил отчаянный взгляд в сторону леди Белтэм.

— Мадам, — пробормотал он, — скажите же им!

Но леди Белтэм молчала

Охранники уводили его.

Вальгран сделал последнее усилие. Вернувшись на середину комнаты и не обращая внимания на тюремщиков, он завопил:

— Но ведь я не Гурн! Я — Вальгран!.. актер Вальгран! Все меня знают! Вы тоже знаете, можете меня обыскать...

Кивком головы он указал в угол, где была его одежда.

— Там!.. мой бумажник! Мои документы!.. письмо... доказательство этой ловушки.. письмо этой женщины!

— Посмотришь, Нибе? — спросил первый охранник, в то время как другой шипел в ухо Вальграну

— Тише! Ради Бога! Ты что, хочешь, чтобы нас застали врасплох?

Нибе пожал плечами, быстро ощупал одежду Вальграна и убедился, что там не было никакого бумажника...

— Как же так — сказал он, обращаясь к своему компаньону, — мы Гурна привели сюда? Значит и отведем его обратно!.. В путь!

Вальгран, которого все больше одолевала сонливость, перестал сопротивляться.

Пока его вели по темной лестнице, он только лепетал слабеющим голосом:

— Я не Гурн!.. Я не Гурн!..

Какое-то время леди Белтэм прислушивалась на лестнице, потом вернулась в комнату. Она пыталась расстегнуть воротник платья, несколько раз глубоко вздохнула и упала в обморок...

Дверь с противоположной от лестницы стороны приоткрылась. Медленно и бесшумно Гурн вышел из темноты и приблизился к женщине.

Он покрыл поцелуями ее неподвижное лицо, сжал ее безжизненные руки:

— Мод! — закричал он. — Мод!

Леди Белтэм не отвечала.

Гурн попытался привести ее в чувство, и вскоре леди Белтэм слабо простонала.

— Гурн! Гурн!.. Ты?.. Это было выше моих сил. Я чуть все не испортила, чуть не проговорилась! Какие ужасные мгновения!..

Леди Белтэм поднялась, лицо ее выражало тревогу:

Как он говорил: «Я не Гурн, я не Гурн!». Боже мой! — воскликнула она. — Только бы они ничего не заметили.

— Охранникам хорошо заплатили! Они будут молчать...

Перейдя на шепот, Гурн спросил:

— Он выпил наркотик?

Леди Белтэм утвердительно кивнула головой.

— Да, хлораль сделал свое дело. Наркотик действовал так быстро, что я подумала, он сейчас упадет... к моим ногам!

— Мод! - воскликнул Гурн, глубоко вздохнув. — Мод! Мы спасены! Скоро наступит утро, и мы выйдем отсюда. Пока ты была с ним, я сжег тюремную одежду

Заметив плащ, забытый Вальграном, Гурн воскликнул:

— Я прекрасно скроюсь в этом плаще

— Пойдем! — согласилась леди Белтэм, стараясь из последних сил встать с канапе.

— Минуточку, — сказал Гурн. — Мне нужно срезать эту бороду и эти усы...

И вынув из кармана ножницы, убийца лорда Белтэма направился к зеркалу.

Но шум шагов, доносившихся с лестницы, его остановил. Кто-то поднимался по деревянным ступеням.

Гурн смертельно побледнел, а леди Белтэм, собрав все свое мужество, побежала к двери.

Гурн, у которого не было времени укрыться в тайнике, бросился в кресло, надвинул на глаза шляпу Вальграна и поднял воротник плаща.

— Прошу прощения у мадам...

Человек, вошедший с такими словами, казался робким и растерянным.

— Что вам угодно? Кто вы? — спросила леди Белтэм бесцветным голосом.

Увидев Гурна в глубине комнаты и указав на него, посетитель ответил:

— Господин Вальгран хорошо меня знает. Я Шарло, его костюмер. Костюмер господина Вальграна. Я пришел просто так... Видите ли...

Шарло вынул из кармана небольшой четырехугольный пакет:

— Господин Вальгран так поспешно ушел из театра, что забыл свой бумажник. Я его принес.

Шарло попытался приблизиться к убийце лорда Белтэма, которого он принял за своего хозяина, но молодая женщина встала между ними.

Шарло, неправильно истолковав намерения леди Белтэм, стал извиняться:

— Я пришел не из праздного любопытства, не для того, чтобы доставить вам неприятности, мадам! Не нужно волноваться! Скажите месье Вальграну, чтобы он не гневался на своего старого Шарло!

Не в силах больше выносить болтовню этого человека, леди Белтэм простонала:

— Уходите! Уходите, пожалуйста!

— Я ухожу, — продолжал Шарло, — я чувствую, что смущаю вас... Но ведь нужно ему объяснить...

И поскольку Шарло не получил никакого ответа, неисправимый болтун продолжал лепетать.

— Случаются всякие истории... улица, дом напротив... тюрьма... Но вы, наверное, не знаете?

Шарло, приняв молчание леди за разрешение продолжать свои объяснения, присел на краешек стула.

— Вы знаете, — говорил он, — о казни Гурна... убийцы богатого английского господина? Ну так вот, я прочитал в газете, что казнь состоится этим утром!

Леди Белтэм сделала едва уловимый жест.

— Не сердитесь... Ведь я так беспокоился... сначала я хотел идти за ним... остаться внизу и подождать, пока господин Вальгран выйдет, но я заблудился в этом грязном квартале! И пришел только сейчас. Я не знал, здесь ли он или уже ушел. Позволил себе подняться.. Но я сейчас уйду. Потому что он здесь. Господин Вальгран с вами, мадам...

Шарло наконец встал.

Проходя мимо Гурна, он в последний раз обратился к нему:

— Господин Вальгран, вы меня простите?..

Не получив ответа, он простодушно обратился к леди Белтэм:

— Не правда ли, мадам, вы замолвите за меня словечко? Он не злой человек. Он меня простит. Я ухожу спокойно, я его видел...

Шарло направился к выходу. Проходя мимо окна, он бросил взгляд на улицу и остановился как зачарованный.

Занимался день, смягчая желтый свет фонарей.

Окно выходило на площадку возле бульвара Араго, который примыкал к тюрьме Санте.

Это место, обычно пустынное, уже было заполнено народом. Огромная толпа стояла у наспех сколоченных низких барьеров, окружающих место предстоящей казни.

Шарло, не в силах оторвать взгляд от окна, поднял дрожащую руку и как будто сразу понял значение увиденной им картины.

— Ах, боже мой! — прошептал он, прислонясь к стеклу. — Здесь эшафот. Да! Я вижу доски. Гильотина, нож гильотины... предстоит каз...

Шарло не закончив фразу, упал на пол. Леди Белтэм отступила, кусая руки, чтобы не закричать от ужаса.

Гурн убил костюмера ударом ножа!

Ошеломленная леди Белтэм смотрела на жертву. Гурн, схватив ее за руку, шепотом приказал:

— Бежим!

XXXIII

НА ЭШАФОТЕ

Стояла темная ночь...

В прохладном предрассветном воздухе под небом, усыпанным звездами, время от времени пробегали порывы ветра. Они сгибали ветви деревьев и шелестели листьями.

Новый прекрасный день готовился вступить в свои права.

Бульвар Араго и примыкающие к нему улицы были заполнены людьми.

В толпе было шумно и оживленно. Работали рестораны, кабаки, лавки и ларьки.

Народ Парижа гулял.

Народ?

Нет! Те кто не спали в эту ночь составляли два полюса общества. Одни — богатые завсегдатаи ночных баров, другие — нищие, у которых не было ни кола ни двора, скитальцы и попрошайки, распутники и сутенеры.

Все ждали предстоящей казни.

Гурн, убийца лорда Белтэма, погибнет с первыми проблесками наступающего дня. Гильотина будет возмездием преступнику за его злодеяния.

Толпы желающих увидеть казнь собирались как на праздник.

На Монмартре двухместные кареты были нарасхват, дорого платили и автомобили-такси. Дамы в светлых туалетах, сверкая драгоценностями, садились в экипажи, которые везли их к тюрьме Санте.

Завсегдатаи кабаре из парижских предместий выходили, взяв друг друга под руки, в сопровождении молодых особ древнейшей профессии с песнями, непристойными шутками пешком поднимались к бульвару Араго.

От всей толпы исходил дух, который так характерен для ярмарок, праздников, рынков.

Всем хотелось увидеть кровавый спектакль.

Многие спрашивали друг у друга:

— Струсит ли он?

Богатая часть публики еще оставалась в экипажах.

— Вам страшно, моя красавица?

— Мне? Совсем нет!

— Вы просто бесчувственны!

— У меня нет больше сердца, дорогой мой! Вы ведь прекрасно знаете, что я отдала его вам!

Толпе не терпелось удовлетворить свое любопытство. Как поведет себя приговоренный? Каждый представлял это по-своему.

Пробиваясь сквозь сутолоку, Франсуа Бонбон, владелец «Кошон де

Сент-Антуан» шагал впереди небольшой группы.

— Сюда, Билли Том! Держись за мою куртку, чтобы не потеряться! Ты не видел Жофруа по прозвищу Бочка?

— Он идет вместе с Бузилем.

— Прекрасно! Если бы Бузиль захотел проехать здесь на своем «транспорте»... Нет! Не проехал бы. Как ты думаешь? Здесь столько народу!

Билли Том пожал плечами:

— Никакой справедливости, здесь столько богачей!

В это время двое мужчин обогнали кабатчика.

— Пойдем! — отдуваясь, сказал один из них.

И спросил у того, кто следовал за ним:

— Ты их не узнал?

— Нет, — ответил Фандор.

Жюв назвал имена тех, кого они обогнали. И предупредил:

— Меня никто не должен узнать.

Жером Фандор понимающе улыбнулся, а Жюв продолжал:

— Забавно! Будущие клиенты гильотины — бандиты и жулики — всегда стремятся присутствовать на экзекуции.

Полицейский с трудом пробирался сквозь толпу.

— Подожди! Фандор! Мы пришли рановато. Чтобы пройти вперед и не толкаться нужно, чтобы нас пропустили. Возьми пропуск!

Жером Фандор взял у Жюва небольшую карточку.

— Видишь, приближаются солдаты муниципальной гвардии, сейчас мы станем за газетными киосками и подождем, пока они оттеснят толпу, а потом пройдем вперед...

Жюв предвидел маневры солдат, которые они тотчас принялись осуществлять.

Важные, импозантные, великолепно держащиеся на прекрасных лошадях, солдаты муниципальной гвардии только что появились на бульваре Араго, рядом с тюрьмой Санте. Прозвучала короткая команда. Солдаты, расположившиеся веером, оттеснили толпу к началу бульвара. Раздались возмущенные возгласы, люди толкали друг друга:

— Мы ничего не увидим!

— Это так ужасно!

— Я уже два часа держал здесь место!

— Ну где там прячут гильотину?

Жюв и Фандор со специальными пропусками, выданными префектурой, легко прошли через тройной кордон охраны. Теперь они находились в самом центре бульвара Араго. С одной стороны его высились стены тюрьмы Санте, а с другой — стены монастыря.

Неподалеку находился примерно десяток людей, одетых в черные редингота, в цилиндрах на голове. Они старались сохранить безразличный вид, хотя и были взволнованы.

Жюв указал на них Фандору:

— Это инспекторы из Сюрте, мои коллеги. Да и твои собратья по перу — ведущие репортеры всех главных ежедневных газет города. Понимаешь ли ты, малыш, что тебе повезло. Начинающий репортер, а уже представляешь «Капиталь» на этой мрачной церемонии!

— Признаюсь вам, Жюв,— ответил Фандор,— что я пришел сюда только потому, что хотел, как и вы, увидеть отсеченную голову Гурна, того Гурна, который, как вы меня убедили, является Фантомасом. Я хочу быть свидетелем его смерти. Но, если бы речь шла не об этом презренном типе, я, конечно, уклонился бы от чести писать такой репортаж.

— Волнуешься?

— Да!

Жюв опустил голову.

— И я, я тоже, Фандор!

— Вы, Жюв?

— Да, я. Подумать только, вот уже пять лет как я веду борьбу против Фантомаса. Вот уже больше пяти лет я верю в его существование вопреки всем насмешкам! Вот уже более пяти лет я желаю его смерти! Только смерть, одна смерть может остановить его преступления.

Хотя я и уверен в том, что Гурн — это Фантомас, мне все же не удалось убедить в этом судей. И для Дейблера, и для прокурора, и для общественного мнения, это «только» Гурн.

Полицейский замолчал: со стороны бульвара Араго, где была публика, раздались аплодисменты, радостные восклицания, крики «браво».

Фандор вздрогнул:

— Что такое?

— Сразу видно, что ты не знаток подобных спектаклей. Весь этот шум означает, что толпа приветствует палача...

Жюв не ошибся. Показалась тяжелая повозка, которую везла белая лошадь. Повозка была покрашена в черный цвет и наглухо закрыта, она быстро приближалась в сопровождении четырех жандармов с саблями наголо.

Повозка остановилась в нескольких метрах от Жюва и Фандора. За фургоном ехал небольшой обшарпанный экипаж. Он остановился, из него вышли трое, одетые в черное. Жюв указал на них своему компаньону:

— Палач Парижа и его помощники; Дейблер и его слуги!..

Молодой человек вздрогнул.

— В этом фургоне, который ты видишь, разобранная гильотина. Через полчаса Дейблер с помощниками смонтируют ее, а через час Фантомас перестанет существовать.

Пока полицейский говорил, палач сделал несколько шагов и остановился рядом с офицером, который командовал охраной. Они обменялись несколькими словами, и палач подошел к другому человеку. Это был полицейский комиссар квартала. Затем он повернулся к своим помощникам и спокойным голосом приказал:

— Ну, ребята! За работу!

Один за другим помощники вытаскивали из фургона длинные чехлы из серого материала.

— Смотри! — сказал Жюв,— это части машины, и сейчас принимают все меры предосторожности, чтобы их не испортить! Ведь гильотина очень точный инструмент!

Разгрузив фургон, помощники палача сняли свои пальто, закатали рукава и под руководством хозяина начали возводить гильотину.

Они тщательно подмели участок, на котором монтировался эшафот, чтобы даже мелкие камушки не нарушили равновесия всей конструкции. Части машины подгонялись одна к другой и соединялись прочными медными креплениями.

И вот уже гильотина простирала к небу свой жуткий остов!

Жюв указал Фандору на быстроту монтажа:

— Ты заметил,— сказал Жюв Фандору,— как быстро собрана эта машина. Дейблеру осталось только установить рычаги, крепления, нож, и все будет готово.

Будто услышав объяснения Жюва, Дейблер, действительно, сам принялся за работу.

Прежде всего он проверил, чтобы основание гильотины лежало точно по горизонтали, затем установил подставку, на которую приговоренный должен положить голову, проверил рычаги и коротко спросил:

— Где нож?

Потом проверил все механизмы, которые приводили в движение нож гильотины, окинул взглядом всю машину и, повернувшись к помощникам, спросил:

— Сено?..

Сено постелили в люнет. Дейблер нажал на стопор. Нож молниеносно опустился и перерезал охапку сена...

Репетиция закончилась. Теперь можно было начинать спектакль.

Жюв, который все время, пока монтировали гильотину, был рядом с Фандором, пояснил юноше:

— Все готово. Дейблер переоденется и пойдет за Фантомасом!

Помощники поставили возле роковой машины две корзины с отрубями, в одну из них должна была скатиться безжизненная голова казненного, в другую — тело.

Палач переоделся, машинально потер руки и большими шагами направился к группе людей, которые подъехали во время монтажа гильотины в частных экипажах и стояли теперь у входа в тюрьму.

— Господа,— объявил Дейблер,— через четверть часа начнется день. Можно начинать процедуру.

— Господин Жермен Фюзелье, судебный следователь по этому делу, не пришел? — спросил невысокий мужчина, господин Авар, глава Сюрте, который по закону должен был передать приговоренного в руки Дейблера.

— Господин Жермен Фюзелье просил его извинить: он заболел...

На эти слова палач улыбнулся. Он знал господина Жермена Фюзелье,

…дкупного судебного следователя и ярого противника смертной казни.

— Господин прокурор,— произнес Дейблер,— пора!

Следуя друг за другом, они вошли в ворота тюрьмы.

Генеральный прокурор... прокурор республики... его заместитель... директор Санте. Замыкали цепочку господин Авар. Дейблер и его помощники.

Пройдя по коридорам тюрьмы, группа поднялась на второй этаж и направилась к камерам смертников.

Подошел надзиратель Нибе со связкой ключей.

Дейблер, без тени волнения, посмотрел на прокурора республики:

— Вы готовы, месье? — спросил он.

И когда тот утвердительно кивнул головой, начальник Санте посмотрел на надзирателя.

— Откройте камеру! — приказал он.

Нибе бесшумно открыл дверь...

Прокурор вошел в камеру.

Человек, находящийся в камере, был тщательно одет и сидел на краю кровати.

— Гурн! — объявил прокурор.— Будьте мужественны! Ваша просьба о помиловании отклонена.

Приговоренный не шелохнулся. Казалось, он ничего не понимал! Казалось, он спал сидя.

Прокурор, удивленный такой безучастностью, повторил:

— Будьте мужественны!

Лицо приговоренного исказилось, губы его зашевелились. Казалось, он делал чрезвычайные усилия, чтобы произнести:

— Я не...

Тюремный священник обратился к приговоренному:

— Молитесь, брат мой! Соберитесь с духом!

Когда палач положил руку на плечо приговоренному, тот вздрогнул, затем автоматически встал.

Он слышал вопрос священника и сделал два шага к нему:

— Я не...

Господин Авар вмешался:

— Нет, святой отец, не стоит! Пора!

Дейблер подтвердил:

— Поторопитесь! Мы нарушаем процедуру, день уже начался...

Прокурор республики продолжал повторять:

— Будьте мужественны! Будьте мужественны!

Дейблер взял приговоренного под руку. Надзиратель поддерживал его с другой стороны.

В маленькой комнате, которая слабо освещалась мигающей лампой, были приготовлены стул и стол. Приговоренного усадили на стул.

Дейблер взял длинные ножницы...

Генеральный прокурор тем временем спросил у приговоренного:

— Может быть, вы хотите стаканчик рому? Или сигарету? Может быть, вы хотите сделать какие-нибудь распоряжения, передать что-нибудь?

Мэтр Барберу, который от волнения старался не смотреть на несчастного, спросил в свою очередь:

— Гури, может, я могу сделать что-нибудь для вас? Есть ли у вас последнее желание?

Приговоренный попытался встать со стула, неясный стон вырвался из его груди...

И он откинулся назад в полуобморочном состоянии.

Тюремный врач, который тоже был среди сопровождающих, сказал, обращаясь к заместителю прокурора:

— Это ужасно! Видите! Человек не смог произнести ни единого слова с тех пор, как проснулся!.. Он в странном забытьи. Я даже не могу точно определить его состояние. Он заторможен. Он жив... Но уже как бы мертв. Во всяком случае, он не в себе, не способен ни выразить свои мысли, ни произнести ни одной фразы! Я редко встречал подобное состояние.

Дейблер жестом отстранил тех, кто стоял вокруг него:

— Подпишите приказ об освобождении из-под стражи, господин Авар! — сказал он.

В то время как шеф Сюрте подписывал акт об освобождении Гурна из-под стражи и передаче его палачу, Дейблер широким взмахом ножниц срезал воротник рубашки приговоренного, состриг пряди волос на затылке.

Помощник в это время связывал смертнику веревкой запястья.

Палач посмотрел на часы и подал знак прокурору республики.

— Пора!

Помощники подхватили приговоренного под руки.

Он снова прохрипел:

— Я не...

Но его никто уже не слушал.

Первые лучи восходящего солнца будили птиц, играли бликами на ноже гильотины...

Было 5 часов 10 минут.

Толпа, все разрастаясь, наступала на кордон из солдат муниципальной охраны.

Группа завсегдатаев «Кошон де Сент-Антуан» вела себя особенно агрессивно.

Бузиль, повиснув на плечах Жофруа, толкал соседей. Что касается папаши Франсуа Бонбона, он толкал солдат:

— Ну, пропустите же нас, ребята! Не бойтесь! Вечером приглашаю на стаканчик...

Солдаты были неумолимы и пропускали к гильотине только тех, кто имел специальные пропуска.

Послышался гомон.

Конные жандармы, стоявшие лицом к гильотине, по команде вынули шашки наголо. Нервным движением Фандор схватил за руку Жюва. Полицейский побледнел.

— Пойдем туда! — сказал он,— и повел Фандора к гильотине.— Посмотрим на этого несчастного. На этом месте я стоял, когда казнили Пеньеса, давно это было. Здесь был я и 5 августа 1909 года, когда казнили отцеубийцу Дюшмена...

Из дверей тюрьмы Санте показалась зловещая процессия. Мужчины обнажили головы. Мертвая тишина воцарилась над бульваром.

Процессия проследовала мимо журналиста и полицейского, остановилась по другую сторону гильотины, у подножья эшафота.

Дейблер открыл заднюю часть фургона.

Священник немного отступил. Помощники палача подвели приговоренного к эшафоту.

Дрожащий Фандор глухо воскликнул:

— Боже мой!.. Боже мой!..

Приговоренный был уже на эшафоте.

— А он хорошо держится! Он даже не побледнел! Обычно приговоренные мертвенно бледны,— заметил Жюв.

Помощники палача уложили приговоренного в люнет. Подошел Дейблер.

Вынут стопор.

Сверкнул падающий нож.

Брызнула кровь.

Глухой стон вырвался у тысяч людей.

Голова казненного скатилась в корзину.

Неожиданно Жюв, оттолкнув Фандора, бросился к эшафоту... Растолкав помощников, он стал рыться в отрубях, которые уже насквозь пропитались кровью. Жюв поднял отсеченную голову за волосы... Несколько секунд он рассматривал ее.

Испуганные помощники бросились к полицейскому.

Дейблер кричал:

— Вы сошли с ума! Немедленно уходите отсюда!

Фандор видел, что Жюв вот-вот упадет в обморок.

Прерывающимся голосом Жюв бормотал:

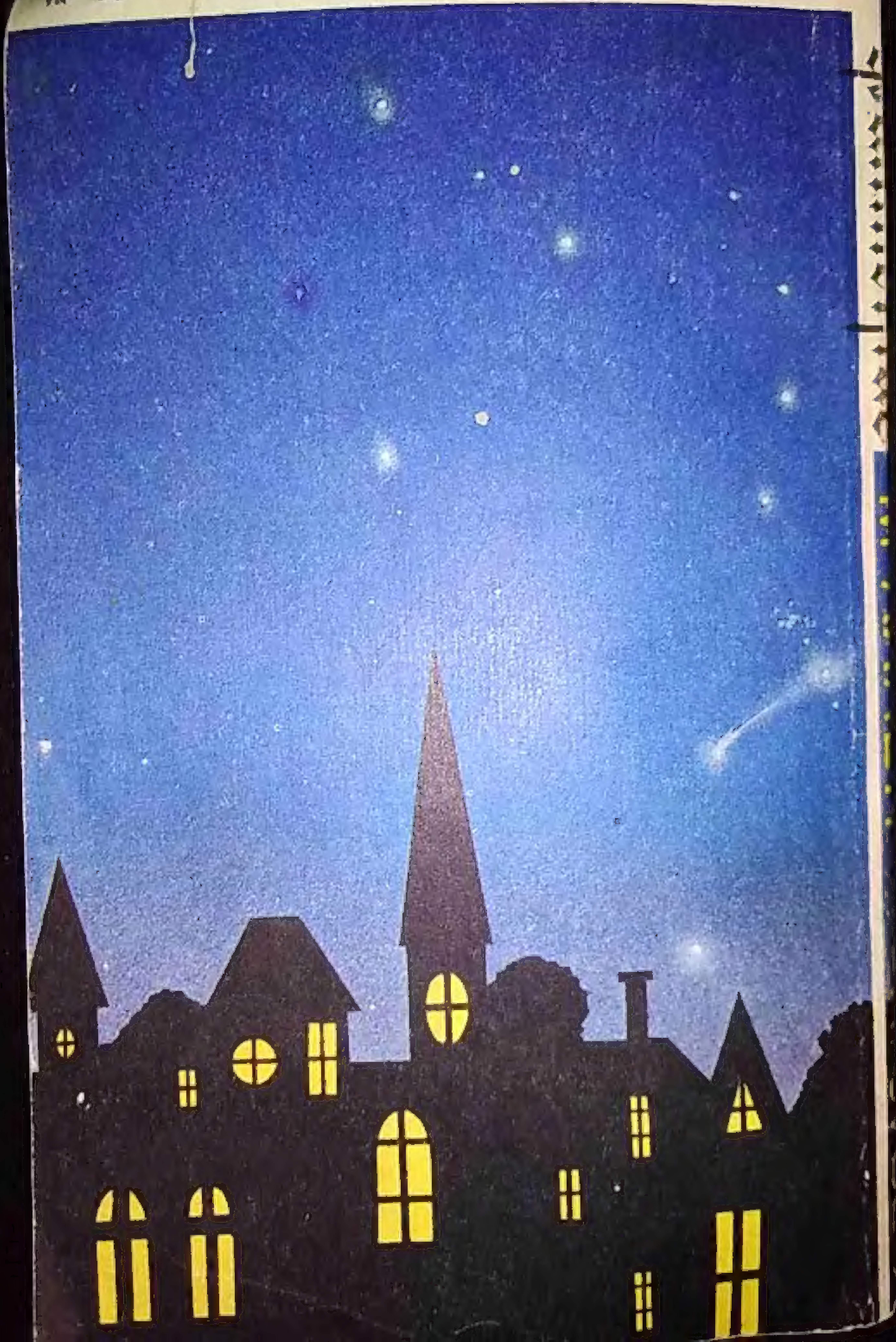
— Это не Гурн. Казненный не побледнел потому, что был загримирован! Проклятье! Фантомас сбежал! Фантомас на свободе! Вместо него казнен невинный! Фантомас жив!

КОНЕЦ

Перевод с французского Аллы Сметанкиной.
Художник-оформитель Олег Небесный.

Souvestre Pierre, Allain Marcel.
Fantomas. P., Robert Laffont, 1991.

П. Сувестр, М. Аллен. ФАНТОМАС.
Редактор А. Маловерьян. Технический редактор А. Иванов. Формат 84х108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 8,4. Тираж 300 000. Заказ 1462. Цена договорная. Отпечатано в типографии Карагандинского обкома КП Казахстана, Караганда, ул. Дзержинского, 33.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190